Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИКСА РАН)
www.iccaras.ru

Научный информационно-аналитический журнал **«Корееведение»** издаётся ежеквартально с 2022 г. Журнал посвящён новейшим исследованиям в области корееведения и будет актуален как для экспертов в области международной политики, экономики, истории, культуры, так и для широкого круга читателей, интересующихся странами Корейского полуострова. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

URL: https://www.koreanology.ru

- Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научную электронную библиотеку eLibrary.ru
- Регистрация в СМИ № Эл № ФС77-83956 от 16 сентября 2022 г.

Главный редактор: Асмолов К.В., к.и.н. (Россия).

Заместитель Главного редактора: Захарова М.С. (Россия)

Редакционная коллегия: Дьячков И.В., к.и.н, доц. (Россия); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Ким Ен Ун, к.филос.н. (Россия); Самсонова В.Г., к.э.н. (Россия); Семина Л.И. (Россия); Стрельцов Д.В., д.и.н., проф. (Россия).

Редакционный совет: Бабаев К.В. (*председатель*), д.филол.н., проф. (Россия); Акуленко В.С., к.и.н. (Россия); Воронцов А.В., к.и.н., доц. (Россия); Захарова Л.В., к.э.н., доц. (Россия); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Кукла М.П., к.э.н. (Россия); Курбанов С.О., д.и.н., проф. (Россия); Петровский В.Е., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Соловьев А.В. (Россия); Синякова А.Ф., к.э.н., доц. (Россия); Толорая Г.Д., д.э.н., проф. (Россия); Толстокулаков И.А., д.и.н., проф. (Россия); Ом Гу Хо (Сеул, Республика Корея); Пак Чон Су (Сеул, Республика Корея); Чхвэ Чжэ Док (Иксан, Республика Корея).

Редакция: Иванова Н.И., Шкатов Д.Е., Тарасов С.Ю.

Специальности ВАК:	OECD Fields of Science:
05.02.00 Экономика	5.02 Economics and business
05.05.00 Политология	5.06 Political science
05.06.00 Исторические науки и археология	6.01 History and archaeology

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

ISSN 2949-1010 электронная версия
ISSN 2949-2025 печатная версия
DOI: 10.48647/ICCA.2026.25.14.001

© ИКСА РАН
© МГИМО МИД

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
(ICCA RAS)
www.iccaras.ru

The scientific information and analytical periodical **"Koreanology"** is published quarterly since 2022. The journal is dedicated to the latest research in Korean studies and will be relevant both for experts in the field of international politics, economics, history, culture, and for a wide range of readers interested in the countries of the Korean Peninsula. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS,
Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

URL: https://www.koreanology.ru

- Included in Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Scientific Digital Library "eLibrary.ru"
- Media registration № ЭЛ № ФС77-83956 dated September 16, 2022.

Editor-in-chief: Asmolov K.V. (Russia), PhD (History)

Deputy editor-in-chief: Zakharova M.S. (Russia)

Editorial Board: Dyachkov I. (Russia), PhD (History); Zhebin A. (Russia), PhD (Political science); Kim En Un (Russia), PhD (Philosophy); Samsonova V. (Russia), PhD (Economics); Semina L. (Russia); Streltsov D. (Russia), DSc (History).

Editorial Council: Babaev K. (Russia), DSc (Philology), Prof., (*Chairman*); Akulenko V. (Russia), PhD (History); Vorontsov A. (Russia), PhD (History); Zakharova L. (Russia), PhD (Economics); Kistanov V. (Russia), DSc (History); Kukla M. (Russia), PhD (Economics); Kurbanov S. (Russia), DSc (History), Prof.; Petrovsky V. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov V. (Russia), DSc (Economics); Solovyov A. (Russia); Sinyakova A. (Russia), PhD (Economics); Toloraya G. (Russia), DSc (Economics), Prof.; Tolstokulakov I. (Russia), DSc (History), Prof.; Gu Ho Eom (Seoul, Republic of Korea); Chong Soo Park (Seoul, Republic of Korea); Jae Duk Choi (Iksan, Republic of Korea).

Editors Office: Ivanova N.I., Shkatov D.E., Tarasov S.Y.

Scientific specialities (VAK):	OECD Fields of Science:
05.02.00 Economic sciences	5.02 Economics and business
05.05.00 Political science	5.06 Political science
05.06.00 Historical sciences and archeology	6.01 History and archaeology

The Editorial Board's opinion may not coincide with the authors' point of view.

ISSN 2949-1010
ISSN 2949-2025
DOI: 10.48647/ICCA.2026.25.14.001

© ICCA RAS
© MGIMO University

СОДЕРЖАНИЕ

К 85-летию Евгения Евгеньевича Кима 5

История

Колнин И.С. Образ Кореи и смены корейских государств в официальной историографии ранней Мин (1368 г. — середина XV в.) 16

Бутько Е.С. Образ офицера Кан Чэгу в пропаганде времён Вьетнамской войны и коллективной памяти Республики Корея 33

Политика

Асмолов К.В., Селюта А.С. Будущее переноса столицы Республики Корея: кейс Сечжона 49

Лешаков П.С., Вахрушева В.М. Трансформация меритократии в корейском обществе: от конфуцианских экзаменов к стратификации под влиянием ИИ 79

Экономика

Полончук Р.А. Влияние экспортного контроля КНР над критически важными минералами на оборонную промышленность Республики Корея 99

Хамитов М.Р. Современная динамика российско-южнокорейской торговли (2013—2026) 110

CONTENTS

To the 85th anniversary of *Kim Evgeny Evgenievich* 5

History

Kolnin I.S. The Image of Korea and the Succession of Korean States in the Official Historiography of the Early Ming (1368 — Mid-15th Century) 16

Butko E.S. The Image of Officer Kang Jae-gu in Propaganda during the Vietnam War and in the Collective Memory of the Republic of Korea 33

Politics

Asmolov K.V., Selyuta A.S. The Future of the Transfer of the Capital of the Republic of Korea: The Case of Sejong 49

Leshakov P.S., Vakhrusheva V.M. Transformation of Meritocracy in the Korean Society: From Confucian Examinations to AI-Driven Stratification 79

Economy

Polonchuk R.A. The Impact of China's Export Controls on Critical Minerals on the Defense Industry of the Republic of Korea 99

Khamitov M.R. Contemporary Trends of Russian-South Korean Trade (2013—2026) 110

К 85-ЛЕТИЮ ЕВГЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА КИМА

85-летний юбилей отметил российский кореевед, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИКСА РАН Евгений Евгеньевич Ким (Ким Ен Ун). В честь юбилея редакция журнала «Корееведение» взяла у Евгения Евгеньевича интервью, в котором он рассказывает о начале своего пути в науку, истории своей семьи, политической карьере и научном наследии.

Редакция сердечно поздравляет Евгения Евгеньевича с юбилеем! Желаем крепкого здоровья, бодрости духа, творческих успехов, а также побольше трудолюбивых и благодарных студентов!

Что определило Ваш выбор и привело к тому, что Вы стали ведущим специалистом по Корее?

Прошу из анонса или представления убрать слова обо мне как о выдающемся ученом. Выдающиеся ученые — это те, кто сделал научные открытия, имеющие фундаментальное значение, в том числе академики и доктора наук. Я всего лишь кандидат наук, то есть «рабочая лошадка науки» (чернорабочий науки). Если сравнить количество публикаций академиков, докторов и кандидатов наук, получится, что кандидаты наук, поскольку их в 10 раз больше, чем докторов, написали и будут писать намного больше научных работ, чем признанные научным сообществом академики и доктора наук. Один пример: ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН К.В. Асмолов написал и опубликовал намного больше монографий и статей, чем большинство докторов наук, писавших или пишущих сейчас по Корее и смежным проблемам. То есть то, что в нынешних условиях пишут кандидаты наук, готовит почву для будущих работ докторов и академиков. Без них и прорывные труды академиков и докторов были бы невозможны, в том числе и потому, что практически все академики в нашей стране начинали свой путь в науке как кандидаты наук.

Что касается меня, то разве что можно отметить, что я самый старший по возрасту из действовавших и действующих корееведов в нашей стране. И в этом заслуга не только моих родителей и дедушек, подаривших мне гены долгожителей, но и моих коллег, особенно в нынешнем Институте Китая и современной Азии РАН, неизменно оказывающих мне свою моральную и научную поддержку, а также Ученого совета, который пока еще позволяет мне вести научную работу в институте. И еще я хотел бы поблагодарить моих студентов, магистрантов и аспирантов, которые своим отно-

шением придают мне силы для работы. Я оцениваю это как свидетельство моей пользы и нужности для них и их жизни. Человек, особенно моего поколения, если не случается каких-то трагедий, живет, пока он нужен людям, не только, естественно, своим детям, внукам, братьям и сестрам, но также и другим людям, если говорить громко, то обществу.

Как складывался Ваш путь в науку и преподавание?

Начнем с того, о чем я написал ранее, — я не считаю себя ведущим специалистом по Корее. О Корее пишут академики, многие доктора наук, а также большое число кандидатов, аспирантов со своими оригинальными оценками и выводами. И потом, Корея, как и любая страна, очень многогранна, тем более народ, который живет в двух разных по политике, экономике, культуре, менталитету, морали, философии, климату и природным условиям странах. Поэтому по большей части мы имеем дело со специалистами, которые работают по отдельным проблемам всего Корейского полуострова в целом и по отдельным проблемам каждой из этих стран, в частности. Вот среди них есть реально ведущие ученые. Но я один из рядовых ученых. Единственно, может быть, что отличает меня от многих других, — это мой опыт работы в Верховном Совете СССР в качестве члена Комитета по международным делам, помощника одного из депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации в течение десяти лет, где мне пришлось на общественных началах выполнять работу секретаря депутатской группы по связям с парламентом Республики Корея, в силу чего были постоянные контакты не только с депутатами России, но и Республики Корея, с президентами, лидерами политических партий и общественными деятелями, а также с учеными, бизнесменами и, что называется, с простыми людьми. Я несколько лет был президентом Международной конфедерации корейских ассоциаций бывших союзных республик, имел контакты как с корейскими организациями этих республик, так и с организациями Республики Корея, а также КНДР, которые занимались отношениями с корейцами бывшего СССР.

Мой путь в науку начался с того, что во время учебы на историческом отделении историко-филологического факультета в Иркутском государственном университете имени А.А. Жданова (в год моего окончания он был преобразован в самостоятельный факультет) я параллельно учился в трехгодичном общественном вечернем университете международных отношений, так как интересовался международными делами. И, имея историческое образование, я решил не специализироваться на истории СССР или России, так как считал, что как человек, не имеющий русских корней, в детстве не знавший русского языка и воспитанный не в русской культуре, не смогу понять многие аспекты истории России лучше, чем сами русские (до 22 лет я думал на корейском языке, и моя речь и ответы на вступительном экзамене в университет, а также в первые три года учебы представляли собой фактически синхронный перевод моих ответов на корейском), да и занимать место специалиста по истории России в России вместо русского или другого представителя коренного народа России мне показалось не очень правильным. Поэтому дипломная работа была по странам Азии и Африки. Государственная экзаменационная комиссия после государственных экза-

менов и защиты дипломной работы рекомендовала меня в аспирантуру. В нашей группе историков были русские, украинцы (примерно поровну), две бурятки, калмычка, кореец. Поскольку я выбрал темой своей работы страны Азии и Африки, то я стал учиться в аспирантуре по кафедре научного коммунизма. По этому предмету в то время половина тем была выделена для проблем мирового революционного процесса, поэтому это были вопросы мировой системы социализма, международного рабочего, коммунистического, национально-освободительного движений и, естественно, внешней политики СССР. Во время учебы в университете, затем в аспирантуре, позже, работая в качестве преподавателя той же кафедры научного коммунизма, я выступал на комсомольских ударных стройках (Братская, Усть-Илимская ГЭС, БАМ) в Иркутской области, в трудовых коллективах, на различных семинарах идеологического актива партийных и комсомольских органов и организаций с лекциями о международном положении и внешней политике. Выступал также регулярно по телевидению Иркутска с передачами о международном молодежном движении (в частности, о всемирных фестивалях молодежи) и международном положении.

В Омской области, куда я был приглашен в 1977 г. во вновь открытый Омский государственный университет (сейчас, кажется, имени Ф.М. Достоевского), выступал с лекциями о международном положении в трудовых коллективах, на семинарах идеологических работников и активистов. Некоторое время на общественных началах вел занятия по внешней политике СССР и международным вопросам в вечернем университете марксизма-ленинизма Омского горкома КПСС и возглавлял кафедру внешней политики СССР и международных отношений. Вопросы Кореи затрагивались в общем контексте международного положения и внешней политики СССР, но не были основными ни в моей научной работе, ни в общественных мероприятиях.

Вопросы истории Кореи и политики корейских государств возникли в результате, как я уже написал, моей общественной работы (проблемы корейцев в России/СССР) и работы в Государственной думе. Эта работа требовала обеспечения депутата и членов депутатской группы по связям с парламентом Республики Корея информацией о двух Кореях, политике, экономике этих государств и о межкорейских отношениях. Постепенно это привело и к вопросам раскола Кореи, Корейской войны и последующего развития, а личное знакомство с первыми шестью президентами Шестой республики (Ро Дэ У, Ким Ен Сам, Ким Дэ Чжун, Но Му Хен, Ли Мен Бак, Пак Кын Хе), участие в беседах с ними, когда они уже были президентами (Ро Дэ У, Ким Ен Сам, Ли Мен Бак), так и в их бытность претендентами на эту должность (Ким Дэ Чжун, Но Му Хен, Пак Кын Хе), участие в процедурах инаугурации со второго по шестого президентов Шестой республики тоже были полезны для понимания политических процессов в этой стране, а также мотивов их политической и государственной деятельности. Понятно также, что все годы в Москве с 1989 г. у меня были регулярные контакты с посольствами КНДР и РК. И вот эти контакты и встречи в конечном итоге привели к тому, что фокус моих научных интересов вначале сместился на судьбу корейцев в СССР, затем — на историю и политику КНДР и РК. Как человек, выросший в СССР, я не мог не сочувствовать КНДР и понимал особенности ее поли-

тического строя. Именно поэтому еще в 1993 г., выступая на одной из конференций в Сеуле, организованной Консультативным советом по мирному демократическому объединению Кореи (это президентская структура, председателем этого органа по Конституции является действующий президент страны), я сказал неприятные для членов совета (которые были ненавистниками КНДР и лично Ким Ир Сена) слова о том, что КНДР не развалится, пока там не появится свой Горбачёв, а таковой там не появится, так как в Северной Корее учли опыт распада СССР. Кстати, когда в нашем институте в 2004—2019 гг. проходили ежегодно встречи с учеными и работниками Института объединения Кореи (структура Министерства объединения Кореи), одно из моих пожеланий им было всегда такое: проработать в своем институте до выхода на пенсию (большая часть приезжавших к нам сотрудников были молодыми людьми). Не знаю, как они это воспринимали, может быть, считали, что это такая, вот, шутка с моей стороны, но, если бы они отнеслись серьезно к этому пожеланию, то могли бы посоветовать своему руководству скорректировать политику в отношении КНДР, как это они вынуждены делать сейчас, исключив из политического лексикона президента и министра объединения само слово «объединение». Сейчас в Республике Корея все политики применяют по отношению к КНДР не понятие «объединение», а 공존 (сосуществование).

Считаю также необходимым сказать, что, конечно, работы по Корее таких ученых, как член-корреспондент АН СССР Г.Ф. Ким, д.и.н., профессор Ли Вл. Ф., я читал и в студенческие, и свои первые педагогические периоды, да и лично был знаком с ними еще во время работы в Иркутске и в Омске. Но становление мое как кореееведа, специализирующегося на внутренней и внешней политике КНДР и Республики Корея, произошло в коллективе Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН (ныне Институт Китая и современной Азии РАН), куда я был приглашен в 2003 г. Работа в этом коллективе, отличавшемся и до сих пор отличающемся особой атмосферой доброжелательности и взаимной поддержки, общение с такими действительно выдающимися специалистами по Корее, как первый руководитель Центра корейских исследований кандидат политических наук В.П. Ткаченко, проработавший много лет в аппарате ЦК КПСС в секторе Кореи Отдела компартий социалистических стран; как до сих пор остающаяся крупнейшим специалистом-кореееведом России по экономике Республики Корея, доктор экономических наук С.С. Суслина, чьи работы были переведены в Южной Корее; как, по моему мнению, лучший в России, да, наверное, и в мире, знаток политики, идеологии, культуры КНДР кандидат политических наук А.З. Жебин, проработавший 12 лет как журналист и дипломат в этой стране, чьи работы, кстати, переведены и изданы в РК и Японии; да и молодые по сравнению со мной таланты: Л.В. Захарова, ставшая в нашем центре кандидатом и доктором экономических наук по проблемам, которые ранее не освещались другими специалистами по КНДР и недавно назначенная заместителем директора института по научной работе; кандидат экономических наук В.Г. Самсонова, выросшая от аспиранта до руководителя Центра корейских исследований, чьи работы по рынку труда в РК также привлекли самое пристальное внимание специалистов РК; кандидат исторических наук К.В. Асмолов, выпустивший больше монографий по проблемам

Кореи, чем любой из ныне действующих кореееведов России; и совсем молодые сотрудники, также предлагающие свой угол зрения на жизнь корейского общества, — все они обогатили мои представления и знания по многим проблемам двух корейских государств.

Вы родились в 1941 г. — в переломный для страны и Дальнего Востока период. Сохранились ли в Вашей памяти какие-либо эпизоды раннего детства, связанные с окончанием Второй мировой войны или, быть может, с освобождением Сахалина?

Мне исполнилось четыре года, когда Красная Армия начала освобождение южной части Сахалина, которая в соответствии с решениями Ялтинской конференции должна была быть возвращена Советскому Союзу. Мы тогда жили в поселке Ударный недалеко от городов Углегорск и Шахтерск (в Ударном и Шахтерске были угольные шахты). В моей памяти — охваченный пожаром наш дом, потом движение на юг острова (по-видимому, это была команда японских властей, которые, пугая людей Красной Армией, заставляли бежать на юг острова — Углегорск, Шахтерск, Ударный находятся в центральной его части) и возвращение обратно в свой городок. Отец тогда был мобилизован японскими властями на какие-то строительные работы на юге, поэтому в момент, когда мы двинулись на юг, его не было дома. Он после начала военных действий сбежал, при этом ему повезло, так как группу людей, с которыми он бежал, обстреляли японские солдаты, и как-то так получилось, что пули попали в людей, которые бежали перед ним и позади него; наверное, это была автоматная очередь. По пути домой он был задержан наступавшими частями Красной Армии, и, поскольку ему было 31 год, может быть, они считали, что он имеет какое-то отношение к японской армии или каким-то японским властям, поэтому он несколько месяцев находился под контролем и вернулся домой весной 1946 г. О его судьбе в тот год я по малолетству не помню: это рассказала мне моя старшая сестра. На обратном пути к месту проживания, до начала военных действий я помню один эпизод, когда остановилась машина с красноармейцами, и я и еще, кажется, из нашей группы два мальчика оказались в кузове машины, и солдаты нам что-то дали из съестного. Моя старшая сестра, которой было тогда восемь лет, недавно, вспоминая те дни, сказала, что было очень вкусно то, что дали солдаты, и она потом выходила на улицу, когда видела приближавшуюся машину с солдатами, ожидая от них чего-то из еды. Через несколько минут из кабины водителя вышла женщина-офицер и что-то громко сказала. Мы это восприняли как приказ покинуть машину и спрыгнули с машины.

Нам доводилось слышать от коллег-экспертов, что Вы принадлежите к древнему королевскому роду. Не сочтете ли возможным рассказать подробнее об истории Вашего рода, о своей семье и о том, как этот факт Вашей биографии повлиял на Вашу жизнь?

Я родился в рабочей семье, отец всю жизнь был рабочим, с восьми лет начал работать, пас скот в деревне. Мой отец учился уже взрослым один год в вечерней школе, откуда его отчислили из-за конфликта с учителем-японцем. Правда, он самоучкой

все равно научился читать и писать и любил читать, хотя как отцу семейства с шестью детьми ему, конечно, приходилось много и тяжело работать и времени читать было мало. Матушка тоже происходила из простой семьи и была неграмотной. Как известно, все корейцы имеют свой бон (в Средней Азии корейцы произносят это слово как «пой»), то есть базу, основу, которая называется по месту, откуда пошел этот род. Как правило, бон — это название города или села. Так вот, мой род 경주 (Кенчжу), и я интересовался у отца, что за род. Он сказал, что это род, который назван по столице государства Силла, и что 38 из 56 королей этого государства были из нашего рода. Естественный у меня вопрос: а почему тогда мой отец вынужден был с восьми лет начать работать, чтобы у семьи был еще какой-то доход? Он это объяснил так: мой дед, то есть его отец, был довольно богатым землевладельцем, имел даже пароход (речь идет о начале XX в.). Когда ему было лет тридцать с небольшим, встретилась гадалка и нагадала ему, что он умрет в 39 лет. Ну, к 39 годам он промотал все свое состояние, остался только домик в деревне и небольшой участок земли. Умер он в возрасте 93 лет, уже после освобождения своей родной провинции Хамгеннамдо (КНДР). Поэтому я не верю ни в какие гадания и предсказания. В начале 1990-х в Москве была экстрасенс, кандидат химических наук, кореянка, тоже по фамилии Ким. Вот тогда она, наверное, хотела показать, что и депутаты к ней обращаются. Как-то на одном из мероприятий она сказала мне: «Вот у Вас проблемы с почками, давайте я Вас полечу». Я отказался, помня о семейной истории. Кстати, прошло с тех пор 35 лет, и почки меня никогда не беспокоили. Наверное, она подумала: человеку 50 лет, наверняка какие-то проблемы со здоровьем, вот и придумала, чем завлечь человека, напугав его. Матушка моя по фамилии 최 (Цой) была из рода кенчжусских Цоев (сейчас я знаю, что первый правитель государства Силла Пак Хеккосе был избран вождями Сораболя (так тогда назывался нынешний город Кенчжу). Этих вождей было шестеро, а именно: Ким, Пак, Цой, Ли, Тен и Сок. Может быть, поэтому отец моей матушки прожил 91 год, а она сама, родившая шестерых детей, умерла в 94 года и девять месяцев. В жизни она не выпила ни грамма спиртного и никогда не курила. Скорее всего, мне достались гены от обоих родов. У меня никогда не бывает желания выпить какой-нибудь алкогольный напиток. Что касается курения, я в 10 лет попробовал со своим другом покурить, выкурили по две папироски, и мне этого хватило на всю жизнь.

В должности заместителя председателя одного из комитетов Верховного Совета СССР Вы занимали один из высочайших постов среди советских и российских корейцев. Какие впечатления оставил у Вас этот этап политической карьеры?

Заместителем председателя Комитета Верховного Совета СССР по государственному строительству и местному самоуправлению я был всего семь месяцев, а до этого полтора года — членом Комитета по международным делам Верховного Совета СССР. На этих должностях приходилось сталкиваться не только со многими зарубежными политиками, но и, естественно, с видными в то время государственными деятелями страны. Некоторые, как, например, А.И. Лукьянов, Е.М. Примаков, И.Д. Лаптев, Р.Н. Нишанов, произвели сильное впечатление, многие другие показа-

лись не очень убедительными. Но главное — во всяком деле нужны очень высокие квалификация и понимание, твердость в проведении своей линии в политике. Что касается деятельности Межрегиональной депутатской группы, то меня постигло разочарование.

Вы многое сделали для развития гражданского самосознания российских корейцев, подчеркивая важность приоритета российской идентичности при сохранении памяти о своих этнических корнях. Не могли бы Вы подробнее остановиться на этом аспекте Вашей общественной и просветительской деятельности?

Я всегда относился скептически к стараниям зарубежных политиков и идеологов относительно национальной идентичности корейцев СССР и России. И всегда подчеркивал, что нужно отделять этническую идентичность от гражданской. Гражданская идентичность корейцев России в подавляющем большинстве — идентификация себя и своей судьбы с судьбой России/СССР. Это проявлялось с самого начала миграции корейцев в Приморский край. Неслучайно уже через два года после начала переселения в 1863 г. началось принятие православия, православных имен, а также направление детей в церковно-приходские школы и даже в духовные семинарии в Иркутске и Казани. Поэтому в годы Первой мировой войны корейцы шли служить в русскую армию, а в годы Гражданской войны только на территории Приморского и Хабаровского краев было 45 корейских партизанских отрядов, сражавшихся против японских оккупантов и белогвардейцев. Кроме того, еще в 35 партизанских отрядах смешанного состава также воевали корейцы. То есть они идентифицировали себя как граждане Советской России, а впоследствии как граждане СССР. Была трагическая страница истории корейцев в 1937 г., когда корейцев Дальнего Востока во избежание японской шпионской активности выселили в республики нынешней Центральной Азии и Волгоградскую область. Но в 1941—1942 гг. корейцы массово стремились направиться на действующий фронт. Другой вопрос, что большинство даже призванных в армию и направленных на фронт не были допущены до фронта и их направили в трудармию, рабочие колонны или в какие-то иные организации. Например, мой тесть И.С. Огай, направлявшийся вместе с другими мобилизованными из Каратальского РВК Казахстана (с. Уштобе) на фронт, был вместе с ними высажен в Тульской области и зачислен в особое СМУ-1 в системе Минтяжпрома, где и проработал до конца войны, а затем был направлен на лесозаготовки в Костромскую область. Тем не менее некоторые корейцы, высланные в 1937 г., сумели попасть в действующую армию. Например, единственный кореец, удостоенный во время Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза, — это Александр Павлович Мин, высланный в 1937 г. в Узбекистан, имевший высшее образование и окончивший Рязанское пехотное училище, начал войну как рядовой красноармеец в 1941 г., затем за отличия в боях был награжден высокими боевыми орденами, был направлен на курсы младшего офицерского состава и в начале 1944 г. назначен в звании капитана командиром батальона. Между прочим, сейчас командир батальона — это должность подполковника, начинает, правда, со звания майора. Капитан Мин А.П. погиб в бою в июле 1944 г. при освобождении Волынской области Украины. И сейчас, во время

СВО, два корейца за свои подвиги удостоены звания Героя Российской Федерации (Ян Е.А., Тен А.Р.) посмертно. Кстати, Тен А.Р. погиб так, как могут погибнуть, как мне кажется, только русские офицеры: попав со своим подразделением в окружение, уже раненый, приказал своим подчиненным покинуть место боя, а затем вызвал огонь на себя и погиб. Ему было 39 лет, у него остались жена и ребенок. Все его подчиненные добрались до своих живыми. Оба героя, Тен А.Р. и Ян Е.А., не за Корею же воевали, а отдали свои жизни за Россию. Кстати, могу сказать, я как уроженец Сахалина 1941 г. мог с супругой получить в Южной Корее бесплатно квартиру и пенсию. Никто из моих братьев и сестер не поехал на жительство на таких условиях в Южную Корею, так как мы граждане России, а не какого-то иного государства. Другой вопрос, что мы хотели бы хороших отношений России с государствами Корейского полуострова. При сохранении этнического самосознания все же превалирует гражданское самосознание. Хотел бы напомнить также о том, что, например, южнокорейские специалисты по зарубежным корейцам никогда не задают вопроса о национальной идентификации этническим корейцам в США. Они знают, что с такими вопросами к ним нельзя обращаться, так как это будет сочтено американскими корейцами верхом неучтивости.

Вы были лично знакомы с Фиделем Кастро, а также встречались с несколькими президентами Республики Корея. Эти встречи, без сомнения, дают уникальное представление о живом общении с выдающимися политическими деятелями. Что Вам запомнилось в этих контактах?

Фидель Кастро — это личность планетарного масштаба. Очень образованный, обладающий выдающимися ораторскими качествами и даром убеждения, и в то же время лишённый высокомерия и монументальности. Это важно, потому что к тому времени, когда я встретился с ним в составе группы депутатов Верховных Советов СССР и РСФСР (январь 1991 г.), он уже более 30 лет был высшим лидером государства и по всем данным должен был забронзоветь. А он был прост в общении, очень легко вникал в суть заданных ему вопросов и столь же доброжелательно отвечал. Как вы понимаете, то время было очень сложным для Кастро, он, думаю, видел, к чему идет дело с перестройкой Горбачёва, но не было ни единого критического высказывания в адрес СССР. Однако обеспокоенность показал во время нашей другой беседы заместитель председателя Правительства Кубы, член Политбюро ЦК Компартии Кубы Карлос Рафаэль Родригес (между прочим, член Компартии Кубы с 1937 г.).

С высшими лидерами КНДР я не имел случая встретиться лично. Видел только Ким Ир Сена во время приема в честь участников сессии Межпарламентского Союза в апреле 1990 г. в Пхеньяне. Из других руководителей была только встреча делегации Верховного Совета СССР с заместителем председателя Президиума Верховного Народного собрания КНДР Рю. Интересная интеллигентная женщина, с которой наша делегация провела полуторачасовую деловую беседу, прошедшую в обстановке доброжелательности, я бы сказал, в семейной обстановке.

Среди руководителей РК очень интересными были встречи с президентом Ро Дэ У, даром что военный. В его манере общения с людьми не чувствовалась армей-

ская командная нотка. Он был внимательным, умел слушать, спросил даже, чем мне помочь лично, и вообще производил впечатление сугубо гражданского человека. Я его поблагодарил, но потом затронул тему помощи молодёжи России в освоении премудростей рыночной экономики. Может быть, это все говорило об определенной мягкости характера Ро Дэ У, выразившейся также в том, что он завещал похоронить себя в Пхачжу, с видом на север, в сторону КНДР.

С Ким Ен Самом я встречался во время его первого визита в СССР (1989), когда он был одним из лидеров оппозиции; потом через девять месяцев, во время его приезда в Москву уже в качестве лидера правящей партии; затем, когда он стал президентом, и еще несколько раз уже после завершения политической карьеры. Трибун, умеющий проявить жесткость, когда нужно, и в то же время, конечно, зависящий от обстоятельств и позиции правящего класса. Например, показательна его реакция на кончину Ким Ир Сена, с которым он должен был встретиться в Пхеньяне через две недели, в июле 1994 г. Мне кажется, он понимал, что этот его поступок был не самым разумным. Во всяком случае, через 15 лет после отставки, во время посещения нашего института, он сказал, что мечтает поехать в Пхеньян.

Ким Дэ Чжун, первый кореец — лауреат Нобелевской премии мира, президент с 1988 по 2003 г., производил впечатление мягкого, внимательного, мудрого человека. Мои встречи с ним проходили в то время, когда он был в оппозиции. Конечно, он производил впечатление незаурядного человека. Можно было бы еще раз попробовать оценить не только историю его политической жизни, но и более внимательно оценить его взгляды, понимая, однако, что взгляды взглядами, а в истории более весомыми остаются деяния. Но и деяния его тоже, в общем, были направлены на сохранение интересов Республики Корея, как он это понимал. Поэтому я согласился стать одним из зарубежных советников Академии Ким Дэ Чжуна в Республике Корея.

О Но Му Хене у меня осталось сложное впечатление, хотя я понимаю, что человек, не имевший ни систематического высшего образования, ни многолетнего опыта лидера оппозиционной партии и избранный президентом во многом волею случая, также не случайно после окончания срока полномочий президента зажил жизнью рядового крестьянина. Тем не менее он сделал очень многое для роста РК и повышения престижа страны в мире, и хотя не имел, что называется, такой харизмы, как у двух его предшественников, заслуживает добрых слов. Его трагическая кончина вызвала большое сожаление.

Ли Мен Бак, тоже из простой рабочей семьи, ставший руководителем одной из крупнейших в мире строительных корпораций в системе группы Хенде, по-своему впечатляет. Но его высокомерное отношение к КНДР (это нужно было видеть и слышать, как он отзывался не в бытовой беседе, а перед делегациями корейцев многих стран в Сеуле) не красит его.

С президентом Пак Кын Хе я встречался несколько раз, в том числе два раза тэта-тэт в пору, когда она еще не была президентом. Конечно, человек она закрытый, перенесший убийства родителей с разрывом в пять лет, тем не менее в общении была внимательной, реагировавшей на слова собеседника. По крайней мере, я не чувствовал какого-то нетерпения или невнимательности к тому, что я говорил, хотя мы беседовали каждый раз больше часа. Жаль, что так сложилась ее судьба, хотя, если бы не

работа прокурорской команды Юн Сок Ёля и Хан Дон Хуна, все могло бы обернуться по-другому и дело не дошло бы до отрешения от должности.

Вы являетесь автором целого ряда фундаментальных научных работ, многие из которых открывают малоизученные темы для российского корееведения. Могли бы Вы назвать три-пять из Ваших трудов, которые, на Ваш взгляд, являются наиболее важными и весомыми в Вашей научной карьере?

Белая книга о депортации корейского населения России в 30—40-х годах (книга вторая, Москва, 1997); Полное собрание деклараций независимости Кореи (Москва, 1997); Кто такие российские корейцы (Москва, 2021); Сотрудничество Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики на современном этапе (политический аспект) (Москва, 2025).

За долгие годы преподавания Вы воспитали не одно поколение учеников и пользуетесь заслуженным уважением в академической среде. Что бы Вы хотели пожелать молодым исследователям, которые только начинают свой путь в науке?

Молодым исследователям, если им интересно мое мнение, я бы сказал, что для научной работы нужно иметь хорошую методологическую подготовку, уметь применять также различные методы исследования, хотя нельзя применять разные методы без фундамента, то есть методологии. Общественная наука не дает материальной прибыли, то есть больших денег, поэтому нужно много трудиться, чтобы ваши доходы вышли на уровень среднего класса, часто жертвуя своими хобби. Может быть, стоит превратить в хобби свои занятия научными исследованиями. Нужно помнить высказывания великих мыслителей о том, что в науке нет широкой столбовой дороги, и нужно ежедневно, ежечасно продираться через частокол мнений и фактов. И еще нужно делиться своими знаниями с молодыми исследователями и студентами. Они часто задают вопросы, ответы на которые помогут вам найти или сделать какие-то важные выводы, внеся тем самым вклад в науку. Поэтому нужно сочетать научную работу с преподавательской.

Я сказал, что много выступал с лекциями в трудовых коллективах. Сейчас такой системы нет, все заменяют СМИ, особенно телевидение. Но нужно не замыкаться только в научных конференциях и студентах, нужно свои знания и свои оценки также доводить до людей, интересующихся судьбами страны и мира. То есть в моем представлении ученый в области гуманитарных наук не может быть, что называется, книжным червем (кабинетным ученым). Он должен делиться своими знаниями с обычными людьми, не имеющими отношения к науке. Это ведь обязанность научного работника в нашем обществе. Поэтому я и сейчас по мере сил стараюсь откликаться на обращения средств массовой информации, а также творческих работников, создающих фильмы, передачи о современных и прошедших международных делах. Поэтому каждый год даю десятки интервью, выступаю в различных теле- и радиопередачах, даю комментарии газетам в том числе новостным, каналам: МИА «Россия сегодня» (редакция вещания на русском языке, арабская, польская, китайская и чешская, испанская редакции), «Звезда», «Соловьев Live», «Мир», РенТВ, ОРТ, РБК,

ТВЦ, Россия, Спутник, Инфорос, «Комсомольская правда», читателем которой я являюсь вот уже 65 лет, «Известия» и еще десяток информационных агентств, менее известных.

И еще один момент. Я часто вижу, что некоторые люди, занимающиеся проблемами других стран, хотят стать бóльшим корейцем или японцем, чем сами японцы и корейцы, с горящими глазами рассказывают о культурных событиях или артефактах восточной страны, считая, что мы должны их принять. Но почему-то у них не горят глаза, когда они говорят о культуре России, народов России. Спору нет, нельзя отгораживаться от культуры других народов, и все полезное нужно сопрягать с отечественной культурой. Но никогда не нужно забывать о своих корнях и необхолимо не только помнить, но и носить всегда в душе свое убеждение, что вы представляете великую русскую цивилизацию и ее культуру и мораль.

Можем ли мы в рамках публикации данного материала упомянуть о том, что в этом или следующем году планируется выход сборника Ваших статей разных лет? Нам было бы приятно анонсировать это событие для широкой аудитории.

Да, в следующем году. Постараюсь в течение нынешнего учебного года обеспечить защиту кандидатских диссертаций моих аспирантов, тогда в следующем году руки дойдут до завершения работы над сборником моих статей.

ИСТОРИЯ

DOI: 10.48647/ICCA.2026.57.86.004

И.С. Колнин

Образ Кореи и смены корейских государств в официальной историографии ранней Мин (1368 г. — середина XV в.)

Аннотация. В статье рассматривается трансформация образа Кореи и смены династий (падение государства Корё и установление нового государства Чосон) в китайских официальных источниках раннеминского времени. В первом разделе работы представлена краткая ретроспектива описаний различных корейских государств в китайских нормативных историях до эпохи Мин, затем дан обзор привлекаемых источников основной части исследования, после чего в основной части исследования подробно рассмотрена политика Ли Сонге и его преемников с целью легитимировать свой приход к власти в глазах империи Мин.

Новизна данного исследования заключается во введении в научный оборот и в переводе ряда китайских источников, которые ранее в отечественном и зарубежном корееведении не изучались.

На основе подробного анализа китайских официальных источников удалось сделать вывод о высокой эффективности действий Ли Сонге и его потомков, позволивших новообразованному государству Чосон избежать конфликта с Мин и постепенно зарекомендовать себя как верного вассала, при этом фактически всё более отстраняясь от своей роли в классической системе взаимоотношений с Китаем.

Ключевые слова: Корея, Китай, Корё, Чосон, империя Мин, Ли Сонге, легитимация.

Автор: Колнин Илья Сергеевич. Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0003-0084-0272. SPIN-код: 4641-3325.
E-mail: minmi98@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Колнин И.С. Образ Кореи и смены корейских государств в официальной историографии ранней Мин (1368 г. — середина XV в.) // Корееведение. 2026. № 3 (16). С. 16—32. DOI: 10.48647/ICCA.2026.57.86.004.

I.S. Kolnin

The Image of Korea and the Succession of Korean States in the Official Historiography of the Early Ming (1368 — Mid-15th Century)

Abstract. This article examines the transformation of the image of Korea and the depiction of the dynastic transition (the fall of Goryeo and the establishment of the new Joseon state) in official Chinese sources from the early Ming period. The first section provides a brief retrospective of how various Korean polities were described in Chinese standard (dynastic) histories prior to the Ming era, followed by an overview of the primary sources used in the study; the main body of the article then analyzes in detail the policies adopted by Yi Seong-gye and his successors to legitimize their rise to power in the eyes of the Ming Empire.

The novelty of this study lies in the introduction into scholarly discourse and the translation of a number of Chinese sources that have not previously been studied in Russian and foreign Korean studies.

A detailed analysis of official Chinese sources leads to the conclusion that the actions of Yi Seong-gye and his descendants were highly effective; they enabled the newly established state of Joseon to avoid conflict with the Ming and gradually establish itself as a loyal vassal, while in practice steadily distancing itself ever further from its role within the classical system of relations with China.

Keywords: Korea, China, Goryeo, Joseon, Ming empire, Yi Seong-gye, legitimation.

Author: Ilia S. Kolnin. Ph.D (history), Junior Research Fellow of the China Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (Address: 107031, Moscow, 12 Rozhdestvenka St.). ORCID: 0000-0003-0084-0272. SPIN-code: 4641-3325. E-mail: minmi98@yandex.ru

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interest.

For citation: Kolnin I.S. Obraz Korei i smeny korejskih gosudarstv v oficial'noj istoriografii rannej Min (1368 — seredina XV v.) [The Image of Korea and the Succession of Korean States in the Official Historiography of the Early Ming (1368 — Mid-15th Century)] // Koreevedenie [Koreanology], 2026, 3 (16): 16—32.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.57.86.004.

Описания корейских государств в китайских нормативных историях до эпохи Мин

Корея издавна была одним из наиболее активных соседей Китая, с которой поддерживались постоянные взаимоотношения, поэтому самое первое описание корейского государства Чосон (Чаосянь) 朝鮮 присутствует уже в *Ши цзи* 史記 («Исторические записки») Сыма Цяня 司馬遷 (145—135 гг. — ок. 86 г. до н.э.) [Сыма Цянь, 2010, с. 80—85]. Впоследствии описания корейских государств включались во все нормативные истории, где образование древнекорейского государства (Кочосон 古朝鮮) обязательно связывалось с древнекитайским мыслителем Цзицзы (Киджа) 箕子 (ок. XI в. до н.э.). По информации из дошедших до нас источников, в первую очередь, *Шу цзина* 書經 («Канон записей»), он был близким родственником последнего правителя Шан Чжоу-синя, пытался наставить того на истинный путь и отказаться от чрезмерного расточительства, но был заключён за это в тюрьму [Шу-цзин, 2020, с. 250]. Цзи-цзы освободил первый монарх Чжоу У-Ван,

который в дальнейшем обращался к нему за советами и, по сведениям *Ши цзи*, в итоге пожаловал ему владение в Чаосянь [Сыма Цянь, 1987, с. 129]. Таким образом, уже на этапе издания *Ши цзи* (приблизительно 80-е годы до н. э.) первое упоминание появления государственного образования на территории Кореи напрямую связывается с китайским деятелем, удачно вписанным в исторический контекст того времени (смена династий).

Вторым неотъемлемым маркером описания Кореи в первых двух китайских нормативных историях, *Ши цзи* и [*Цянь*] *Хань шу* 前漢書 («[Ранней] истории Хань»; ок. 111 г. н. э.), а затем и в последующих является упоминание вана Чаосянь, Вэй Маня (Ви Ман) 衛滿, который был выходцем из царства Янь 燕, захватил земли Чаосянь, поставив туда своих чиновников, а затем и сам бежал туда с тысячей сторонников во время возвышения Хань, «*завязав волосы пучком и надев варварские одежды*». Впоследствии глава области Ляодун договорился с ним о признании своего вассалитета [Сыма Цянь, 2010, с. 80]. Фактически уже начиная с этих памятников описание корейской периферии строится по типичной для китайских источников модели описания иноземных государственных образований: сначала идут географические и исторические сведения (местоположение, столица, история взаимоотношений с Китаем), затем — этнографические (нравы и обычаи, ритуалы и т. д.) и в конце — перечисление местной продукции и товаров.

Если в *Ши цзи* и *Цянь Хань шу* территория современной Кореи описывается как единое образование, то в последующих нормативных историях, в частности в *Хоу Хань шу* 後漢書 и *Цзинь шу* 晉書 («Книга Цзинь»; 648; описывает события с 266 по 420 г.) раздел о корейских протогосударствах и Японии начинает именоваться *дунъи* 東夷 («восточные варвары»), в котором представлено разделение на отдельные политии внутри Корейского полуострова (преимущественно племенные образования).

В период раздробленности вплоть до империи Суй (581—618) описания Кореи представляли собой описания трёх корейских государств: Гао(цзюй)ли (Ко(гу)рё) 高(句)麗, Байцзи 百濟 (Пэкче) и Синьло (Силла) 新羅, при этом наличие или отсутствие соответствующих описаний зависело от географического положения царства, составлявшего нормативную историю: например, в *Сун шу* 宋書 («Книга Сун»; 488), написанной историографами царства Лян 梁 (502—557), сменившего Южную Сун 南宋 (420—479), присутствуют описания лишь Пэкче и Когурё, описание Силла отсутствует. В то время это государство лишь начало набирать мощь и располагалось на восточной оконечности Корейского полуострова, наиболее отдалённой от территории Китая, в связи с чем его описания отсутствуют почти во всех нормативных историях периода раздробленности. Самое раннее описание Силла присутствует в *Нань Ци шу* 南齊書 («Книга Южной Ци»; 537), где оно именуется Цзяло 加羅, однако в этой истории отсутствует описание Пэкче. Кроме того, интересно отметить, что название Когурё записывается в разных историях по-разному — чаще всего Гаоцзюйли (Когурё) 高句麗 или Гаоли (Корё) 高麗, иероглиф *ли* также иногда записывается как 驪. Впервые все три корейских царства описываются в *Суй шу* 隨書 («Книга Суй»; 636) — то есть с объединением Китая сведения о Корее стали более подробными и точными. Две танские истории также содержат описания всех трёх государств, а *Цзю удай ши* 舊五代史 и *Синь удай ши* 新五代史 («Старая история Пяти династий» и «Новая история Пяти династий», соответственно 974 и 1073) опускают

описание Пэкче, при этом в описании географического положения Корё Пэкче используется как ориентир: «*На юге, пересекая море, достигает Байцзи (Пэкче)*» 南渡海至于百濟 [Старая история Пяти династий, 2004, с. 1311].

Первое описание объединённой Кореи в официальных историях появляется в Сун ши 宋史 («История Сун»; 1345), написанной уже в эпоху Юань (1279—1368). Судя по всему, это первая нормативная история, где искусственное конструирование истории Кореи приобрело новое развитие. Описание Гаоли начинается со следующей информации: «*Гаоли, ныне называется Гаоцзюйли (Когурё). [Когда Великий] Юй разделил [Китай] на девять областей, [это были] земли, принадлежавшие к Ичжоу*» 禹別九州，屬翼州之地, после чего нарратив в целом повторяет информацию из предшествующих источников [История [империи] Сун, 2004, с. 10409]. Таким образом, юаньские историографы одновременно и «удлинили» корни Корё, и вновь непосредственно связали их с китайским государством. Вероятно, эта деталь была намеренно добавлена ими с целью дополнительно легитимировать монгольскую оккупацию этих земель, так как эта информация не встречается в предшествующих источниках.

Можно заключить, что на протяжении множества предшествующих эпох образ Кореи в китайских источниках чаще всего был нейтрально-положительным, при этом китайские летописцы неизменно всячески стремились доказать и подчеркнуть, что первые корейские государства ведут свою историю от Китая. Для этого даже придумывались новые лейтмотивы в повествовании (добавление нарратива о Великом Юе в контексте описания Кореи в истории империи Сун).

Обзор исследуемых источников

В первую очередь, необходимо обратиться к нормативной истории — *Юань ши* 元史 («История [империи] Юань»; 1370). Работа над *Юань ши* велась в крайне сжатые сроки и была закончена меньше чем за год (1369—1370). Вероятно, такая спешка была вызвана необходимостью скорейшей легитимации власти императора Чжу Юаньчжана 朱元璋 (годы правления: 1368—1398), возглавившего народное восстание и таким образом пришедшего к власти. В связи с этим *Юань ши* изобилует недоработками и лакунами, в особенности это касается описания иноземцев: большая часть глав в этом разделе крайне скудна на этнографическую и историческую информацию и по большей части описывает монгольские походы на страну; то же самое можно видеть и в случае с Корё. Описание военных действий против Кореи предваряет небольшое «вступление», в котором даётся краткое обобщение основных географических и исторических сведений о Корё (см. приложение), взятых из предшествующих нормативных историй. Географическое описание местоположения Корё, похоже, было взято из *Цзю удай ши*, в связи с чем представлены устаревшие реалии: в качестве границ на востоке и на юге даются Силла и Пэкче, к тому времени уже не существовавшие. Тем не менее здесь же сказано, что Корё присоединило Силла, Пэкче и Когурё и стало единой страной. Вероятно, к эпохе Мин ещё не были выработаны новые ориентиры для маркировки границ Корё, поэтому в *Юань ши* использованы старые детерминанты. Историческая часть этого раздела значительно

подробнее, нежели в *Цзю удай ши* и *Сун ши* — обозначены события в эпохи Тан и Пяти династий: кратковременное объединение территории Кореи в единое государство во второй половине VII в. (Объединённое Силла), период раздробленности и нового объединения под Корё в начале X в. и продолжительное существование этого государства вплоть до ранней Мин. Вероятно, такое внимание к историческому развитию региона было обусловлено тем, что империи Мин было необходимо восстановить отношения с Кореей, нарушенные во время монгольских завоеваний и установления империи Юань.

Два других раннеминских трактата принадлежат к жанру так называемых имперских географий — *дили цзунчжи* 地理總志 — *Хуаньюй тунчжи* 寰宇通志 («Всеобщее описание опоясывающего пространства», 1456) и *Да Мин итун чжи* 大明一統志 («Воедино сведённое описание Великой Мин, 1461»). Работа над первым из этих памятников началась в 1418 г., но не была завершена, возобновилась лишь в 1454 г. и окончилась в 1456 г. Над написанием трактата трудились 29 человек под руководством придворного географа Ван Чжуна 王重. Представляется, что возобновление работы над имперской географией и её написание в столь сжатые сроки было вызвано дворцовыми интригами: в 1449 г. после поражения в битве с монголами китайский император Чжу Цичжэнь был захвачен в плен и отпущен лишь в 1450 г. Всё это время страной управлял его младший брат Чжу Циюй. Не желая возвращать престол старшему брату, он заключил его под домашний арест, пока в 1457 г. последний не организовал заговор и не избавился от Чжу Циюя. Таким образом, доработка и издание *Хуаньюй тунчжи* именно в этот период были вызваны необходимостью легитимации права на престол Чжу Циюя. В свою очередь, последующее написание *Да Мин итун чжи* во время второго правления Чжу Цичжэня (1457—1464) в действительности было обусловлено не столько недоработанностью *Хуаньюй тунчжи*, сколько стремлением последнего целиком заменить предшествующий трактат.

Сам памятник состоит из 119 *цзюаней*, заморским странам посвящены 116—119 *цзюани*, этот раздел именуется *сы'и* 四夷 («варвары четырёх [сторон света]»). При этом из всех имперских географий *Хуаньюй тунчжи* и *Да Мин итун чжи* единственные в своём роде, в которых было произведено разделение описаний каждой страны по группам (непосредственно авторами трактатов, а не современными исследователями): перед началом соответствующего раздела наверху столбца жирным шрифтом указаны их наименования: история развития 沿革, обычаи 風俗, горы и реки 山川, местная продукция 土產. Скорее всего, это нововведение появилось ещё во время первого этапа работы над трактатом в 1410-е годы, так как в конечном тексте *Хуаньюй тунчжи* отсутствуют какие-либо цитаты и вообще не используются сочинения, написанные сопровождавшими великого китайского адмирала Чжэн Хэ в его семи экспедициях в страны Западного океана (1405—1433), из чего можно выдвинуть предположение, что главы об иноземцах не были столь значимы, как, например, административная география Китая (где все описания строились от административного деления страны, принятого уже при Чжу Циюе). Менее вероятно, что это новшество опять же могло быть продиктовано стремлением Чжу Циюя легитимизировать своё право на престол и привнести различные реформы в том числе и в историографическую традицию, а редакторы *Да Мин итун чжи* просто решили сохранить это разделение.

В целом следует отметить, что главы об иноземцах в *Хуаньюй тунчжи* и *Да Мин итун чжи* практически идентичны, что говорит о низком приоритете историографов Чжу Цичжэня в их изменении. Вероятно, что трактат не был издан в 1420-е годы, так как именно в этот период среди интеллектуальной элиты при дворе возник большой спор по поводу того, насколько целесообразно финансировать дорогостоящие экспедиции Чжэн Хэ и следует ли ввести новый морской запрет海禁 (запрет частной торговли по морю); могло также просто не хватить средств из-за вышеописанных событий. Из источников в описании иноземцев преимущественно используются нормативные истории Сун и Юань, сунские хрестоматии (*лэйшу* 類書), а также частные сочинения. Таким образом, *Хуаньюй тунчжи* и *Да Мин итун чжи* — схожие памятники, в особенности в отношении описания чужеземцев. При этом ни в одном из них не учтены сведения, полученные после плаваний Чжэн Хэ, в связи с чем они представляют собой крайне малочисленный пласт раннеминских источников о заморских землях, составленных с опорой на юаньские и сунские сведения, при этом исходящих из целей легитимизации правления дома Чжу.

В случае описания Чосона основными источниками для этих двух имперских географий служили, в первую очередь, предшествующие нормативные истории. В целом можно констатировать, что описание Кореи в обоих источниках отличаются незначительно. Составители *Да Мин итун чжи* лишь несколько переработали текст *Хуаньюй тунчжи*: несколько упростили содержание, опустив отдельные фрагменты в описании истории региона (например, в *Да Мин итун чжи* опущены посмертные имена, даруемые китайским императором почившим корейским правителям после их кончины, которые перечисляются в *Хуаньюй тунчжи*), а также изменили порядок описания нескольких гор и других географических объектов, придав ему бóльшую логику: теперь топонимы описываются от центра к окраине.

В описании географии и истории развития государства источники отличаются между собой незначительно (описание местоположения Чосона в пространстве в *Хуаньюй тунчжи* стоит в конце блока «история развития», а не в начале в качестве предисловия). Кроме того, в *Да Мин итун чжи* был изменён порядок описания нескольких гор и других географических объектов. Таким образом, можно сделать вывод, что описание Кореи для раннеминских историографов представлялось более важным, чем, например, стран Юго-Восточной Азии, которое не претерпело почти никаких изменений в *Да Мин итун чжи* по сравнению с *Хуаньюй тунчжи*.

В качестве вспомогательных источников для изучения проблемы восприятия смены корейских династий и происхождения Ли Сонге также привлекались *Мин шилу* 明實錄 («Правдивые записи Мин»), которые, в отличие от нормативных историй, создавались непосредственно в ходе правления императора и протоколировали все важные события при дворе: как следствие, они содержат более подробные сведения. Кроме того, использовались *Хуан Мин цзусюнь* 皇明祖訓 («Наставления предков Августейшей Мин», 1395) — наставления Чжу Юаньчжана своим сыновьям, где в том числе был помещён отдельный подраздел о странах, на которые не следует нападать (Чосон указан среди них на первом месте).

Отношения между Китаем и Кореей (Корё и Чосоном) в раннюю Мин (втор. пол. XIV — втор. пол. XV в.)

Обозначенный период представляется одним из наиболее интересных и напряжённых в отношениях между Китаем и Кореей. Продолжительное время обе страны были в зависимости от монгольской империи: Китай был непосредственно включён в неё в качестве империи Юань, а Корея на протяжении 80 лет была вассалом. Особенно важен тот факт, что монгольские правители переняли одну из китайских дипломатических традиций и стремились выдавать своих дочерей за ванов Корё. Известный отечественный китаевед С. Н. Гончаров в своей статье на примере народа сюнну называет такую практику «равноправной» дипломатической традицией, согласно которой оба участника этих отношений воспринимались как два «дома». Однако при этом замужество дочери китайского (в данном случае монгольского) императора на ване Корё вводила его в китайский «дом» в качестве младшего родственника, что позволяло формально соблюсти и классическую для Китая «мироустроительную» традицию ведения внешнеполитических отношений [Гончаров, 2006, с. 121]. Фактически монголы воспользовались слабостью Корё в этот исторический период и имплементировали в традиционные китайские отношения с Кореей новую практику, ранее применяемую с другими народами.

Воцарение рода Чжу в 1368 г. и изгнание монголов ознаменовало новый этап в истории отношений двух стран. Мины, считая себя преемниками в том числе и юаньских инноваций и завоеваний, были нацелены на проведение в отношении Кореи и других стран более активной (в том числе экспансионистской) внешней политики, нежели ранее в эпохи Сун, Тан и др. Уже на первый этапах, принимая в 1369 г. отправленное для выражения покорности новой династии корейское посольство с посланием, датированным по корейской системе летоисчисления, делопроизводитель Ведомства обрядов выразил недовольство китайского двора этой вольностью и призвал корейцев пользоваться китайским летоисчислением [Бокщанин, 1968, с. 34]. На следующий год Мин признала корёского правителя и даровала ему титул «вана Корё», а также прислала календарь со своим летоисчислением. Таким образом, формальные процедуры установления отношений с приходом к власти новой династии в Китае были соблюдены.

Однако при этом Минская империя продолжала претендовать на территории на Ляодунском полуострове, захваченные во времена Юань. Это привело к расколу внутри корейского чиновничества на про-минскую и анти-минскую группировки. В конце 1374 г. анти-минская группировка устранила вана Конмина 恭愍王 (годы правления: 1351—1374) и поставила на его место малолетнего У-вана 禑王 (1374—1388).

Китайская сюзеренная политика в отношении Кореи лишь усугубляла ситуацию. Ещё один показательный эпизод произошёл в 1374 г., когда китайские послы в Корее вели себя настолько высокомерно, что корейские придворные убили их [Бокщанин, 1968, с. 45]. Примечательно, что это произошло раньше окончательного свержения Конмина, в связи с чем можно выдвинуть предположение, что уже тогда анти-минская группировка фактически захватила власть и такое отношение к минскому посольству было вызвано не столько требованиями посла о дани в виде лошадей, как посчитал А. А. Бокщанин, сколько в целом антикитайскими настроениями корейской верхушки [Lee Jin-Han, 2006, p. 4].

При этом из корейских источников известно, что такие настроения во многом были вызваны политикой китайского двора: в июле 1373 г. корейские послы привезли эдикт от китайской стороны, в котором Корё обвинялось в шпионаже под прикрытием занятия торговлей, отсутствии дани в виде лошадей и т. д. В июне 1374 г. очередной эдикт из Китая повелевал Корё привозить дань каждые три года и использовать морские маршруты [Lee Jin-Han, 2006, p. 3]. Похоже, такие требования были выдвинуты с целью минимизировать риски и ограничить поток корейских посольств через Ляодунский полуостров и их контакты с монголами. Таким образом, вполне вероятно, что именно эти действия со стороны китайского двора подтолкнули антиминскую группировку к активным действиям.

Переворот в Корё, а также убийство китайских послов привели к разрыву отношений между Китаем и Корё и тюремному заключению корейских послов, находившихся в то время в Китае. Дипломатические отношения были восстановлены через четыре года, в 1378 г., когда были отпущены корейские послы.

Впоследствии, вплоть до 1388 г., минский Китай продолжал оказывать давление на Корё, требуя дань в виде лошадей и угрожая более не принимать миссии из Корё. Вполне вероятно, что это было ответом на кризис власти в Корё, а также убийство китайских послов. В конце концов, в 1388 г. Китай вновь потребовал вернуть северные территории Ляодунского полуострова, после чего У-ван решил напасть на северные земли Китая и отправил генерала Ли Сонге, будущего 1-го вана Чосона (храмовое имя Тхэджо 太祖; 1388 (1392)—1398), во главе этой армии. Ли Сонге, подойдя к границе, понял, что минские войска слишком многочисленны и сильны, и решил повернуть назад и свергнуть У-вана [The Annals of King T'aejo, 2004, p. xxi].

В то время как корейскому роду Ли впоследствии удалось легитимировать свою власть и получить инвеституру от китайского двора, изначально мятеж Ли Сонге был воспринят китайской стороной весьма неоднозначно. Кроме того, для Мин неясно было само происхождение Ли Сонге и, как следствие, всей династии. Данная ситуация возникла из-за того, что в 1390 г. в Китай бежали два корейца: Юн И (И И) 尹彝 (Юн Саган [И Сыкан] 尹思康) и Ли Чхо (Ли Чу) 李初, которые в своём докладе императору назвали отцом Ли Сонге Ли Инима (Ли Жэньжэнь) 李仁任 (?—1388), одного из представителей старой аристократии, сосредоточившей власть в своих руках во время правления У-вана и выступавшей против Мин [Чеснокова, 2024, с. 115—117]. Как следствие, доклад прибывшего от Ли Сонге посла в 1392 г. был принят с недоверием, что достаточно подробно отражено в *Мин шилу* (см. приложение). Более того, в *Хуан Мин цзусюнь*, составленных после установления Чосона, воспроизведена намеренно искажённая Юн И и Ли Чхоном информация об отце Ли Сонге. Впоследствии эта версия была вновь процитирована из *Хуан Мин цзусюнь* в попавшем в Корею издании *Да Мин хуйдянь* 大明會典 («Свод уложений великой Мин») 1509 г., на что корейской стороной был выражен протест, однако ошибка была исправлена лишь в последующем издании 1589 г.[1] Из этого можно утвердиться во мнении, что китай-

[1] По информации из *Мин ши* 明史 («История [империи] Мин»), просьбы об исправлении этой неточности поступали ко двору начиная с правления Чжу Ди 朱棣 (1402—1424), однако в то время на них не обратили внимания [История [империи] Мин, 2004, с. 6679].

ская сторона изначально крайне подозрительно отнеслась к сведениям от первого посла Ли Сонге.

Как следствие, новая корейская династия оказалась в крайне затруднительном положении: *во-первых*, отношения с Китаем в значительной степени были испорчены предшествующей династией. *Во-вторых*, Ли Сонге фактически сам стал узурпатором, и ему необходимо было легитимировать свой приход к власти в глазах Мин. Последующие усилия Ли Сонге были направлены в первую очередь на нормализацию этой ситуации. Сразу после своего воцарения на престоле, на следующий день, он отправил посольство в Китай с целью проинформировать минский двор о смене династии и просить признания его власти. В ноябре 1392 г. было направлено ещё одно посольство в Нанкин с просьбой выбрать имя для новой корейской династии, кроме того, было основано бюро перевода на китайский язык для обучения корейских кадров. Однако Чжу Юаньчжан не признал новую династию и обвинил Ли Сонге в узурпации трона. Даже соблюдение всех требований, выдвигаемых минским двором, в том числе отправка в качестве заложника своего старшего сына, лишь немного смягчили ситуацию, однако поставленная Ли Сонге цель не была достигнута [Chan, 2018, p. 45—46]. Ситуацию снова омрачило в 1396 г. поздравление с Новым годом, которое, по мнению китайского императора, было плохо написано. Ли Сонге был вынужден вновь пойти на уступку и выслать чиновников, составлявших послание.

Третий ван Кореи, сын Ли Сонге, Ли Банвон (Тхэджон 太宗; 1400—1418), пришедший к власти в 1400 г. после свержения своего старшего брата Ли Банхва 李芳果 (Чонджон 定宗; 1398—1400), в целом продолжил курс своего отца и старался исполнять все требования китайского двора. Поддерживать постоянную напряжённость и «статус кво» в отношениях с Кореей Китаю позволяли соответствующие внешнеполитические события. В первую очередь, это был захват Вьетнама в 1407 г. В Дайвьете схожим образом с Кореей пришла к власти новая, нелигитимная династия Хо, которая не предприняла должных усилий, чтобы урегулировать отношения с минским Китаем, на что китайский император Чжу Ди не раз указывал корейским послам. Ли Банхва, в отличие от своего отца, удалось получить инвеституру на корейский престол, однако Ли Банвон этого ещё не сделал. Ситуация с Дайвьетом была своего рода предостережением для Ли Банвона, в связи с чем он приступил к активным действиям[1].

Второй схожий эпизод произошёл в 1409 г., когда Чжу Ди снаряжал экспедицию для похода на монголов и потребовал у Чосона 10 тыс. лошадей. Фактически такой поход мог представлять потенциальную угрозу и для Чосона, располагавшегося близко к монгольским землям, но Ли Банвон подчинился и этому приказу, несмотря на протест большинства его чиновников. Затем в 1413 г. Ли Банвон узнал о готовящемся минском походе на Японию, что вновь сподвигло его к большей «покорности» перед Мин. Тем не менее он был первым корейским ваном, который открыто критиковал китайского императора при своих подчинённых. Таким образом, он всегда понимал реальное положение вещей и, помимо следования церемониалу и требо-

[1] Подробнее о вьетнамо-корейских параллелях см.: [Nguyễn Nhật Linh, 2018].

ваниям минского двора, готовил корейскую армию к возможному нападению со стороны Китая [Chan, 2018, p. 49—50].

Следующий ван Чосона, Ли До 李祹 (Седжон 世宗; 1418—1450), также в целом следовал аналогичной модели ведения внешнеполитических отношений с Мин, однако, как отмечают специалисты, когда было возможно, он старался вести в интересах своей страны прагматичную политику, добиваясь в некоторых случаях уступок со стороны китайского императора [Chan, 2018, p. 55—56]. С нашей точки зрения, такая возможность появилась в связи с ослабеванием императорской власти в Китае, начиная с императора Чжу Чжаньцзи 朱瞻基 (1425—1435), а также постепенного отказа от активной внешней политики. Следующий «долгоправивший» ван, сын Ли До, Ли Ю 李琰 (Седжо 世祖; 1455—1468), даже позволил себе пойти наперекор традиционной системе взаимоотношений, в частности обязал чжурчжэней признать себя вассалами Корё. Представляется, что это было возможно опять же из-за ослабления Мин, и в том числе поэтому не нашло отражения в исследуемых источниках.

Можно заключить, что к середине XV в. отношения между Китаем и Кореей долгое время (около полувека) носили мирный характер и Чосон успешно создавал видимость своего следования роли вассала в идеологии императорского Китая. Вероятно, этим объясняется достаточно позитивная оценка, данная Чосону в *Хуаньюй тунчжи* и *Да Мин итун чжи*: оба признают Ли Сонге легитимным правителем, который якобы был выдвинут самим народом[1]. Начало отклонения от навязываемой Китаем Чосону модели ведения внешнеполитических отношений не было зафиксировано в этих источниках, *во-первых*, в связи с их более поздним составлением (конец 1450-х годов) и, *во-вторых*, с постепенным ослабеванием и уменьшением внешнего влияния минского Китая.

Заключение

Таким образом, благодаря дальновидной политике Ли Сонге и его потомков новому государству Чосон удалось избежать прямого столкновения с империей Мин и установить с ней стабильные добрососедские отношения, что нашло отражение в китайских источниках середины XV в., где история Кореи описана в нейтрально-позитивном ключе, а приход рода Ли Сонге к власти предстаёт как воля народа. Что касается продолжительного неисправления китайского стороной ошибочно приписываемого Ли Сонге родства с Ли Инимом, вероятно, это скорее было связано с низкой значимостью этого эпизода в глазах китайских официальных кругов, нежели с продолжением негативного отношения к Чосону.

[1] Более того, в *Да Мин итун чжи* отрешение от власти Ли Хонхви и узурпация престола его дядей Ли Ю в 1455 г. также представлены как легитимный акт: якобы Ли Хонхви был юн и слаб и по своей воле уступил трон.

Юань ши. Цзюань 208. Жизнеописания 列傳 95. Зарубежные варвары 外夷

Гаоли (Корё) 高麗[1]

Гаоли (Корё) — это изначально земли, пожалованные Цзи-цзы (Киджа) 箕子, также был Фу'юй (Пуё) 扶餘, другой род, некогда проживавший здесь. Её земли на востоке достигают Синьло (Силла) 新羅, на юге достигают Байцзи (Пэкче) 百濟, все нависают над большими морями 跨大海[2], на северо-западе [страна] пересекает реку Ляошуй 遼水 и прилегает к Инчжоу 營州, а Мохэ 靺鞨 находится на её севере. Столица их страны называется город Пинжан (Пхеньян) 平壤, это округ Лэланцзюнь ханьского [времени] 漢樂浪郡. Вода берёт начало в горе Чанбайшань 長白山 Мохэ, именуется река Ялуцзян 鴨淥江, а Пинжан находится к юго-востоку от неё, потому полагаются [на неё] как на [естественную] преграду. Затем [ново]открытые земли способствовали расширению [территории Гаоли], присоединили (поглотили) древние Синьло, Байцзи, Гаоцзюйли (Когурё) 高句麗, три государства, и стали одной [страной]. Фамилия их властителя 主 — Гао (Ко) 高, с начала установления государства [и вплоть] до начала [эры правления] Цяньфэн 乾封 (666—668) [в эпоху] Тан и гибели государства. Начиная с [эры правления] Чуйгун 垂拱 (685—688) сыновья и внуки вновь [начали] жаловать эти земли, затем постепенно смогли стать самостоятельными. К эпохе Пяти династий сменивший владычество в этой стране и перенёсший столицу в Сунъюэ (Сонъак) 松岳 [носил] фамилию Ван, именовался Цзянь (Гон). От [Ван] Цзяня (Ван Гона) до [Ван] Дао (Ван То) 王燾[3] всего [было] 27 правителей (ванов), на протяжении 400 с лишним лет не менялась фамилия...

高麗本箕子所封之地，又扶餘別種嘗居之。其地東至新羅，南至百濟，皆跨大海，西北度遼水接營州，而靺鞨在其北。其國都曰平壤城，即漢樂浪郡。水有出靺鞨之白山者，號鴨淥江，而平壤在其東南，因恃以為險。後闢地益廣，并古新羅、百濟、高句麗三國而為一。其主姓高氏，自初立國至唐乾封初而國亡。垂拱以來，子孫復封其地，後稍能自立。至五代時，代主其國遷都松岳者，姓王氏，名建。自建至燾凡二十七王，歷四百餘年未始易姓。

Да Мин итун чжи. Цзюань 89. Зарубежные страны 外國[4]

Страна Чаосянь (Чосон) 朝鮮國

На востоке, западе и юге примыкает к морю, на севере граничит с нюйчжи 女直 (чжурчжэнями), на северо-западе доходит до реки Ялуцзян (Амноккан) 鴨綠江, с востока на запад 2000 ли, с юга на север 4000 ли, от [их] столицы до столицы [Империи] 3500 ли, до Нанкина («Южной столицы») — 4000 ли.

[1] Перевод производился по изданию: [История [империи] Юань, 2004, с. 3731].

[2] Вероятно, имеется в виду, что отдельные острова находятся в морях.

[3] Он же Чхунсук-ван 忠肅王 (1313—1330; 1332—1339).

[4] Перевод производился по изданию: [Воедино сведённое описание Великой Мин, 1990, с. 1—2].

История развития: В Чжоу [это была] страна, пожалованная Цзи-цзы (Киджа) 箕子.

В Цинь относилась к внешним рубежам Ляодуна 遼東外徼.

В начале Хань человек из [царства] Янь 燕人 Вэй Мань (Ви Ман) 衛滿 овладел (захватил) этим местом.

[Затем император] Уди 武帝 утвердил в Чосоне четыре округа: Чжэньфань, Линьтунь, Лэлан, Сюаньту 眞番，臨屯，樂浪，玄菟.

[Затем Император] Чжаоди 昭帝 объединил [их] в два округа Лэлан и Сюаньту.

В конце Хань была захвачена Гунсунь Ду 公孫度. [Она] наследовалась вплоть до [его] внука [Гунсунь] Юаня 孫淵, в Вэй разбили их.

В Цзинь в конце [эры] Юнцзя 永嘉 (307—313) была поглощена Гаоли (Корё) 陷入高麗 : Гаоли — другой род Фуюй (Пуё). Их правитель Гао Лянь 高璉[1] проживал в городе Пинжан (Пхеньян) 平壤城 (это — место в округе Лэлан 即樂浪郡地).

В Тан ходили войной на Гаоли, захватили Пинжан, установили Военное наместничество по Умиротворению Востока 安東都護府, эта страна переместилась на восток, на 1000 с лишним ли на юго-восток от реки Ялушуй.

В эпоху Пяти династий и Тан Ван Цзянь (Ван Гон) 王建 заменил род Гао (Ко) 高氏, открыл [новые] земли, обогатил и расширил [страну], объединил древнее Синьло (Силла) 新羅 и Байцзи (Пэкче) 百濟 в одно [государство], передвинул столицу в Сунъюэ (Сонъак) 松岳[2], Пинжан стал Западной столицей. Его наследники направляли послов с данью к Сун, также [направляли послов] с данью к Ляо, Цзинь, на протяжении 400 с лишним лет не было смены династии.

В Юань [в эру] Чжиюань 至元 (1264—1294) Западная столица [была включена во] внутренние владения, было учреждено Административное командование в округе Дуннинлу (Тоннён) 東寧路總管府. Проведена граница по горному хребту Цыбэйлин 慈悲嶺[3].

В ныне правящую династию на 2-й год [эры] Хунъу (1369) их властитель Ван Чжуань 王顓 выразил поздравление с восшествием на престол, одарён золотой печатью, грамотой о пожаловании титула вана страны Гаоли 高麗國王. На 25-й год [эры Хунъу] (1392) их властитель [Ван] Яо (Ван Ё) 王瑤 был низложен, толпа (народ) выдвинул *мэнься шилана* 門下侍郎 Ли Чэнгуя (Ли Сонге) 李成桂 ведать государственными делами, [имя] Чэнгуй (Сонге) изменил на Дань (Дан) 旦, переселился в Ханьчэн (Сеул) 漢城, направил посла с просьбой изменить название государства, приказано изменить название на Чаосянь (Чосон) 朝鮮. [Когда] Дань постарел, просил сына Фанъюаня (Банвона) 芳遠 наследовать [престол]. В 1-й год [эры] Юнлэ (1403) Фанъюань был одарён золотой печатью, грамотой о пожаловании титула, церемониальной одеждой. На 17-й год [эры Юнлэ] (1419) Фанъюань постарел, просил сына Тао (До) 祹[4] наследовать [престол]. На 1-й год [эры] Цзинцинь 景泰 (1450) Тао скончался, приказал своему сыну Сяну (Хяну) 珦[5] наследовать [престол]. [Когда] Сян

[1] Чансу-ван 長壽王 (412—491).
[2] Современный Кэсон 開城.
[3] Современное название — горный хребет Ме'эшань (Мёраксан) 滅惡山.
[4] Ли До.
[5] Ли Хян 李珦, храмовое имя Мунджон文宗 (1450—1452).

скончался, приказал своему сыну Хунвэю (Хонхви) 弘暐 наследовать [престол][1]. Хунвэй в детстве был слаб, его дядя Юй (Ю) 琰[2] по [его] уступке от трона был приглашён [на престол]. На 7-й год [эры Цзинцинь] (1456) пожаловали Юю [титул] правителя (вана) [Чосона]. Начиная от Даня, [всё это] время и годы [подношения] дани не прекращались. В этой стране учреждены восемь дао 道, которые делятся на *тун* 統, *фу* 府, *чжоу* 州, *цзюнь* 郡 и *сянь* 縣.

朝鮮國

東、西、南瀕海，北鄰女直，西北至鴨綠江。東西二千里，南北四千里。自國城至京師三千五百里，至南京四千里。

【沿革】

周爲箕子所封之國。

秦屬遼東外徼。

漢初，燕人衛滿據其地。

武帝定朝鮮爲**真番**、**臨屯**、**樂浪**、**玄菟**四郡。

昭帝**并為樂浪**、**玄菟二郡**。

漢末，**為公孫度所據**，**傳至孫淵**，**魏滅之**。

晉，永嘉末，陷入高麗　　(高麗，本扶餘別種。其王高璉居平壤城　　(即:樂浪郡地))。

唐征高麗，拔平壤，置安東都護府。其國東徙，在鴨綠水東南千餘里。

五代，唐時王建代高氏，闢地益廣，**并古新羅**、**百濟而爲一**，**遷都松岳**，**以平壤爲西京**。其後子孫，遣使朝貢於宋，亦朝貢遼、金，**歷**四百餘年。未始易姓。

元，至元中，西京內屬，置安寧路，總管府晝，慈悲嶺爲界。

本朝洪武二年，其主王顓表賀即位，賜以金印、誥命，封高麗王。二十五年，其主瑤，昏迷，衆推門下侍**郎李成桂主國事**。**詔從其自爲聲**，**教成桂更名旦**，**徙居漢城**。**遣使請改國號**，**詔更號朝鮮**，**旦老**，**請以子芳遠襲**，**永樂元年**。**賜芳遠金印**、**誥命**、**冕服**。**十七年**，**芳遠老**，**請以子禑襲**。**景泰元年**，**禑卒**，**命其子珦襲**。**珦卒**，**命其子弘暐襲**。**弘暐幼弱**，**其叔琰以讓位**，**請**。七年，封琰爲王。自旦以來，時歲貢獻不絕，其國置八道，分統府、州、郡、縣。

Мин шилу, цзюань 221[3]

25-й год эры Хунъу, 9-й месяц, [день] гэньинь (28 сентября 1392), *чжимичжисы ши* (*чимильчикса са*) 知密直司事 Корё Чжао Пан (Чо Пан) 趙胖 и другие вручили доклад Столичного департамента оценивания и церемониала их страны 其國都評儀司, [в котором] говорилось: «В нашей стране с тех пор как *ван* Гунминь (Конмин)

[1] Ли Хонхви李弘暐, храмовое имя Танджон 端宗 (1452—1455).

[2] Ли Ю 李琰, храмовое имя Седжо 世祖 (1455—1468).

[3] Перевод производился по изданию: [Подборка материалов о Чосоне из Мин шилу, 2005, с. 29—30].

恭愍 скончался, нет наследников, временщик Ли Жэньжэнь (Ли Иним) 李仁任[1] [назначил] сына Синьчуня (Синсуна)辛旽[2], Сюя (У) 禑, ведать государственными делами, деспот, [руководствующийся] своими прихотями, многих убивает и не [чувствует] вины, дошло до того, что хотел поднять войска вторгнуться и разграбить Ляодун, в это время генерал Ли Чэнгуй (Ли Сонге) 李成桂посчитал, [что это] недопустимо и отвёл армию. [Синь] Сюй сам знал, что понесёт наказание (обвинения), запаниковал и испугался, отрёкся и поставил на престол своего сына Чана (Чхана) 昌. Люди страны неспокойны, искренне просили наложницу Гунминь-вана (Конмин-вана) из рода Ань 恭愍王妃安氏 выбрать и поставить [своего] родственника *Динчан го юаньцзюня* 定昌國院君 Ван Яо (Ё) 王瑤[3] планировать государственные дела. За последние четыре года вновь [погрязли] во мраке, помешательстве и беззаконии, поверили со слов гнусной клевете, отчудили друг от друга старых сановников. Его сын Ши (Сок) 奭 вновь был глупым, дурным и невежественным, упивался вином и женщинами, вместе с сообщниками [Синь] Сюя, Сюань Юйбао (Хён Убо) 玄禹**寶**[4] и другими, втайне замышлял вновь поставить [Синь] Сюя руководить [страной]. *Мэнься шичжун* 門下侍中 Чжэн Мэнчжоу (Чон Мончжу) 鄭夢周, как и некогда раньше, хотел напасть на Ляонин, то, чему препятствовал Ли Чэнгуй, до нынешнего времени императорский двор (то есть Китай. — *Прим. авт.*) истребует [у Корё] лошадиное поголовье, [Чжэн Мэнчжоу] использовал это, чтобы оговорить *вана* Яо и расправиться с [Ли] Чэнгуем, Чжао Цзюнем (Чо Чжуном) 趙浚, Чжэн Даочуанем (Чон Дочжоном) 鄭道傳, Нань Инем (Нам Ыном) 南誾 и другими, в стране многие чиновники и народ были убиты и казнены. Группа чиновников и людей страны задумалась о [божествах] Шэ и Цзи и о живых духах[5], оценили Яо как недостойного для управления народом. В этом году 7-го месяца 17-го числа (5 августа 1392 г.)[6] по приказу наложницы Гунминь-вана из рода Ань увели Яо [с престола] в частное жилище. Выбирая из родственников, не было того, кто мог бы стать надеждой масс, лишь *мэнься шичжун* Ли Чэнгуй [подходил], от центра до окраин человеческие сердца издавна все покорились и примкнули [к нему], поэтому чиновники и старцы из [простых] людей страны совместно выдвинули Чэнгуя ведать государственными делами. Уповаем и надеемся на Высочайшее решение, [что Император] прислушается к чаяниям масс, дабы умиротворить народ малого государства».

Либу шилан 禮部侍郎 Чжан Чжи張智 доложил об этом деле, [доклад] наверх гласил: «Устои и правила нашего Срединного государства повсюду, распространялись и передавались от Высочайшего [к Высочайшему], охранялись и не утрачивались. [Страна] Гаоли ограничена горами и отделена морями, проживающие в глуши восточные варвары не управляются нашим Срединным государством, кроме того, в делах с ними есть сокрытость и лицемерность, разве можно сразу же поверить [им]? Ваше Министерство церемоний направило [официальное] письмо, [в котором] растолковало это, последовав ему, [это] само и будет [проявлением] престижа и [куль-

[1] Встречается также написание 李仁人.
[2] Описка, должен быть Синдон 辛旽.
[3] Ван Ё 王搖, также известен как Конъян-ван 恭讓王 (1389—1392).
[4] Иероглифы перепутаны местами, должно быть: У Хёнбо 禹玄寶.
[5] То есть о престоле (государстве) и народе.
[6] В некоторых изданиях указана другая дата (11-е число) — 30 июля 1392 г.

турного] воспитания [иноземцев], [этим] действительно можно будет повиноваться пути Неба, гармонизировать людские сердца, дабы умиротворить народ восточных варваров, не допустить пограничных конфликтов, тогда послы с поручениями будут отбывать и прибывать, [это] действительно и будет счастьем для их страны».

洪武二十五年九月庚寅，高麗知密直司事趙胖等持其國都評議司奏言：《本國自恭愍王薨逝無嗣，權臣李仁任以辛旽子禑主國事，昏暴自恣，多殺無辜，至欲興師侵犯遼東，其時大將李成桂以為不可而回軍。禑自知負罪惶懼，遜位於其子昌。國人弗順，啟請恭愍王妃安氏擇立宗親定昌國院君王瑤權國事。及今四年，亦复昏迷不法，聽信讒說，離間勛舊，離間勛舊。其子奭復痴騃無知，縱於酒色，與禑黨玄禹寶等潛謀復禑位守。門下侍中鄭夢周嘗以前者欲攻遼寧為李成桂所阻，致今朝廷索取馬匹，以此譖於王瑤謀害成桂及趙俊、鄭道傳、南誾等，國中臣民多被殺戮。群臣國人以社稷生靈為慮，謂瑤不足以治民。今年七月十七日，以恭愍王妃安氏之命退瑤於私第。擇於宗親無可以當輿望者，惟門下侍中李成桂，中外人心夙皆歸附，於是臣等與國人耆老共推成桂主國事。伏望聖裁，俯從輿意，以安小國之民。

禮部侍郎張智奏其事，上曰：《我中國綱常所在，列聖相傳，守而不失。高麗限山隔海，僻處東夷，非我中國所治，且其間事有隱曲，豈可遽信。爾禮部移文諭之，從其自為聲教，果能順天道、合人心以安東夷之民，不啓邊釁，則使命往來實彼國之福也》。

Хуан Мин цзусюнь. Раздел 1[1]

...Ныне и в будущем не [следует] идти войной на все варварские страны, названия которых перечислены ниже:

Северо-восток:

Страна Чаосянь (Чосон) (Является [страной] Гаоли (Корё). Их Ли Жэньжэнем и [его] сыном Ли Чэнгуем, ныне зовётся Дань, с 6-го года эры Хунъу (1373) по 28-й год эры Хунъу (1395) от начала до конца всего было убито из королевского рода четыре короля, поэтому относимся к ним [таким образом])[2].

.....今將不征諸夷國名，開列於後：

東北：

朝鮮國（即高麗。其李仁人，及子李成桂今名旦者，自洪武六年至洪武二十八年，首尾凡弒王氏四王，故待之）

[1] Перевод производился по изданию: [Наставления предков Августейшей Мин, 1395, с. 6]. Перевод на английский язык см.: [Farmer, 1995, p. 120].

[2] То есть как к варварам (включаем их в этот список). Также возможен вариант перевода: «поэтому [пока] ожидают здесь (в этом списке)».

Библиографический список

Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. М.: ГРВЛ «Наука», 1968. 211 с.

Гончаров С.Н. Две традиции в дипломатии императорского Китая / О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. Новосибирск: Наука, 2006. С. 113—144.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 5 / пер. с кит. и коммент. В.В. Вяткина; вступ. ст. Р.В. Вяткина. М.: ГРВЛ «Наука», 1987. 364 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 9 / пер. с кит. и коммент. под ред. А.Р. Вяткина; вступ. ст. А.Р. Вяткина. М.: Вост. лит., 2010. 623 с.

Чеснокова Н.А. История вымышленная и реальная: Легитимация власти Ли Сонге (Тхэджо, 1392—1398) — основателя корейского государства Чосон (1392—1897) // Диалог со временем. 2024. № 86. С. 107—123.

Шу-цзин («Канон записей») / исслед., пер. с кит., коммент и указ. Г. С. Поповой. М.-СПб.: Нестор-История, 2020. 408 с.

Chan R.K. Korea-China Relations in History and Contemporary Implications. Palgrave Macmillan, 2018. 219 p.

Farmer E.L. Zhu Yuanzhang and Early Ming Legislation. Leiden: Brill, 1995. 259 p.

Lee Jin-Han. The Development of Diplomatic Relations and Trade with Ming in the Last Years of the Koryŏ Dynasty // International Journal of Korean History. 2006. Vol.10. P. 1—24.

Nguyễn Nhật Linh. Chosŏn's Understanding of Ming-Đại Việt Relations // The Newsletter. 2018. Vol. 79. URL: https://www.iias.asia/the-newsletter/article/chos%C5%8Fns-understanding-ming-%C4%91%E1%BA%A1i-vi%E1%BB%87t-relations (дата обращения: 23.07.2026).

The Annals of King T'aejo: Founder of Korea's Choson Dynasty / Tr. and Annotated by Choi Byonghyon. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2014. 1028 p.

大明一統志. 下. 卷之八十九. 外夷 [Воедино сведённое описание Великой Мин. Том 2. Цзюань 89. Иноземные варвары]. Сиань: Сань Цин чубаньшэ 三秦出版社, 1990. 25 с. (На кит.)

明史. 第十冊 / 章培恒分史主編 [История [империи] Мин. 10-й том / гл. ред.: Чжан Пэйхэн]. Шанхай: Ханьюй да цыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. С. 6313—6974. (На кит.)

明实录朝鲜资料辑录 / 刘菁华等选编 [Подборка материалов о Чосоне из Мин шилу / Сост.: Лю Цзинхуа и др.]. Чэнду: Башу шушэ 巴蜀书社, 2005. 425 с. (На кит.)

宋史. 第十六冊 / 倪其心分史主編 [История [империи] Сун. 16-й том / гл. ред.: Ни Цисинь]. Шанхай: Ханьюй да цыдянь чубаньшэ, 2004. С. 9941—10584. (На кит.)

皇明祖訓. 明洪武間內府刊本 [Наставления предков Августейшей Мин. Ксилографическое издание из императорского хранилища времён минского Хунъу]. Б.м., 1395. 47 с. (На кит.)

舊五代史. 第二冊 / 曾棗莊分史主編 [Старая история Пяти династий. 2-й том / гл. ред.: Цэн Цзаочжуан]. Шанхай: Ханьюй да цыдянь чубаньшэ, 2004. С. 689—1427. (На кит.)

元史. 第六冊 / 李修生分史主編 [История [империи] Юань. 6-й том / гл. ред.: Ли Сюшэн]. Шанхай: Ханьюй да цыдянь чубаньшэ, 2004. С. 3139—3784. (На кит.)

References

Bokshchanin A.A. Kitaj i strany Yrzhnyh morej v XIV—XVI vv. [China and the Countries of the Southern Seas in 14—16 cc.] M.: GRVL «Nauka», 1968. 211 s. (In Russian)

Goncharov S.N. Dve tradicii v diplomatii imperatorskogo Kitaya [Two Traditions in the Diplomacy of the Imperial China] / O Kitae srednevekovom i sovremennom: Zapiski raznyh let. Novosibirsk: Nauka, 2006. S. 113—144. (In Russian)

Sima Qian. Istoricheskie zapiski (Shi ji). T. 5 [Records of the Grand Historian (Shi ji) Vol. 5] / per. s kit. i komment. V.V. Vyatkina; vstup. st. R.V. Vyatkina. M.: GRVL «Nauka», 1987. 364 s. (In Russian)

Sima Qian. Istoricheskie zapiski (Shi ji). T. 9 [Records of the Grand Historian (Shi ji) Vol. 9)] / per. s kit. i komment. pod red. A.R. Vyatkina; vstup. st. A.R. Vyatkina. M.: Vost. lit., 2010. 623 s. (In Russian)

Chesnokova N.A. Istoriya vymyshlennaya i real'naya: Legitimaciya vlasti Li Songe (Thedzho, 1392—1398) — osnovatelya korejskogo gosudarstva Choson (1392—1897) [Fictional and Real History: The Legitimation of the Rule of Yi Seong-gye (Taejo, 1392—1398) — Founder of the Korean State of Joseon (1392—1897)] // Dialog so vremenem. 2024. Vol. 86. S. 107—123. (In Russian)

Shu-jing («Kanon zapisej») [Shu-jing (Book of Documents)] / issled., per. s kit., komment i ukaz. G. S. Popovoj. M.-SPb.: Nestor-Istoriya, 2020. 408 s. (In Russian)

Chan R.K. Korea-China Relations in History and Contemporary Implications. Palgrave Macmillan, 2018. 219 p.

Farmer E.L. Zhu Yuanzhang and Early Ming Legislation. Leiden: Brill, 1995. 259 p.

Lee Jin-Han. The Development of Diplomatic Relations and Trade with Ming in the Last Years of the Koryŏ Dynasty // International Journal of Korean History. 2006. Vol.10. P. 1—24.

Nguyễn Nhật Linh. Chosŏn's Understanding of Ming-Đại Việt Relations // The Newsletter. 2018. Vol. 79. URL: https://www.iias.asia/the-newsletter/article/chos%C5%8Fns-understanding-ming-%C4%91%E1%BA%A1i-vi%E1%BB%87t-relations (дата обращения: 23.07.2026)

The Annals of King T'aejo: Founder of Korea's Choson Dynasty / Tr. and Annotated by Choi Byonghyon. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2014. 1028 p.

大明一統志. 下. 卷之八十九. 外夷 (Comprehensive Gazetteer of the Great Ming. Vol 2. Juan 89. Foreign Barbarians). Xi'an: San Qing chubanshe 三秦出版社, 1990. 25 s. (In Chinese)

明史. 第十冊 / 章培恒分史主編 (History of the Ming Dynasty. Vol. 10 / Ed: Zhang Peiheng). Shanghai: Hanyu da cidian chubanshe漢語大詞典出版社, 2004. P. 6313—6974. (In Chinese)

明实录朝鲜资料辑录 / 刘菁华等选编 (Collected Materials on Choson from Ming shilu / Comp by: Liu Jinghua et al.). Chengdu: Bashu shushe 巴蜀书社, 2005. 425 p. (In Chinese)

宋史. 第十六冊 / 倪其心分史主編 (History of the Song Dynasty. Vol. 16 / Ed: Ni Qixin). Shanghai: Hanyu da cidian chubanshe, 2004. P. 9941—10584. (In Chinese)

皇明祖訓. 明洪武間內府刊本 (Imperial Ancestral Instructions of the Ruling Ming Dynasty. Woodblock Edition from the Imperial Depository dated to the Reign of the Hongwu Emperor of the Ming Dynasty.). 1395. 47 p. (In Chinese)

舊五代史. 第二冊 / 曾棗莊分史主編 (Old History of the Five Dynasties. Vol. 2 / Ed.: Ceng Zaozhuang). Shanghai: Hanyu da cidian chubanshe, 2004. P. 689—1427. (In Chinese)

元史. 第六冊 / 李修生分史主編 (History of the Yuan Dynasty. Vol. 6 / Ed.: Li Xiusheng). Shanghai: Hanyu da cidian chubanshe, 2004. P. 3139—3784. (In Chinese)

Поступила в редакцию: 16.09.2026 Received: 16.09.2026
Принята к публикации: 20.09.2026 Accepted: 20.09.2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.55.38.005

Е.С. Бутько

Образ офицера Кан Чэгу[1] в пропаганде времён Вьетнамской войны и коллективной памяти Республики Корея

Аннотация. В период Вьетнамской войны с 1964 по 1973 г. на стороне США приняли участие более 325 тыс. военнослужащих армии Республики Корея. Отправка войск во Вьетнам стала первой масштабной и долгосрочной зарубежной кампанией в истории Южной Кореи. Совокупность политических и экономических факторов привела к тому, что после 1965 г. на территории Вьетнама в полной мере началось развёртывание боевых подразделений южнокорейской армии. В этих условиях правительство Пак Чонхи принимало меры по мобилизации людских ресурсов на всех возможных уровнях. В число таковых входила как пропаганда, так и обучение военных солдат перед отправкой на фронт. Одним из немногих, кто сыграл в этом свою роль, стал офицер южнокорейской армии Кан Чэгу. Капитан Кан занимался обучением военному делу корейских солдат вплоть до своей гибели в 1965 г., когда во время демонстрационной тренировки боевых подразделений он закрыл своим телом случайно брошенную гранату. Офицер погиб, но спас тем самым множество жизней. После гибели Кан Чэгу был посмертно повышен в звании до майора, а его образ послужил ярким примером жертвенности и героизма, который неоднократно использовался в пропаганде того времени. Цель нашего исследования — определить, как образ офицера Кан Чэгу использовался в пропагандистских материалах во время Вьетнамской войны и как его образ отражается в коллективной памяти Республики Корея.

Ключевые слова: Вьетнамская война, Республика Корея, холодная война, Пак Чонхи, коллективная память.

Автор: Бутько Евгений Сергеевич. Аспирант 3-го курса программы «Всеобщая история» Института востоковедения Российской академии наук (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0002-8958-8618. SPIN-код: 2680-8040. E-mail: eugen1299@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бутько Е.С. Образ офицера Кан Чэгу в пропаганде времён Вьетнамской войны и коллективной памяти Республики Корея // Корееведение. 2026. № 3 (16). С. 33—48. DOI: 10.48647/ICCA.2026.55.38.005.

E.S. Butko

he Image of Officer Kang Jae-gu in Propaganda during the Vietnam War and in the Collective Memory of the Republic of Korea

Abstract. During the Vietnam War, from 1964 to 1973, more than 325,000 soldiers of the Republic of Korea Army took part on the side of the United States. Sending troops to Vietnam was the first large-scale and long-term overseas campaign in South Korea's history.

[1] Авторское написание корейских имен.

A combination of political and economic factors led to the full-scale deployment of South Korean combat units in Vietnam after 1965. In these circumstances, Park Chung Hee's government took measures to mobilize human resources at all possible levels. These measures included both propaganda and the training of soldiers before they were sent to the front. One of those who played a role in this was an officer of the South Korean army, Kang Jae-gu. Captain Kang trained South Korean soldiers in military skills until his death in 1965, when, during a demonstration exercise of combat units, he covered an accidentally thrown grenade with his body. The officer died, but thereby saved many lives. After his death, Kang was posthumously promoted to the rank of major, and his image became a vivid example of self-sacrifice and heroism that was repeatedly used in the propaganda of that time. The purpose of this study is to determine how the image of Officer Kang Jae-gu was used in propaganda materials during the Vietnam War and how it is reflected in the collective memory of the Republic of Korea.

Keywords: Vietnam War, Republic of Korea, Cold War, Park Chung Hee, Collective memory.

Author: Evgeny S. Butko. Third-year postgraduate student, General History program, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (Address: 107031, Moscow, Rozhdestvenka St., 12). ORCID: 0000-0002-8958-8618. SPIN-code: 2680-8040.
E-mail: eugen1299@gmail.com

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interest.

For citations: Butko E.S. Protsess revizionizma v Respublike Koreya: evolyutsiya vzglyadov na uchastie yuzhnokorejskih vojsk vo V'etnamskoj vojne [The process of revisionism in the Republic of Korea: the evolution of views on South Korean troop participation in the Vietnam War] // Koreevedenie [Koreanology], 2026, 3 (16): 33—48.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.55.38.005.

Как известно, одним из символов любой войны, отражающих ее, становится воинское подразделение, принимавшее участия в боях. Нередко становятся символами войны и сами участники конфликта — солдаты, офицеры, генералы, ополченцы, — которые отражают тот или иной портрет ветеранов войны. Неважно, насколько правдивыми являются эти самые символы. Главное, что они несут в себе важную функцию поддержания исторической памяти или же патриотического описания. Как писал Бенедикт Андерсон в своём труде «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма», нет более захватывающих символов у современной культуры национализма, чем монументы и могилы Неизвестного солдата. По его мнению, благоговейное и почтительное отношение к подобным памятникам связано с тем, что эти самые памятники «либо намеренно оставляют пустыми, либо никто не знает, кто в них лежит» [Андерсон, 2001, 33]. Забегая вперёд, случай с Кан Чэгу заметно отличается, поскольку с момента своей гибели его имя стало широко известным и нарицательным. Тем не менее сам процесс абсолютно идентичен. Увековечение памяти павших солдат за нацию, вне зависимости от того, безымянные они или нет, превращает события личного характера в нечто коллективное, значимое. Оно создаёт культурную силу, объединяющую рядовых членов общества, а не отдельных героев или правящие классы, в священную категорию, тем самым формируя чувство признания государственного порядка.

К началу 1960-х годов Республика Корея (РК) столкнулась с рядом препятствий на пути к достижению политической внутренней стабильности и социально-экономического развития. Новообразованному правительству во главе с Пак Чонхи предстояло решить ряд насущных проблем с целью кардинальной перестройки государства и его экономической модернизации. Как отмечает С. Курбанов, одним из составляющих «корейского чуда» была особенность корейской культуры, в рамках которой было возможно мобилизовать народные массы для решения общегосударственных задач [Курбанов, 2009, 316]. В рамках внешней и внутренней политики Пак Чонхи в районе 1960-х годов эта самая особенность в полной мере проявила себя и в период участия страны во Вьетнамской войне (1964—1973). Участие в конфликте стало важным шагом на пути к экономической реорганизации страны и укрепления национальной безопасности. Немаловажным фактором являлось то, что в ходе переговоров США обещали экономическую поддержку РК, а также военное и финансовое содействие корейским военнослужащим, проходящим службу во Вьетнаме [Kim, 2004, 101—102]. В результате на помощь Южному Вьетнаму были переброшены воинские боевые подразделения — две дивизии сухопутных войск и одна бригада морской пехоты [최용호, 2007, 28—29, 31]. Одним из первых подразделений, отправленных с целью проведения антипартизанских акций и участия в полномасштабных военных операциях, стала 1-я столичная моторизованная дивизия «Тигры» [Поленова, 2016, 209]. Именно в этой дивизии проходил свою службу офицер армии РК капитан Кан Чэгу.

Родился Кан Чэгу в Инчхоне в 1937 г. После окончания Сеульской средней школы в 1956 г. поступил в Корейскую военную академию (далее — КВА или академия). В 1960 г. окончил 16-й класс КВА и получил звание младшего лейтенанта. Позже служил командиром взвода в 1-м полку столичной дивизии, одновременно пройдя курс подготовки для начинающих офицеров в армейском пехотном училище, а также инструктором по делу метания гранат в 1-м армейском унтер-офицерском училище. В 1963 г. женился на девушке по имени Он Ёнсун[1], а через год у них родился сын Кан Бёнхун[2]. Ещё с момента обучения в академии Кан Чэгу вёл свой дневник. На основе анализа его личных записей можно проследить, что офицер стремился к саморазвитию и дисциплине, был убеждённым солдатом и патриотом. При этом он не чурался и рефлексии. Будучи что кадетом, что командиром роты, он искал практические решения проблем среди военнослужащих и стремился к улучшению отношений в коллективе. Чэгу стремился стать солдатом, вносящим вклад в развитие своей организации и общества, а не просто выполняющим свою роль. Он верил, что его присутствие должно оказывать положительное влияние на его подразделение и общество, и постоянно стремился воплощать это убеждение в жизнь [심호섭,정준아, 2024, 57, 59—60].

[1] 인물로 보는 인천사 (79) 강재구(姜在求, 1937~1965) [История Инчхона через личности (79) Кан Чэгу (姜在求, 1937~1965)] URL: https://web.archive.org/web/20170402081150/; http://enews.incheon.go.kr/publish/php/print_page.php?idx=9867&img=&diaryDate=2014-07-22# (дата обращения: 20.07.2026).

[2] 강재구 소령 순직 60주기 “결단력이 없는 것이 나의 단점”이라던 청년 장교의 살신성인 [60-я годовщина гибели майора Кан Чэгу, погибшего при исполнении служебного долга. Героическое самопожертвование молодого офицера, сказавшего: «Моя нерешительность — моя слабость»]. URL: https://monthly.chosun.com/news/articleView.html?idxno=23423 (дата обращения: 21.07.2026).

Спустя месяц после принятия решения в Государственном совете об отправке дивизии армии РК во Вьетнам, Кан Чэгу получил звание капитана и был назначен командиром 10-й роты 3-го батальона 1-го пехотного полка столичной дивизии. 4 октября перед отправкой на войну во Вьетнам Кан Чэгу проводил тренировку по метанию гранат в районе уезда Хончхон. В 10 ч утра во время учений рядовой первого класса Пак Хэчон случайно бросил гранату в противоположную сторону от направления броска. За считанные секунды Чэгу сумел закрыть своим телом гранату и спас тем самым всех находящихся на полигоне. Он был немедленно эвакуирован в полевой госпиталь, но по пути в медпункт скончался от полученных ранений[1]. О смерти Чэгу впервые сообщили на следующий день, 5 октября, в газете «Кёнхян синмун». В ней сообщалось, что «капитан Кан, пытаясь спасти своих солдат, прижал гранату к себе и погиб в результате взрыва. Лёгкие ранения получили всего четыре солдата»[2]. Кан Чэгу было посмертно присвоено звание майора[3]. Также, в мае 1966 г., он был посмертно награжден медалью «За военные заслуги Тхэгык»[4].

Начиная с 6 октября все газеты писали об этом случае. Согласно исследователю Пак Сонёну, в библиотеке новостей Naver можно найти информацию о Чэгу в 76 статьях газет «Кёнхян синмун», «Тона ильбо» и «Чосон ильбо» от 1965 г. и 79 статьях от 1966 г. С 5 октября 1965 г. до конца месяца было опубликовано около 60 статей, посвящённых подвигу Чэгу [박선영, 2023, 316]. В качестве примера можно привести следующие. Так, в статье «Кёнхян синмун» «Похороны майора Кан Чэгу» от 8 октября 1965 г. имеются такие слова: «Майор Кан Чэгу, создавший вечную легенду корейской армии, был похоронен у себя на родине в районе Тонджак 8-го числа, и его имя как бессмертного воина запечатлелось в сердцах солдат по всей стране»[5]. В другой статье этой газеты от 2 марта 1966 г. «Рождение Хваран. Открытие памятника покойному майору Кан Чэгу» можно найти следующий идеологический момент: «Президент Пак, присутствовавший на церемонии, обратился к выпускникам академии с речью, заявив: “Азия столкнулась с серьёзным кризисом из-за агрессивной коммунистической экспансии”». Он призвал выпускников стать авангардом крестового похода за свободу. На открытии памятника майору Кан Чэгу президент Пак

[1] Там же.

[2] 경향신문 1965.10.05 중대장이 장렬한 순직 연습중 부하 살리려고 수류탄 안고3편 [Кёнхян синмун, 05.10.1965, Геройская гибель командира роты: на учениях он закрыл гранату собой, спасая подчинённых, 3 стр.]. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1965-10-05&officeId=00032&pageNo=3 (дата обращения: 21.07.2026).

[3] 동아일보 1965.10.06 전우애로 불사른 지휘의 넋을 위로/ 강대위 추도식/ 4등 공로훈장 추서3편 [Тона ильбо, 06.10.1965, Памяти командира, сгоревшего в пламени подвига ради товарищей / Траурная церемония в честь капитана Кана / Посмертное награждение орденом «За заслуги» 4-го класса, 3 стр.]. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1965-10-06&officeId=00020&pageNo=3 (дата обращения: 26.07.2026).

[4] 강재구 소령 순직 60주기 “결단력이 없는 것이 나의 단점”이라던 청년 장교의 살신성인 [60-я годовщина гибели майора Кан Чэгу, погибшего при исполнении служебного долга. Героическое самопожертвование молодого офицера, сказавшего: «Моя нерешительность — моя слабость»]. URL: https://monthly.chosun.com/news/articleView.html?idxno=23423 (дата обращения: 21.07.2026).

[5] 경향신문1965.10.08 강재구 소령 육구장 전군의 귀감, 불멸의 용사로 추앙3편 [Кёнхян синмун, Майор Кан Чэгу — пример для всей армии, бессмертный герой, 3 стр. 08.10.1965]. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1965-10-08&officeId=00032&pageNo=3 (дата обращения: 21.07.2026).

выразил ему признательность, сказав: «Ваш предшественник, майор Кан, пожертвовавший своей жизнью ради людей, вдохновляет наше общество на новый дух самопожертвования и служения»[1]. Также в качестве примера можно привести выдержку из журнала «Корейские войска во Вьетнаме: три года на благо мира и строительства», в котором дано описание подвига майора Кан Чэгу. В самой выдержке имеются такие слова: «Все члены батальона твёрдо решили, что благородная жертва майора Кана не будет напрасной» [월남전선의 한국군..., 1968, 96].

Особый интерес представляет собой статья газеты «Тона ильбо» от 21 октября 1965 г. под названием «Эта тёплая человечность», которая проводит параллель между военным офицером Кан Чэгу и гражданским Ли Чонёпом, спасшим от гибели ребёнка, ученика школы Пак Хансака. Статья гласит: «Несколько дней назад ребёнок чуть не погиб, едва не попав под машину на улице. Незнакомец, обычный прохожий, вскочил и спас мальчика, но сам при этом погиб. К счастью, личность этого человека была раскрыта, пусть и с опозданием. Однако нас ещё больше потрясает тот факт, что этот поступок произошёл так быстро, почти рефлекторно, без времени на размышления или суждения. <...> Незадолго до этого, во время учений в составе отряда «Тигр», отправлявшегося во Вьетнам, майор Кан защитил свою роту, накрыв своим телом гранату, случайно брошенную подчиненным»[2]. Факт сравнения военного Кан Чэгу и гражданского Ли Чонёпа будет упоминаться ещё не раз.

Помимо газет, большую роль сыграла военная кинохроника, в частности Национальный центр кинопроизводства РК и Центр производства кинофильмов армии РК. Оба центра являлись официальными кинопроизводственными организациями, выпускавшие различные пропагандистские, информационные и культурные фильмы. Среди подобного рода СМИ можно перечислить «Новости национальной обороны», «Вьетнамский фронт», «Знаменосец Кореи», «Либерти ньюс» и «Новости Кореи». Так, например, в выпуске «Новостей Кореи» № 540 от 9 октября 1965 г. был показан сюжет «Благородная жертва» о похоронах Чэгу[3]. В выпуске «Либерти ньюс» № 636, вышедшем в том же году, также был показан сюжет под названием «Похороны майора Кан Чэгу»[4]. Особый интерес представляет выпуск «Новостей Кореи» № 543 от 30 октября 1965 г., посвящённый Кан Чэгу и Ли Чонёпу[5] [6]. Как и в статье «Тона иль-

[1] 경향신문 1966.03.02 화랑탄생 고 강재구 소령 동상 제막식도 육사졸업7편 [Кёнхян синмун, 02.03.1966, Рождение Хваран. Открытие памятника покойному майору Кан Чэгу, 7 стр.]. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1966-03-02&officeId=00032&pageNo=7 (дата обращения: 21.07.2026).

[2] 동아일보 1965.10.21 이 따뜻한 인간애 근래의 감동... 강재구 소령 이정엽 씨의 죽음 5편 [Тона ильбо, 21.10.1965, Эта тёплая человечность, Недавние события, потрясшие страну... Гибель майора Кан Чэгу и Ли Чонёпа 5 стр.]. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1965-10-21&officeId=00020&pageNo=5 (дата обращения: 21.07.2026).

[3] 대한뉴스 제540호 [Новости Кореи, выпуск № 540]. URL: http://kfilm.khistory.org/?mod=26&MOVIE_SEQ=1552&KIND_CLSS=11 (дата обращения: 06.08.2026).

[4] 리버티뉴스 제636호 [Либерти Ньюс, выпуск № 636]. URL: http://kfilm.khistory.org/?mod=26&MOVIE_SEQ=5082&KIND_CLSS=15 (дата обращения: 06.08.2026).

[5] 대한뉴스 제543호 [Новости Кореи, выпуск № 543]. URL: http://kfilm.khistory.org/?mod=26&MOVIE_SEQ=1561&KIND_CLSS=11 (дата обращения: 06.08.2026).

[6] 대한뉴스 제 543호-거룩한 인간애 [Новости Кореи, выпуск №543 — Святое человечество]. URL: https://youtu.be/wjRd6iHXmzs?si=PK2RQwJGT_aLp_bb (дата обращения: 06.08.2026).

ильбо» «Эта тёплая человечность», между ними проводилась параллель. В первой половине упомянутого выпуска демонстрировали вдову и сына Кан Чэгу, посетивших КВА и общавшихся с курсантами и офицерами академии. В ходе этого визита министр обороны Ким Сонын вручил вдове Он Ёнсун денежный подарок, собранный министрами кабинета. Вторая половина выпуска была посвящена Ли Чонёпу, спасшего ребёнка. В ней демонстрировались и спасённый ребёнок Пак Хансак, и его дань уважения на могиле Чонёпа, и сбор пожертвования детьми школы Кондок для семьи покойного.

В «Новостях национальной обороны» было несколько выпусков с упоминанием Кан Чэгу. В выпуске № 251 от 1970 г. освещался сюжет о «Деревне Чэгу», построенной во Вьетнаме солдатами дивизии «Тигр»[1]. В других выпусках № 301 и № 354 был показаны сюжеты «Вручение премии Чэгу», в которых демонстрировались церемонии награждения, состоявшиеся в КВА 16 октября 1971 г.[2] и 20 октября 1972 г.[3] В выпуске № 409 была продемонстрирована видеозапись церемония открытия мемориальной стелы в память о майоре[4]. В выпуске № 461 было объявлено о завершении строительства моста Чэгу в уезде Хончхон пров. Канвон [5]. Все вышеперечисленные документально-новостные хроники свидетельствуют о применении важного инструмента в увековечивании памяти Чэгу, о котором будет написано позднее.

Как видно, многочисленные новостные выпуски комментировали самопожертвование Кан Чэгу и значение его подвига. В этих сообщениях он не просто изображался как настоящий солдат, но и преподносился корейской общественности как символ национального духа и гуманизма. Эти три уровня символики начали формироваться практически одновременно и использовались в пропагандистских целях на протяжении всего периода участия Кореи во Вьетнамской войне и даже после её окончания. Однако увековечение памяти Чэгу не ограничилось лишь освещением его подвига в СМИ. Огромную роль в пропаганде и поддержании его образа в коллективной памяти сыграла сама армия и, в частности, КВА. Поскольку Кан Чэгу стал символом «воинского духа», «честью академии» и «средством формирования чувства общественной солидарности», одним из самых заметных способов увековечивания его памяти стало присвоение его имени и фамилии.

Ещё во времена войны во Вьетнаме смерть Кан Чэгу воспринималась как возвышенный повод для национального пробуждения и гордости. В качестве примера можно привести уже упомянутые статьи про Ли Чонёпа. Как стало ясно, смерть Ли Чонёпа приравняли к смерти Кан Чэгу, ценность которых приобрела «национальное» значение. Кроме того, первые люди, кто пожертвовал своей жизнью ради спасения

[1] 국방뉴스 제543호 [Новости национальной обороны, выпуск № 543]. URL: http://kfilm.khistory.org/?mod=26&MOVIE_SEQ=582&KIND_CLSS=13 (дата обращения: 06.08.2026).

[2] 국방뉴스 제301호 [Новости национальной обороны, выпуск № 301]. URL: http://kfilm.khistory.org/?mod=26&MOVIE_SEQ=632&KIND_CLSS=13 (дата обращения: 06.08.2026).

[3] 국방뉴스 제354호 [Новости национальной обороны, выпуск № 354]. URL: http://kfilm.khistory.org/?mod=26&MOVIE_SEQ=251&KIND_CLSS=13 (дата обращения: 06.08.2026).

[4] 국방뉴스 제409호 [Новости национальной обороны, выпуск № 409]. URL: http://kfilm.khistory.org/?mod=26&MOVIE_SEQ=305&KIND_CLSS=13 (дата обращения: 06.08.2026).

[5] 국방뉴스 제461호 [Новости национальной обороны, выпуск № 461]. URL: http://kfilm.khistory.org/?mod=26&MOVIE_SEQ=704&KIND_CLSS=13 (дата обращения: 06.08.2026).

других, стали именоваться «Вторым Кан Чэгу» или «Третьим Кан Чэгу». Иными словами, смерть Чэгу стала синонимом всех смертей военнослужащих в результате альтруистических побуждений, то есть в попытке спасти своих товарищей по оружию или простых людей, которым угрожала гибель. Первым военнослужащим, которому было присвоено почётное наименование «Второй Кан Чэгу», оказался сержант Ли Вондын из воздушно-десантного корпуса. Он погиб, спасая товарища во время парашютной подготовки[1]. Также титул «Второй Кан Чэгу» получил капитан корейской армии Ли Инхо, спасший своих людей и погибший, закрыв своим телом брошенную вьетконговцами гранату [2]. Младший лейтенант Ким Чанун из отряда «Хесанджин», прозванный вскоре «Третьим Кан Чэгу», спас своих людей, также закрыв своим телом брошенную вражескую гранату[3]. Подобная традиция применяется и по сей день, причем не только по отношению к военным.

Практика присвоения имени коснулась не только наиболее отличившихся военных, но и воинских частей. В честь майора 3-й батальон 1-го полка столичной дивизии и 10-я рота того самого батальона, которым командовал Кан Чэгу, получили наименования «Батальон Чэгу» и «Рота Чэгу» соответственно. По воспоминаниям генерала Чхэ Мёнсина, командира корейского воинского контингента во Вьетнаме, «он был вторым, кто объявил о создании батальона Чэгу». Первым же офицером, который присвоил батальону почётное название «Батальон Чэгу», стал командир батальона Пак Ёнсок. Как вспоминал генерал Чхэ Мёнсин, батальон Чэгу установил рекорд по наибольшему количеству медалей за военные заслуги, врученных за весь период развертывания [채명신, 2007, 127]. Академия также увековечила память Кан Чэгу, официально обозначив 2-ю роту кадетского корпуса, в которой тот служил кадетом, как «2-я рота Чэгу» [심호섭,정준아, 2024, 37]. Гимном роты стала песня «Пылающий факел», в тексте которой были написаны такие слова: «Ради моей страны и нации, словно Чэгу, я пожертвую своей жизнью»[4].

И академия, и командование столичной дивизии проявили наибольшую инициативу в сохранении памяти о майоре. Руководством академии была создана Мемориальная комиссия по увековечиванию памяти Кан Чэгу, а её главой был назначен комендант КВА генерал-лейтенант Чон Нэхёк. Усилиями комиссии был установлен

[1] 동아일보 1966.02.07 약혼녀의 흐느낌 속에... 장거... 이중사공수단장 엄수 3 편 [Тона ильбо, 07.02.1966. Под рыдания невесты... Траурная церемония... Глубокая скорбь по сержанту Ли из ВДВ, 3 стр.]. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1966-02-07&officeId=00020&pageNo=3 (дата обращения: 12.08.2026).

[2] 조선일보 1966.08.14 월남전선에 제2의 강재구/ 몸던져 1개 소대 살려7편 [Чосон ильбо, 14.08.1966. Второй Кан Чэгу во Вьетнаме: ценой жизни спас взвод, 7 стр.]. URL: https:// newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1966-08-14&officeId=00023&pageNo=7 (дата обращения: 12.08.2026).

[3] 조선일보 1966.09.06월남 땅에 진 제3의 강재구/ 김장웅 소위 부하 살리고 장렬한 희생7편 [Чосон ильбо, 06.09.1966, Третий Кан Чэгу во Вьетнаме: младший лейтенант Ким Чанун погиб, спасая товарищей, 7 стр.]. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1966-09-06&officeId=00020&pageNo=7 (дата обращения: 12.08.2026).

[4] [군가] 타오르는 횃불 (1966년) [[Военная песня] Пылающий факел (1966 г.)]. URL: https://vk.ru/away.php?to=https%3A%2F%2Fyoutu.be%2F6UHtFL2BO8I%3Fsi%3DeNFqPxLFomf2-hxW&utf=1 (дата обращения: 13.08.2026).

памятник Кан Чэгу, открытый на выпускной церемонии КВА в конце февраля 1966 г. Также именно комиссия учредила премию Чэгу, которая ежегодно вручается 4 октября наиболее отличившимся офицерам. От каждого армейского корпуса ежегодно выдвигается один кандидат, всего — 14 лауреатов. Эта премия считается высшей наградой для капитанов, командующих ротами, и даёт значительное преимущество при присвоении звания майора[1].

Комиссия также поручила написать и опубликовать биографию Кан Чэгу. Автором биографической книги, получившей название «Звездный свет наполняет горы и реки — короткая жизнь майора Кан Чэгу», стал корейский писатель Сонву Хви. В феврале 1966 г. биография была издана КВА и, в частности, комиссией. Как писал автор издания в предисловии, он трижды переписывал данную книгу. Сначала он хотел ее написать в виде некоего «священного писания», а потом в форме романа, но в итоге остановился на написании именно биографии, опираясь на дневники и мысли Кан Чэгу [김종욱, 2014, 362—363].

Что касается командования столичной дивизии, то оно также занялось созданием мест памяти. Так, на территории расположения 1-й механизированной пехотной бригады дивизии был создан парк, названный в честь Чэгу. Он является частью маршрута утренних пробежек для солдат и, кроме того, местом проведения поминальной службы в честь покойного майора[2]. Также на территории волости Пукбан уезда Хончхон пров. Канвон, на месте гибели майора, был создан «Парк Кан Чэгу». Парк был построен в 1973 г. на территории большого земельного участка, пожертвованном Ким Гёнхваном из лесозаготовительной компании Тэгён. В ноябре 1987 г. рядом с памятной стелой был построен мемориальный зал, где выставлены 125 личных вещей майора[3]. В отличие от ранее упомянутого парка на территории столичной дивизии, данное место могут свободно посещать гражданские лица. Возле мемориальной стелы расположено место захоронения майора и место его гибели.

После смерти Кан Чэгу пресса стала проявлять устойчивый интерес к его вдове Он Ёнсун и сыну Бёнхуну, которому на момент смерти его отца было всего 14 месяцев. Стали появляться новости, в которых рассказывалось о тяжёлом положении семьи покойного майора. Государство оказало семье материальную поддержку и предоставило различные привилегии. Сначала генерал Чхэ Мёнсин на момент трагедии заявил, что столичная дивизия возьмёт на себя ответственность и поддержит семью погибшего майора[4]. Затем президент Пак Чонхи пожертвовал стипендию Бёнхуну и

[1] 강재구[Кан Чэгу]. URL: https://namu.wiki/w/%EA%B0%95%EC%9E%AC%EA%B5%AC (дата обращения: 14.08.2026).

[2] 강재구[Кан Чэгу]. URL: https://namu.wiki/w/%EA%B0%95%EC%9E%AC%EA%B5%AC (дата обращения: 14. 08. 2026).

[3] 강재구공원 [Парк Кан Чэгу]. URL: https://vk.ru/away.php?to=https%3A%2F%2Fkorean.visitkorea.or.kr%2Fdetail%2Fms_detail.do%3Fcotid%3D41e126af-c4d8-49d3-8b2c-b75b9504e0c7&utf=1 (дата обращения: 14.08.2026).

[4] 동아일보 1965.10.06 전우애로 불사른 지휘의 넋을 위로/ 강대위 추도식/ 4등 공로훈장 추서3편 [Тона ильбо, 06.10.1966, Памяти командира, сгоревшего в пламени ради товарищей / Траурная церемония в честь капитана Кана / Посмертное награждение орденом «За заслуги» 4-го класса, 3 стр.]. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1965-10-06&officeId=00020&pageNo=3 (дата обращения: 26.07.2026).

дал ему разрешение на поступление в будущем в КВА[1]. Предполагалось, что сын героя вне конкурса будет зачислен в академию, «чтобы продолжить благородную и священную волю покойного майора Кан Чэгу»[2]. В 1966 г. был создан Мемориальный фонд Кан Чэгу в помощь семьи погибшего и продолжения программ стипендий для Бёнхуна.

Что касается Он Ёнсун, то она активно участвовала в крупных государственных мероприятиях. Так, например, была в числе «высокопоставленных корейских и американских генералов с их жёнами», которые провожали президента Пак Чонхи в аэропорту перед его поездкой по странам Юго-Восточной Азии. Кроме того, она вместе с сыном присутствовала на церемонии выпуска КВА и на открытии памятника Кан Чэгу в 1966 г., что было запечатлено в кадрах хроники[3]. Они также были в качестве приглашённых гостей в ноябре того же года на приёме президента США Джонсона в РК[4]. Стоит отметить, что Он Ёнсун также являлась символической фигурой в глазах общественности, но при этом не ограничивалась ролью приглашенной гостьи. Так, согласно статье «Кёнхян Синмун» от 17 февраля 1968 г., Он Ёнсун посетила Сеульский национальный университет и предложила руководству учредить стипендию Чэгу для оплаты каждый семестр обучения одного из студентов, рекомендованного вузом. Более того, она пожертвовала более половины своих денежных средств (около 1,5 млн из 2,6 млн вон), собранных в качестве средств финансовой поддержки различными организациями и лицами для неё и её сына. Как заявила сама Ёнсун, «это делается в память о покойном майоре Кан Чэгу, который учился в бедности. Это делается для того, чтобы передать его наследие следующему, молодому поколению в качестве ответа на зов о помощи со всех слоёв общества»[5].

Все вышеперечисленные факты свидетельствуют об активной и настойчивой пропаганде со стороны правительства. Говоря о факторах и причинах стремления увековечить память Кан Чэгу и пропаганды его образа, следует учитывать как исторический контекст, так и обстоятельства самого подвига. Как уже было сказано ранее, подвиг и гибель Чэгу произошли накануне новой фазы военного участия, когда было принято решение отправить во Вьетнам боевые подразделения. По мере всё

[1] 조선일보 1965.10.14 강소령 아들에 학자금 30만원8편 [Чосон ильбо, 14.10.1966, Сыну покойного майора выделено 300 тысяч вон на учёбу, 8 стр.]. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1965-10-14&officeId=00023&pageNo=8 (дата обращения: 26.07.026).

[2] 조선일보 1965.10.27 18년 뒤에 육사입학/ 고 강소령 아들 병훈 군에 박대통령이 특전 지시3편 [Чосон ильбо, 27.10.1966, По достижении 18 лет сын покойного майора будет зачислен в Военную академию. Соответствующее распоряжение отдал президент Пак, 3 стр.]. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1965-10-27&officeId=00023&pageNo=3 (дата обращения: 26.07.2026).

[3] 리버티뉴스 제657호 [Либерти ньюс, выпуск № 657] // URL: http://kfilm.khistory.org/?mod=26&MOVIE_SEQ=4579&KIND_CLSS=15 (дата обращения: 06.08.2026).

[4] 조선일보 1966.11.02 꽃과 아가씨에 싸여 '행복해 안뵈느냐'3 편 [Чосон ильбо, 02.11.1966. Среди цветов и девушек, «Как тут не быть счастливым?», 3 стр.]. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1966-11-02&officeId=00023&pageNo=3 (дата обращения: 28.07.2026).

[5] 경향신문 1968.02.17 서울대에 재구장학금/ 미망인이 가난한 학생 돕기로8 편 [Кёнхян синмун, 17.02.1968, В Сеульском национальном университете учреждена стипендия имени Кан Чэгу / Вдова героя окажет помощь бедным студентам, 8 стр.]. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?publishDate=1968-02-17&officeId=00032&pageNo=8 (дата обращения: 17.08.2026).

более активного участия в конфликте правительство разрабатывало различные стратегии социальной мобилизации населения для оправдания вмешательства в войну. Идея экономической выгоды от военного участия и необходимости развития национальной обороны и безопасности стала неотъемлемой частью государственной риторики. Тема самопожертвования Чэгу не являлась главной, но она стала спасательным кругом для милитаристской пропаганды и заметно повлияла на умы граждан. Согласно статье в журнале «Вольган Чосон», посвященной 60-й годовщине гибели майора Кан Чэгу, эта трагедия изменила общественное мнение относительно отправки войск во Вьетнам[1].

Помимо внешних факторов, таких как Вьетнамская война и соседство с коммунистической КНДР, следует учесть и внутренний фактор. Для этого обратимся к стенограмме заседания Национального собрания Республики Корея от 21 января 1966 г. В ней можно обнаружить длинную речь представителя ДРП Ким Чонпхиля. В одном из фрагментов его речи, в котором были упомянуты Кан Чэгу и Ли Чонёп, выстроился двойной нарратив. Сначала Ким Чонпхиль заявил о многочисленных причинах социальных волнений, акцентировав внимание, главным образом, на коррупции. Как заявил Кич Чонпхиль, «достижение идеального мира, свободного от коррупции, является отдалённой перспективой для человеческого общества, но я считаю, что решающее значение имеет социальный климат — как воспринимается коррупция. Я убеждён, что наша задача — создать общество, где коррупция не терпится и где её неизбежно разоблачают, когда она происходит». Но затем сразу он перешёл к восхвалению Кан Чэгу и Ли Чонёпа, заявив: «За прошедший год я стал свидетелем бесчисленных прекрасных проявлений человечности, и я глубоко впечатлён тем, как наше общество постепенно преобразуется в радостное и здоровое государство. В случае майора Кан Чэгу, который пожертвовал своим телом, чтобы спасти своих подчинённых, и в случае господина Ли Чонёпа, чья человечность проявила себя на том перекрёстке, ясно одно — эти два человека символизируют не только свой собственный гуманизм и дух самопожертвования, но и отчётливую, типичную тенденцию нашего общества» [Протокол 3-го заседания 54-й сессии..., 1968, 7].

Исходя из этого высказывания, можно сделать вывод, что власть использовала образы героев, чтобы сместить фокус общественного внимания с системных проблем, связанных с коррупцией и бедностью, на моральное воспитание и патриотизм. В условиях авторитарного характера власти правительство использовало культ героев, чтобы легитимизировать свой политический курс и перенаправить энергию граждан с критики режима на эмоциональный патриотизм. По сути, личный акт героизма Кан Чэгу превратили в социально значимый на коллективном уровне культ и феномен. Нельзя сказать, что правительство совсем не старалось решить социально-экономические проблемы, однако эксплуатирование образа Кан Чэгу в целях пропаганды в выгодном для себя ключе остаётся фактом.

[1] 강재구 소령 순직 60주기 “결단력이 없는 것이 나의 단점”이라던 청년 장교의 살신성인 [60-я годовщина гибели майора Кан Чэгу, погибшего при исполнении служебного долга. Героическое самопожертвование молодого офицера, сказавшего: «Моя нерешительность — моя слабость»]. URL: https://monthly.chosun.com/news/articleView.html?idxno=23423 (дата обращения: 21.07.2026).

Явным примером подобного является массовое освещение в СМИ подвига Чэгу и вдовы Он Ёнсун с сыном Бёнхуном. Пропагандируя образ Чэгу, власть стремилась привить чувство патриотизма будущим солдатам и призвать огромное число добровольцев на службу стране в целом и на участие во Вьетнамской войне в частности. В случае с освещением жизни родных Чэгу, правительство, последовательно демонстрируя свою заботу о них, начиная с организации похорон и заканчивая предоставлением разного рода привилегий, стремилось показать, что и остальным семьям погибших военнослужащих будет оказываться разного рода поддержка. По сути дела, попытка возвысить символический статус погибшего офицера и его семьи в первую очередь была направлена на то, чтобы подчеркнуть «значимость жертвы», а не вызвать чувства страха и скорби. Явным примером подобной практики стало создание биографического фильма 1966 г. «Майор Кан Чэгу»[1].

Сразу после несчастного случая на полигоне Управление по связям с общественностью поручило кинокомпании «Хапдон Фильм» снять кинофильм о Кан Чэгу. Представители управления заявили, что «данный фильм возвеличивает высокий дух товарищества и благородную жертвенность покойного майора Кан Чэгу как солдата и, как ожидается, поднимет боевой дух отправленных во Вьетнам солдат и укрепит патриотический дух всех граждан». Фильм получил поддержку со стороны государства, однако вместе с этим он подвергся и цензуре. Согласно исследователю Пак Сонёну, многие моменты в сценарии были изменены в угоду идеологической повестки. Так, например, он ссылается на доклад Корейского Центрального разведывательного управления (КЦРУ), в котором были расписаны идеи относительно изменений и правок в сценарии. В докладе рекомендовалось изменить сцены, которые могли отразиться на репутации КВА и на самом образе Чэгу. Насчёт последнего, в докладе присутствуют такие слова:

«Хотя его смерть должна быть показана более героичной, чтобы служить образцом для армии РК, сцены после гибели слишком душераздирающи, и потому предлагается переосмыслить повествование. Следует подчеркнуть воспитательные аспекты для широкой публики, такие как идея перспективного будущего и более благородное чувство миссии. Если судить исключительно по содержанию текущего сценария, то возникнет опасение, что у зрителей сложится впечатление, будто он поступил в военную академию из-за бедности, боролся за выживание и трагически погиб» [박선영, 2023, 338].

Министерство национальной обороны также приложило руку к правкам сценария. Согласно Пак Сонёну, правки министерства приобрели следующий характер. В сценарии были изменены мотивы поступления Чэгу в академию: по первоначальному сценарию он должен был поступить туда по причине бедности, как и многие кадеты, однако вскоре эти мотивы были убраны. Также в сценарий была добавлена фраза, ставшая идеологическим клише того времени: «Вьетнам — второй фронт». И отдельно стоит отметить изменённую концовку. Первоначально фильм заканчивался сценой, где вдова Он Ёнсун и сын Бёнхун оплакивают Чэгу на похоронах. Но вместо этого в конце фильма показывают сцены торжественного парада солдат сто-

[1] 소령 강재구 [Майор Кан Чэгу]. URL: https://www.kmdb.or.kr/db/kor/detail/movie/K/01315 (дата обращения: 18.08.2026).

личной дивизии и церемонии открытия памятника Чэгу, на котором присутствуют и Ёнсун с сыном [박선영, 2023, 339, 340—342, 347—349].

Напоследок стоит отметить последний фактор, который повлиял на пропаганду образа Кан Чэгу и увековечение его памяти, — это сам подвиг. Сам факт того, что Чэгу погиб при попытке спасти своих подчинённых, сомнению не подлежит. В контексте участия РК в конфликте на чужой территории история Кан Чэгу идеально подходила для преобразования в один из элементов национального нарратива. Хотя учения были нацелены на участие во Вьетнамской войне, местом инцидента и подвига была корейская территория. Хотя учение было направлено на переброску войск во Вьетнам, оно произошло за неделю до предполагаемой отправки войск. И именно образ Кан Чэгу стал примером для подражания и в то же время репрезентативным примером корейских солдат, участвующих во Вьетнамской войне. Как указывал в своей статье Пак Сонён, «в этом контексте смерть Кан Чэгу была либо преобразована в "героический нарратив", лишённый конкретного времени и места, либо присвоена как символ войны во Вьетнаме, вынося её ужасы за скобки и превращая её в "национальный нарратив"» [박선영, 2023, 315].

С одной стороны, увековечение памяти Кан Чэгу было процессом, активно осуществляемым и контролируемым военно-авторитарном режимом Пак Чонхи для легитимации собственной истории, расширения антикоммунистической националистической гегемонии и оправдания жертв, понесенных в войне. Кроме того, этот процесс в какой-то степени можно рассматривать и как попытку скрыть свои просчёты в системе в целом и в организации обучения в частности. Как отмечал в своих мемуарах генерал Чхэ Мёнсин, перед отправкой боевых частей во Вьетнам армия столкнулась с проблемой дезертирства, когда солдаты, не желавшие отправляться на войну, покидали воинские части или всякими способами уклонялись от службы [채명신, 2007, 105—106]. Также, рассказывая о причинах гибели, генерал отметил следующий факт. На территории полигона находился крутой склон долин, который делал любой неудачный бросок гранаты смертельно опасным. Будучи инструктором, Чэгу не раз просил перенести полигон, но подходящего места так и не нашли [채명신, 2007, 121].

С другой стороны, учитывая обстоятельства подвига и личных мотивов Чэгу, массовое освещение подобного эпизода было неизбежным, равно как и рост значимости самого Чэгу в патриотическом воспитании в армии. По мнению Сим Хосопа и Чон Джуна из КВА, «проявление его воинского духа не ограничивалось личными качествами. Оно оказало глубокое влияние на всё подразделение, дислоцированное во Вьетнаме <...>. Жертва Кан Чэгу ещё больше укрепила воинскую дисциплину, моральный дух и сплочённость, возведя их в ранг ценностей всего подразделения. Более того, его дух распространился по всем Вооружённым силам РК, став основой для укрепления лидерских качеств командиров на передовой и повышения боеспособности подразделений. Это влияние вышло за рамки организационного уровня, глубоко повлияв на каждого отдельного солдата и приведя к появлению подобных примеров не только в армии, но и в гражданском обществе» [심호섭,정준아, 2024, 75]. Доказательством тому являются воспоминания военных сослуживцев и вышестоящих офицеров, высоко оценивших подвиг Чэгу.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что образ Кан Чэгу определённо оставил свой след в коллективной памяти южнокорейского общества, и особенно в армии РК.

Его образ вызывает большой интерес, особенно на фоне произошедшей в период 1990-х — начале 2000-х годов ревизии взглядов корейского общества на Вьетнамскую войну и участии в ней корейских солдат, когда их роль в конфликте переосмыслялась, а солдаты из героев и крестоносцев свободы превратились в жертв войны и политических амбиций либо же в американских наёмников, воевавших за деньги и убивавших мирных граждан. Мнение по вопросу участия корейских войск в конфликте может отличаться в зависимости от политической ориентации. Однако очевидно, что подвиг Кан Чэгу остаётся светлым пятном в истории армии РК и его участия во Вьетнамской войне. Сам факт самопожертвования Чэгу неоспорим, равно как и то, что правительство, по сути, эксплуатировало его образ в качестве примера для подражания с целью оправдать участие корейских солдат в конфликте или поднять престиж армии. Очевидно, что обстоятельства его гибели и подвига сыграли на руку милитаристской пропаганде тех лет. Таким образом, последняя приравняла всех военных к образу героя Чэгу, вне зависимости от того, участвовали ли они в боевых действиях, совершали подвиги или преступления, честно служили стране или преследовали корыстные цели, проявляли ответственность перед подчинёнными или относились к ним халатно. Однако такой подход, когда под героический образ подгоняются все без разбора — включая тех, кто дискредитирует армию, — не может не вызывать критики.

Подобные взгляды, вероятно, присутствуют и в корейском обществе, однако с уверенностью можно утверждать, что они широко распространены в политических кругах. В подтверждение приведём два источника, в которых упоминается Кан Чэгу. Один из них — протокол заседания Комитета по законодательству и судебной системе Национального собрания Республики Корея от 21 июня 2024 г. В ходе заседания обсуждался законопроект о назначении специального прокурора для расследования случаев сокрытия обстоятельств гибели морского пехотинца Чхэ Сугына и воспрепятствования расследованию несчастного случая, произошедшего в ходе поисково-спасательной операции. Возникли подозрения, что должностные лица из Министерства национальной обороны оказывали давление на лиц, занимавшихся расследованием. Стало известно, что дело командира дивизии Им Сонгына, ранее обвинённого в злоупотреблении полномочиями и халатности, повлёкшей в смерть, а также дела ещё двух офицеров, отказались передавать в суд. Вместо них на скамью подсудимых отправились шесть других, младших по званию офицеров. Это привело к подозрению в коррупционных схемах и возникновению общественного резонанса[1]. Председатель комитета Чон Чхоллэ отметил случаи перекладывания ответственности друг на друга среди командного состава, указал на халатное отношение со стороны вышестоящих лиц и их нежелание брать на себя ответственность за жизни своих подчинённых. Он заявил: «Если они проводят такие операции в условиях войны, разве они не тянут своих подчинённых на верную смерть? <...> Почему нет ни одного военного с истинным воинским духом, каким был майор Кан Чэгу?» [Протокол 3-го заседания 415-й сессии..., 2024, 57].

[1] 해병대 제1사단 일병 사망 사고 [Инцидент с гибелью рядового 1-й дивизии морской пехоты]. URL: https://namu.wiki/w/%ED%95%B4%EB%B3%91%EB%8C%80%20%EC%A0%9C1%EC%82%AC%EB%8B%A8%20%EC%9D%BC%EB%B3%91%20%EC%82%AC%EB%A7%9D%20%EC%82%AC%EA%B3%A0 (дата обращения: 22.08.2026).

Второй источник — протокол заседания вышеуказанного комитета от 11 октября 2024 г. В нём также встречается уже упомянутый председатель комитета Чон Чхоллэ, который в ходе заседания заявил следующее: «Я имею в виду, что вы много говорили о чести солдат, носящих военную форму. Я это уважаю. Но я считаю, что военный в форме только тогда достоин подлинного уважения, когда он ведёт себя, как подобает военному. Например, майор Пак Чонхи, устроивший переворот, будучи в мундире, — разве он вызывает гордость как военнослужащий? Не заслуживают звания солдата и те военные-политики, что, облачившись в форму, устроили резню в Кванджу. В этом смысле я считаю, что истинными военными, заслуживающими уважения, являются такие люди, как адмирал Ли Сунсин из эпохи Чосон или майор Кан Чэгу, принявший на себя смерть, чтобы спасти товарищей. Вот кто такие настоящие солдаты, достойные почитания» [Протокол заседания комитета по законодательству..., 2024, 54].

Таким образом, образ Кан Чэгу следует рассматривать как в контексте идеологической пропаганды, так и в контексте взаимодействия с участниками тех событий. Увековечение его памяти и героизация подвига на фоне участия РК во Вьетнамской войне служат показательным примером того, как безупречный по мотивам и лидерским качествам поступок одного человека может быть использован властями в качестве инструмента как для патриотического воспитания, так и для политической мобилизации.

Библиографический список

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 286 с.

Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. // СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 680 с.

Поленова А. Л. Участие Республики Корея во Вьетнамской войне // Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 208—213.

Kim Hyung-A. Korea's Development under Park Chung Hee: Rapid Industrialization, 1961—79 / Hyung-A Kim. London and New York: Routledge Curzon, Taylor&Francis Group, 2004. 280 p.

김종욱. 베트남전쟁과 선우휘의 변모 [Ким Чонук. Вьетнамская война и трансформация Сонву Хви] // 우리말글학회. 2014. № 63. С. 353—378. DOI: 10.18628/urimal.63..201412.353 (На кор.)

박선영. 베트남전쟁과 영웅 만들기 — 강재구의 신화화 과정과 그 의미— [Пак Сонён. Вьетнамская война и создание героев — Мифологизация Кан Чэгу и его значение—] // 한국문학연구학회. 2023. № 80. С. 313—359. DOI: 10.35419/kmlit.2023..80.009 (На кор.)

심호섭·정준아. 故 강재구 소령의 군인정신 고찰 -군인정신의 개인 및 부대 차원의 가치를 중심으로- [Сим Хосоп, Чон Джуна. Исследование о воинственном духе майора Кан Чэгу — Акцент на ценностях воинского духа на уровне личности и на уровне подразделения-] // 육군사관학교, 정신전력연구. 2025. № 80. С. 35—81. DOI: 10.23054/jsmfe.2025..80.002 (На кор.)

최용호. 통계로 본 베트남전쟁과 한국군 [Чхве Ёнхо, Статистика по Вьетнамской войне и армии Республики Корея] // 국방부 군사편찬연구소. 2007. 232 с. (На кор.)

채명신. 채명신 회고록 베트남전쟁과 나 [Чхэ Мёнсин, Мемуары Чхэ Мёнсин: Вьетнамская война и я] // 팔복원. 2006. 541 с. (На кор.)

월남전선의 한국군 주월한국군 3년간의 발자취 [Корейские войска на вьетнамском фронте: трёхлетний путь корейских войск во Вьетнаме]. Сеул: 주월 한국군 사령부. 1968. 101 с. (На кор.)

제6대국회 제54회 제3차 회의록 [Протокол 3-го заседания 54-й сессии 6-го созыва Национального собрания Республики Корея от 21.01.1966] // *Национальное собрание Республики Корея.* Протоколы заседаний Национального собрания: 1966. 9 с. URL: https://record.assembly.go.kr/assembly/mnts/total/6.do (дата обращения: 26.08.2026). (На кор.)

제22대국회 제415회국회(임시회) 제3차 법제사법위원회회의록 [Протокол 3-го заседания Комитета по законодательству и судебной системе 415-й сессии (внеочередной сессии) 22-го созыва Национального собрания от 21.06.2024] // *Национальное собрание Республики Корея.* Протоколы заседаний Национального собрания: 2024. 185 с. URL: https://record.assembly.go.kr/assembly/mnts/total/22.do?class_id_sch=2&cmit_chk=all (дата обращения: 28.08.2026). (На кор.)

제22대국회2024년도 국정감사 법제사법위원회회의록 [Протокол заседания Комитета по законодательству и судебной системе в рамках государственного аудита за 2024 год 22-го созыва Национального собрания от 11.10.2024] // *Национальное собрание Республики Корея.* Протоколы заседаний Национального собрания: 2024. 143 с. URL: https://record.assembly.go.kr/assembly/mnts/total/22.do?class_id_sch=5&cmit_chk=all#pop_appendix (дата обращения: 28.08.2026). (На кор.)

References

Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson; trans. from English by V. G. Nikolaev. M.: Kanon-press-C, Kuchkovo pole, 2001. 286 p. (In Russian)

Kurbanov S. O. History of Korea: From Ancient Times to the Beginning of the 21st Century // St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2009. 680 p. (In Russian).

Polenova A.L. (2016) Participation of the Republic of Korea in the Vietnam War // *Rossiya i Vostochnaya Aziya cherez 70 let posle okonchaniya Vtoroj mirovoj vojny*. M.: IDV RAN. P. 208—213. (In Russian)

Kim Hyung-A. Korea's Development under Park Chung Hee: Rapid Industrialization, 1961—79 / Hyung-A Kim. London and New York: Routledge Curzon, Taylor&Francis Group, 2004. 280 p.

김종욱. 베트남전쟁과 선우휘의 변모 [Kim Jong-uck. A Study on the Transfiguration of Seon-U Hui through Vietnam War] // The Society of Korean Language and Literature, № 63, 2014. P. 353—378 DOI: 10.18628/urimal.63..201412.353 (In Korean)

박선영. 베트남전쟁과 영웅 만들기 — 강재구의 신화화 과정과 그 의미— [Park Sun-young. Vietnam War and Hero-making — Mythologization of Kang Jae-gu and Its Significance—] // The Society for the Study of Korean Literature 2023. № 80, P. 313—359. DOI: 10.35419/kmlit.2023..80.009 (In Korean)

심호섭·정준아. 故 강재구 소령의 군인정신 고찰 -군인정신의 개인 및 부대 차원의 가치를 중심으로- [Shim Ho-Sub, Jung Jun-Ah. A Study on the Military Spirit of Major Kang Jae-gu — Focus on the Values of Military Spirit at both Personal and Unit Levels—] // Korea Military Acade-

my, Research on Mental Combat Power, 2025. № 80 P. 35—81. DOI: 10.23054/jsmfe.2025.80.002 (In Korean)

최용호. 통계로 본 베트남전쟁과 한국군 [Choi Yong-ho, Statistics of the Vietnam War and ROK Armed Forces] // Institute for Military History, Ministry of National Defense, 2007. 232 p. (In Korean)

채명신. 채명신 회고록 베트남전쟁과 나 [Chae Myung-shin, Chae Myung-shin's memoirs: the Vietnam War and me] // Palbokwon, 2006. 541 p. (In Korean)

월남전선의 한국군 주월한국군 3년간의 발자취 [South Korean Forces in the Vietnam War The Three-Year Legacy of South Korean Troops in Vietnam]. Seul: Republic of Korea Forces in Vietnam. 1968. 101 p. (In Korean)

제6대국회 제54회 제3차 회의록 [Minutes of the 3rd Meeting of the 54th Session of the 6th National Assembly of the Republic of Korea, January 21, 1966] // *National Assembly of the Republic of Korea*. National Assembly Minutes: 1966. 9 p. URL: https://record.assembly.go.kr/assembly/mnts/total/6.do (accessed: 26.08.2026). (In Korean)

제22대국회 제415회국회(임시회) 제3차 법제사법위원회회의록 [Minutes of the 3rd Meeting of the Legislation and Judiciary Committee of the 415th (Extraordinary) Session of the 22nd National Assembly of the Republic of Korea, June 21, 2024] // *National Assembly of the Republic of Korea*. National Assembly Minutes: 2024. 185 p. URL: https://record.assembly.go.kr/assembly/mnts/total/22.do?class_id_sch=2&cmit_chk=all (accessed: 28.08.2026). (In Korean)

제22대국회2024년도 국정감사 법제사법위원회회의록 [Minutes of the Meeting of the Legislation and Judiciary Committee during the 2024 State Audit of the 22nd National Assembly of the Republic of Korea, October 11, 2024] // *National Assembly of the Republic of Korea*. National Assembly Minutes: 2024. 143 p. URL: https://record.assembly.go.kr/assembly/mnts/total/22.do?class_id_sch=5&cmit_chk=all#pop_appendix (accessed: 28.08.2026). (In Korean)

Поступила в редакцию: 09.09.2026 Received: 09.09.2026
Принята к публикации: 20.09.2026 Accepted: 20.09.2026

ПОЛИТИКА

DOI: 10.48647/ICCA.2026.31.99.006

К.В. Асмолов, А.С. Селюта

Будущее переноса столицы Республики Корея: кейс Сечжона

Аннотация. Вопрос переноса столицы страны не является редким или уникальным событием: подобные прецеденты уже имели место и в XXI в. Причины переноса столицы обусловлены совокупностью военно-стратегических, демографических и административно-политических факторов, включая необходимость обеспечения безопасности и снижения демографической нагрузки на центральные территории, а также стремлением к централизации государственной власти и повышению эффективности управления территорией.

В этом ряду южнокорейский Сечжон занимает особое место. Формальными целями проекта была разгрузка перенаселенного Сеула, сбалансированное развитие регионов и рассредоточение населения. На деле к этому добавилось желание отодвинуть структуры власти от северокорейской границы и перенести столицу в регион с более сильными позициями Демократической партии, представители которой выступают основными лоббистами проекта.

Однако проект с самого начала столкнулся с институциональным кризисом, а в итоге обернулся половинчатым решением. На данный момент Сечжон является городом специального подчинения и административным центром, но без президента, парламента и Верховного суда, которые остаются в Сеуле. В результате Южная Корея существует с двумя центрами власти — формальной столицей и фактическим административным анклавом: перенос функций из Сеула в Сечжон длится уже около 24 лет, сопровождается скандалами, коррупцией и все еще не завершен. Это порождает уникальный набор рисков, не известных другим странам, реализовавшим подобные проекты.

Исследовательская задача статьи состоит в:

попытке найти ответ на вопрос, почему при схожих стартовых условиях с другими странами реализация проекта в Южной Корее привела к институциональной неопределенности, а не к политическому и экономическому успеху;

попытке систематизации и анализа возможностей и рисков, сопровождающих проект переноса административных функций в Сечжон;

выявлении сценариев дальнейшего развития событий и вероятных целей проекта, включая коррупционную составляющую.

Ключевые слова: Перенос столицы, внутренняя политика Республики Корея, город Сечжон, институциональный кризис, конституция.

Авторы: Асмолов Константин Валерианович. Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Китая и Современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0003-1584-2748. SPIN-код: 9256-6834. E-mail: asmolov@iccaras.ru
Селюта Анастасия Сергеевна. Студентка 4-го курса Московского государственного лингвистического университета, направление «Зарубежное регионоведение» (адрес: 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1) ORCID:0009-0008-4389-5736.
E-mail: selyutaa@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Асмолов К.В., Селюта А.С. Будущее переноса столицы Республики Корея: кейс Сечжона// Корееведение. 2026. № 3 (16). С. 49—78.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.31.99.006.

K.V. Asmolov, A.S. Selyuta

The future of the transfer of the capital of the Republic of Korea: the case of Sejong

Abstract. The relocation of a country's capital is a common phenomenon in history, and similar precedents have occurred in the 21st century as well. Various factors can contribute to such decisions, including military threats, overpopulation, and the desire to centralize power or improve the management of a territory.
South Korea's Sejong City holds a unique position in this regard: its formal goals included relieving congestion in Seoul, promoting balanced regional development, and dispersing the population. In reality, there was also a desire to move government structures away from the North Korean border and to establish the capital in an area with stronger support for the Democratic Party, whose members were the key proponents of the project.
However, the project encountered an institutional crisis from the outset and eventually turned into a half-measure. Currently, Sejong is a special self-governing city and an administrative center, yet the presidential office, the National Assembly and the Supreme Court all remain in Seoul. Consequently, South Korea operates with two centers of power: the formal capital and a de facto administrative enclave. The transfer of functions from Seoul to Sejong has been under way for approximately 24 years, has been accompanied by scandals and corruption, and remains incomplete. This situation poses a unique set of challenges that other countries implementing similar projects do not face.
The aim of this study is to answer the question of why, given initial conditions similar to those of other nations, the implementation of this project in South Korea has resulted in institutional uncertainty rather than political and economic success; to systematically analyze the opportunities and risks associated with transferring administrative functions to Sejong; and to identify scenarios for future developments and possible goals of the project, including the potential for corruption.

Keywords: The transfer of the capital, the internal policy of the Republic of Korea, the city of Sejong, the institutional crisis, Constitution.

Authors: Konstantin V. Asmolov. Ph.D (history), Leading Research Fellow of the Center of Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. (Address: 117997, Moscow, Nakhimovskii pr., 32).
ORCID: 0000-0003-1584-2748. SPIN-код: 9256-6834. E-mail: asmolov@iccaras.ru
Anastasia S. Selyuta. «Fourth-year student, Foreign Regional Studies, Moscow State Linguistic University». (Address: 119034, Moscow, 38 Ostozhenka St., 1).
ORCID: 0009-0008-4389-5736. E-mail: selyutaa@yandex.ru

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Asmolov K.V., Selyuta A.S. Budushhee perenosa stolicy Respubliki Koreja: kejs Sechzhona [The future of the transfer of the capital of the Republic of Korea: the case of Sejong] // Koreevedenie [Koreanology], 2026, 3 (16): 49—78.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.31.99.006.

Вступление

3 сентября 2026 г. премьер-министр Южной Кореи Хан Сон Сук заявила, что с 2027 г. правительство переведет в «специальный самоуправляемый город Сечжон» оставшиеся в столичном регионе центральные административные учреждения[1]. Сечжон был назван «символом и центральной осью сбалансированного национального развития»: к августу 2029 г. правительство намерено завершить там строительство второго президентского офиса, а к 2030 г. должно быть построено здание Национальной ассамблеи.

Такие решительные заявления правительства Ли Чжэ Мёна подстегивают исследовательский интерес к проекту переноса столицы Южной Кореи, длящегося уже 22 года и превратившегося в затянувшийся институциональный кризис.

Необычность корейского прецедента заключается в том, что, в отличие от большинства стран, реализовавших проекты переноса столиц в XX—XXI вв. (Турция, Бразилия, Казахстан, Мьянма, Индонезия), южнокорейский проект с самого начала столкнулся с институциональным кризисом и в итоге обернулся половинчатым решением. На данный момент Сечжон является административной столицей РК, однако штаб-квартиры президента, парламента, ряда министерств, а также Верховного суда остаются в Сеуле. Это создаёт уникальный двойной центр власти, ведь традиционная столица и реальный административный анклав сосуществуют в рамках одной конституционной системы, не предусматривающей такого разделения. Подобный прецедент очень редок среди стран, реализующих подобный проект.

Значимость данного исследования определяется несколькими факторами.

В российском кореееведении комплексные исследования кейса Сечжона практически отсутствуют. К данной теме в качестве обзора обращался Вадим Росман, чья статья о планировании переноса столицы опирается на работу Кеннета Кори[2]. Однако эта работа носила скорее обзорный характер и не затрагивала системный анализ рисков и перспектив проекта. Настоящее исследование восполняет этот пробел. Более того, изучение корейского кейса может быть полезно для других стран, которые планируют или реализуют проекты переноса столиц, в первую очередь Индонезии. Анализ ошибок и рисков, сопровождающих проект Сечжона, позволит выработать практические рекомендации для избежания похожих проблем, в частности связанных с конституционной неопределённостью, политической поляризацией партий и коррупционными рисками. Также имеет место политическая и экономическая значи-

[1] Gov't to relocate central gov't agencies remaining in Seoul to Sejong from 2027// Yonhap News. 03.09.2026. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20260903004100315 (дата обращения: 05.09.2026).

[2] Россман Вадим. Переносы столиц на повестке дня современных государств // Философско-литературный журнал «Логос». 2013. № 4 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perenosy-stolits-na-povestke-dnya-sovremennyh-gosudarstv (дата обращения: 05.09.2026).

мость. Проект переноса столицы в Южной Корее — это не просто градостроительный проект; более того, он затрагивает важнейшие аспекты государственного управления, такие как конституционное устройство, баланс власти между центром и регионами, бюджетную политику, межпартийные отношения и даже национальную безопасность. Понимание факторов, влияющих на его успех или потенциальную неудачу, даёт ключ к пониманию более широких процессов в корейском обществе и политической системе страны. В заключение, проект переноса столицы в Южной Корее интересен не только сам по себе, но и как оценка состояния корейской политической системы в целом. Если проект будет удачно завершён, это будет означать, что корейское государство способно реализовывать масштабные инфраструктурные проекты вопреки политическим противоречиям. Если же проект будет заморожен или отменён, это станет сигналом о глубоком институциональном кризисе, который может иметь последствия для всей политической системы страны.

Таким образом, заявление правительства от 3 сентября 2026 г. является не просто очередным этапом переноса столицы, а поворотным моментом, который может либо завершить многолетний институциональный кризис раскола законодательной и исполнительной власти, либо привести к его углублению. Это делает тему крайне актуальной как для академического сообщества, так и для государственного управления.

Цель настоящей статьи состоит в систематизации и анализе рисков, сопровождающих проект переноса административных функций в Сечжон. Для достижения этой цели в работе ставятся следующие задачи:

• реконструировать хронологию проекта переноса столичных функций в Южной Корее;

• для выявления типологических особенностей и уникальности случая Сечжона провести сравнительный анализ мирового опыта переноса столиц;

• систематизировать мотивы и общественное восприятие переноса на основе данных опросов, выделив региональные, партийные и возрастные линии раскола;

• выявить и классифицировать ключевые группы рисков: конституционные, административные, экономические, социальные, политические — и риски национальной безопасности;

• разработать сценарии дальнейшего развития проекта с оценкой их вероятности и последствий.

Главный исследовательский вопрос работы: почему при схожих стартовых условиях с другими странами реализация проекта в Южной Корее привела к институциональной неопределенности, а не к политическому и экономическому успеху.

В работе используется несколько методов исследования, позволяющих всесторонне рассмотреть кейс Сечжона.

Прежде всего, это проблемно-хронологический метод, который помогает проследить историю проекта в его временно́м развитии от первых обсуждений переноса столицы из Сеула в другой город в 1950-х годах до сегодняшнего дня. Благодаря этому методу можно выделить ключевые моменты, когда проект активизировался или замораживался, и понять, как это связано со сменой правительств. Мы считаем, что именно такой подход позволяет увидеть, что инициатива переноса столицы в большей степени исходила от демократических сил и имеет несколько выраженный партийный характер.

Кроме того, используется сравнительно-исторический метод. В статье мы сопоставляем корейский случай с подобными в других странах, где тоже переносили столицы, — Турции, Бразилии, Казахстане, Мьянме и Индонезии. Такое сравнение помогает понять, что обычно нужно для успеха такого непростого начинания и почему корейский проект оказался в тупике, превратившись в замороженный перенос, не имеющий аналогов в мире.

Также мы применяем элементы SWOT-анализа: анализируем сильные и слабые стороны проекта, а также возможности и угрозы. Этот метод был разработан в 1960-х годах группой исследователей во главе с Эдмундом Лирнедом, и в нашем случае он помогает систематизировать все факторы, влияющие на успех или неудачу неуспех проекта, от конституционных проблем до коррупционных рисков.

Что касается источников, то мы использовали широкий круг материалов. Это законодательные акты Южной Кореи, включая Закон 2004 г. о новой административной столице и Закон 2005 г. о строительстве административного комплекса, а также решения Конституционного суда 2004 и 2005 гг., которые во многом определили судьбу проекта. Важным источником стали данные опросов общественного мнения, проведённых Gallup Korea, KBS, SBS и другими организациями, — они показывают, как менялось отношение граждан к переносу столицы. Мы также изучили официальные заявления президентов и правительства, научные работы корейских и зарубежных исследователей, в том числе статьи, публикации в корейских СМИ и материалы международных организаций.

Такое сочетание различных методов и широкой источниковой базы позволяет нам дать обоснованные ответы на вопросы, поставленные в начале исследования.

История вопроса

Первые дискуссии о переносе административной столицы велись еще в 1950-х годах. Затем в 1966 г. региональная газета пров. Чхунчхондо «Чундо ильбо» опубликовала редакционную статью под названием «Тесный Сеул» о переносе столицы в г. Тэджон на территории пров. Чхунчхон[1]. В 1971 г. кандидат в президенты от Новой демократической партии Ким Дэ Чжун обещал сделать Тэджон столицей Южной Кореи. Основными причинами такого решения он выделил назревшие вопросы обеспечения безопасности, сбалансированного развития страны и рассредоточения населения[2], так как на том этапе развития население Сеула все также страдало от нехватки жилья, транспортных проблем и отсутствия различной инфраструктуры[3].

[1][창간 69주년] 충청권행정수도씨앗심은중도일보...54년전천도제안 [[К 69-летию основания] Газета «Чундо ильбо», посадившая семя административной столицы в регионе Чунчхон... Предложение о переносе столицы 54 года назад] // Чундо ильбо. 17.08.2020. URL: http://m.joongdo.co.kr/view.php?key=20200817010004727 (дата обращения: 24.08.2026).

[2]경향신문 [Кёнхянсинмун] // Naver News Library. 03.04.1971. URL: https://newslibrary.naver.com/viewer/index.naver?articleId=1971040300329201008&editNo=2&printCount=1&publishDate=1971-04-03&officeId=00032&pageNo=1&printNo=7846&publishType=00020 (дата обращения: 24.08.2026).

[3] 박정희의수도이전계획백두공작 [Проект Пак Чжонхи по переносу столицы] // FMKorea [интернет-форум]. 24.01.2022. URL: https://www.fmkorea.com/4279167860 (дата обращения: 24.08.2026).

В 1977 г. президент Пак Чон Хи обнародовал План строительства временной административной столицы, а в мае 1979 г. в качестве места для нее был выбран уезд Чанги-мён, пров. Чхунчхон-Намдо (ныне особый автономный город Сечжон), однако в связи с убийством президента план так и не был реализован [Ким, 2010].

Правительство Чон Ду Хвана в 1985 г. утвердило План размещения внешних управлений центральных административных органов[1], также желая, таким образом, перенести часть администрации в Тэджон. Президент Но Тхэ У тоже заявлял о намерении развивать его как вторую столицу[2]: в 1993 г. в Тэджоне началось строительство Третьего правительственного комплекса, стоимость которого составила 416,1 млрд вон согласно данным Управления правительственными зданиями [Government Buildings Management Office]. Комплекс был открыт в 1998 г., после чего в Тэджон переехало 11 центральных административных органов уровня управлений и подведомственных им учреждений. Однако ключевые ведомства, связанные с государственной властью, остались в Сеуле [Government Buildings Management Office].

Первое упоминание о желании перенести столицу именно в Сечжон прозвучало 30 сентября 2002 г. от кандидата «Демократической партии нового тысячелетия» Но Му Хёна: «Для фундаментального решения проблем сдерживания чрезмерной концентрации в столичном регионе, достигшей своего предела, и проблем отсталой региональной экономики, я построю новую столицу в регионе Чхунчхон и перенесу туда Чхонвадэ и центральные министерства»[3].

29 декабря 2003 г. на сессии Национального собрания РК был принят Закон об особых мерах по строительству новой административной столицы[4].

8 июня 2004 г. было принято решение также перенести в Сечжон Верховный суд, Конституционный суд, Национальное управление судебной администрации и другие учреждения судебной власти, выступившие с решительным протестом, утверждая, что это вопрос общенационального характера, и требуя референдума[5].

---

[1] 법률 제18474호 국회법 일부개정법률 [Закон № 18474 о частичном изменении Закона о Национальном собрании] // 관보 (Кванбо — официальный вестник Правительства Республики Корея). URL: https://gwanbo.go.kr/ezpdf/customLayout.jsp?contentId=I0000000000000001634021939640000&tocId=I0000000000000001633675904093000&isTocOrder=N&name=%25EB%25B2%2595%25EB%25A5%25A0%25EC%25A0%259C18474%25ED%2598%25B8(%25EA%25B5%25AD%25ED%259A%258C%25EB%25B2%2595%25EC%259D%25BC%25EB%25B6%2580%25EA%25B0%259C%25EC%25A0%2595%25EB%25B2%2595%25EB%25A5%25A0) (дата обращения: 02.10.2026).

[2] 문대통령, "세종시, 명실상부한행정수도로...공공기관지방이전가속화" [Президент Мун Чжэ Ин: «Город Сечжон станет полноценной административной столицей... Ускорим перенос госучреждений в регионы»] // KBSNews. 01.02.2018. URL: https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=3685317 (дата обращения: 24.08.2026).

[3] 신행정수도의건설을위한특별조치법안 [Законопроект «О специальных мерах по строительству новой административной столицы»] (предложен Правительством РК 08.10.2003, № 162817) // Информационная система Национального собрания РК (의안정보시스템). URL: http://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=026507 (дата обращения: 24.08.2026).

[4] [신행정수도특별법안국회본회의통과] Закон об особых мерах по строительству новой административной столицы прошёл пленарное заседание Национального собрания // LawTimes (법률신문). 29.12.2003. URL: https://www.lawtimes.co.kr/news/articleView.html?idxno=14531 (дата обращения: 01.08.2026).

[5] URL: https://www.lawtimes.co.kr/news/13615

21 октября 2004 г. Конституционный суд постановил, что статус Сеула как столицы можно изменить только путем официального внесения поправок в текст Конституции либо через референдум [Go Mun-hyeonetal. 2017].

10 мая 2017 г. президент Мун Чжэ Ин предложил внести поправки в Конституцию, чтобы вопрос о переносе столицы определялся законом. Но эта поправка не была принята к голосованию из-за противодействия консервативной оппозиции.

Летом 2020 г. этот вопрос стал моментом начала серьезных дискуссий внутри руководства правящей партии «Демократическая партия Тобуро»: кандидат в президенты от этой партии и депутат Национального собрания Ли Нак Ён, участвовавший в Политическом семинаре по строительству здания Национального собрания в Сечжоне, заявил: «Перенос здания Национального собрания в Сечжон должен быть начат как можно скорее»[1]. В ответ премьер-министр Чон Се Гюн заявил, что для начала требуется решить вопрос правомерности переноса столицы в соответствии с нормами и рассмотреть противоречия, связанные с этим[2]. И если такие лидеры, как Ли Нак Ён или Ли Чжэ Мён, высказались за перенос столицы, то Ким Бу Гём[3] предложил «общенациональный референдум» и «конституционную поправку».

Внутри оппозиционной партии «Сила народа» тоже произошел раскол: депутат Чон Чжин Сок и экс-мэр Сеула О Се Хун[4] поддержали перенос, тогда как Хон Чжун Пхё назвал проект «предвыборной стратегией», заявив, что в контексте будущего объединения Сеул должен оставаться политическим центром[5].

28 сентября 2021 г. в Национальном собрании РК был принят законопроект о размещении в особом автономном городе Сечжон филиала Национального собрания и постройки соответствующего здания[6]. Мэр Сечжона Ли Чхун Хи заявил: «Уста-

[1] 김태년 "행정수도세종시완성...청와대·국회·부처모두이전해야" [Ким Тхэ Нён: «Завершение создания административной столицы в Сечжоне... Госадминистрация президента, Национальное собрание и все министерства должны быть перенесены»] // 서울신문 (NaverNews). 20.07.2020. URL: https://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=001&oid=081&aid=0003107307 (дата обращения: 24.08.2026).

[2]민주당, '행정수도완성TФ' 가동...위원장에 4선우원식 [Демократическая партия запустила рабочую группу (TF) по «Завершению создания административной столицы»... Председателем назначен депутат У Вон Сик] // 연합뉴스 (Naver News). 22.07.2020. URL: https://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=100&oid=001&aid=0011762833 (дата обращения: 24.08.2026).

[3]여야, '행정수도이전' 놓고대립...야당 "부동산실정커버용" [Правящая и оппозиционная партии столкнулись из-за «переноса столицы»... Оппозиция: «Это попытка прикрыть провалы в политике недвижимости»] // 한국경제 (Naver News). 28.07.2020. URL: https://n.news.naver.com/article/015/0004388300 (дата обращения: 24.08.2026).

[4]"국회·청와대세종시이전"...여권, 행정수도카드다시꺼냈다 [«Национальное собрание и Госадминистрация президента — в Сечжон»... Правящие силы снова разыгрывают карту административной столицы] // 매일경제 (NaverNews). 22.07.2020. URL: https://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&sid1=100&oid=009&aid=0004619964 (дата обращения: 24.08.2026).

[5]우원식 "행정수도완성, 여야합의나개헌·국민투표로추진" [У Вон Сик: «Завершение создания административной столицы будет продвигаться через межпартийное соглашение, поправки к Конституции или референдум»] // 서울신문. 22.07.2020. URL: https://www.seoul.co.kr/news/newsView.php?id=20200722500230 (дата обращения: 24.08.2026).

[6] 신행정수도의건설을위한특별조치법전부개정법률안 [Законоппроект о полном изменении Специального закона «О строительстве новой административной столицы»] (предложен депутатом 강준현 / Кан Джун Хёнидр. № 2112450) // Информационная система Национального собрания РК

новка здания Национального собрания в Сечжоне — это историческое событие и веление времени для сбалансированного развития Республики Корея, которое оставит след в нашей конституционной истории»[1].

2 декабря 2020 г. на проектные работы по возведению здания Национального собрания в Сечжоне в государственном бюджете на 2021 г. было выделено 12,7 млрд вон[2].

22 декабря 2021 г. демократы внесли законопроект о частичных поправках к Закону об особых мерах по строительству административного комплексного города, который предусматривает установку в Сечжоне так называемого второго рабочего кабинета президента Республики Корея[3].

В 2025—2026 гг. работа возобновилась: президент Ли Чжэ Мён придал проекту переноса административных функций новое политическое значение, вписав его в стратегию регионального развития. На своем первом заседании кабинета министров он заявил, что сбалансированное национальное развитие является «не вопросом выбора, а насущной задачей» для будущего Кореи[4]. В рамках этой стратегии Сечжон был определен как основной элемент новой модели роста, и президент Ли неоднократно выступал за перенос административной столицы в этот город[5].

Ключевыми элементами плана президента Ли стали:

строительство президентской резиденции: объявлен конкурс проектов на строительство президентской резиденции в Сечжоне с завершением в течение текущего срока полномочий (целевой ориентир 2029 г.);

строительство здания Национального собрания: утвержден участок площадью 631 тыс. кв. м и начаты проектные работы с бюджетом 14,7 млрд вон;

(의안정보시스템). 27.08.2020. URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_H2Z1R0N8Q2B7O1C1Z2L4A5X0C2N4S2 (дата обращения: 24.08.2026).

[1] [행정수도세종 10년] 박원순·이재명도 "청와대·국회이전" 힘실어 [10 лет административной столице Сечжон] Пак Вон Сун и Ли Чжэ Мён также поддержали инициативу «переноса Госадминистрации президента и Парламента»] // 매일경제. 15.10.2021. URL: https://www.mk.co.kr/news/special-edition/view/2021/10/1015039/ (дата обращения: 24.08.2026).

[2] 신행정수도후속대책을위한연기·공주지역행정중심복합도시건설을위한특별법일부개정법률안 [Законопроект о внесении изменений в Специальный закон «О строительстве Инновационного административного города в районе Ёнги-Конджу»] (предложен депутатом강준현 / КанДжунХёнидр. № 2103561) // Информационная система Национального собрания РК (의안정보시스템). 03.09.2020. URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_P2Z0B0V9G0C3E0C9Y1D7J0L7L7N7I9 (дата обращения: 24.08.2026).

[3] 신행정수도후속대책을위한연기·공주지역행정중심복합도시건설을위한특별법일부개정법률안 (대안) [Законопроект о внесении изменений в Специальный закон «О строительстве Инновационного административного города» (Альтернативный проект Председателя Комитета по государственному управлению). № 2114144] // Информационная система Национального собрания РК (의안정보시스템). 22.12.2021. URL: https://likms. assembly.go.kr/bill/bill Detail.do? billId=PRC_D2E1Q1J2W2C2R1J8Z2S7Z1P3N3G2N6 (дата обращения: 24.08.2026).

[4] Правительство Южной Кореи одобрило план переноса правительственных учреждений в Сечжон // KBS WORLD Russian. 22.10.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=86748 (дата обращения: 24.08.2026).

[5] 세종시행정수도완성추진...공공기관추가이전속도 [Продвижение завершения создания административной столицы в г. Сечжон... Ускоряется дополнительный перенос государственных учреждений] // News1. 15.08.2025. URL: https://www.news1.kr/realestate/general/5878716 (дата обращения: 24.08.2026).

развитие транспортной инфраструктуры: заявлена цель создания сети, которая обеспечит доступность до Сеула в течение одного часа, двух часов до крупных городов за счет строительства скоростной железной дороги CTX, линий BRT и расширения аэропорта Чхонджу;

создание институциональной основы: запланировано принятие Национальным собранием специального закона о строительстве административной столицы, который должен преодолеть существующую с 2004 г. конституционную неопределенность [이재명정부 123대국정과제].

На сегодняшний день в Сечжоне функционирует 45 центральных ведомств, включая Канцелярию премьер-министра и ключевые министерства (23 центральных министерства и ведомства министерского уровня, а также 22 подведомственные структуры и государственные комиссии), что составляет около 70% от всего числа министерств[1]. Однако в Сеуле остаются министерства иностранных дел, обороны, юстиции и объединения.

Обоснование переноса

Основные причины, которые демократы выдвигают как обоснование переноса столицы в Сечжон, были сформулированы ещё Но Му Хёном в 2002 г. Будучи в то время кандидатом в президенты, он заявил, что целью проекта является «фундаментальное решение проблем сдерживания чрезмерной концентрации в столичном регионе, достигшей своего предела, и проблем отсталой региональной экономики». Эти же аргументы звучат и сегодня.

Прежде всего, демократы указывают на чрезмерную концентрацию в Сеуле населения и ресурсов. Столичный регион занимает лишь небольшую часть территории страны, но объединяет основную часть населения, экономической активности и государственных функций. Это создаёт серьёзный дисбаланс в развитии страны, когда одни регионы процветают, а другие не демонстрируют значительной динамики и теряют население. По мнению демократов, государство должно сознательно перераспределять ресурсы в пользу отстающих регионов, и перенос административных функций является одним из ключевых инструментов такой политики.

Второй причиной называется необходимость сбалансированного национального развития. Как заявлял президент Ли Чжэ Мён на первом заседании кабинета министров, это является «не вопросом выбора, а насущной задачей» для будущего Кореи. В рамках этой стратегии Сечжон был определён как основной элемент новой модели роста. Премьер-министр Хан Сон Сук также назвала Сечжон «символом и центральной осью сбалансированного национального развития». По её словам, завершение переноса государственных учреждений в этот город позволит «снизить концентрацию государственных функций в Сеуле и содействовать сбалансированному развитию регионов».

[1] South Korea Accelerates Plan for Sejong Administrative Capital Completion [Южная Корея ускоряет план завершения создания административной столицы в Сечжоне] // Asia (The Asia Business Daily). 15.04.2026. URL: https://www.asiae.co.kr/en/article/economic-general/2026041509395840681 (дата обращения: 24.08.2026).

Третья причина связана с рассредоточением населения. Сеул давно страдает от перенаселённости, что ведёт к нехватке жилья, транспортным проблемам, высоким ценам на недвижимость и отсутствию необходимой инфраструктуры. Перенос части государственных структур и связанных с ними организаций в новый административный центр должен стимулировать перемещение населения в регионы, снижая нагрузку на столицу.

Еще одним фактором, обусловившим перенос части административных функций в Сечжон, является стремление снизить военную уязвимость столичного региона. Сеул расположен в непосредственной близости от демаркационной линии, что потенциально повышает риски его поражения в случае вооруженного конфликта с КНДР. В отличие от него, Сечжон находится в центральной части страны и удален от границы с Северной Кореей. Вместе с тем данный аргумент не является однозначным. Хотя дальность действия северокорейской артиллерии в отношении Сечжона существенно ниже, современные ракетные системы способны поражать цели на значительно большем расстоянии. Кроме того, Сеул располагает эшелонированной системой противовоздушной и противоракетной обороны, тогда как сопоставимая степень защищенности Сечжона требует отдельной оценки. Таким образом, с точки зрения стратегической безопасности географическое положение Сечжона предоставляет определенные преимущества по сравнению с Сеулом, однако они не являются абсолютными и не позволяют однозначно рассматривать перенос административных функций как полное устранение военных рисков.

За этими официальными причинами, как будет показано ниже, стоят также скрытые политические и коррупционные интересы.

Сравнение случая Сечжона и иных проектов переноса столицы

Перенос столицы страны не является редким или уникальным событием: подобные прецеденты уже имели место и в XXI в.

Например, перенос столицы Турции из Стамбула в Анкару стал одним из первых таких случаев. Официально заявлялись идеи безопасности и удобства управления, но между строк читался разрыв с османским прошлым и закрепление новой политической власти. В течение шести лет после переноса министерства еще оставались в Стамбуле, но затем процесс был завершён полностью.

Одним из наиболее известных подобных примеров является перенос столицы Бразилии из Рио-де-Жанейро в Бразилиа в 1960 г. Официально решение было обосновано необходимостью освоения внутренних территорий страны и сокращения диспропорций в региональном развитии. Вместе с тем перенос столицы имел и более широкое политико-символическое значение. Создание нового административного центра рассматривалось как инструмент формирования образа модернизирующегося государства и дистанцирования от историко-колониального наследия Рио-де-Жанейро. Кроме того, расположение Бразилиа в центральной части страны должно было способствовать повышению эффективности государственного управления обширной территорией [Перенос столицы: исторический опыт геополитического проектирования, 2013, 164 с.].

Перенос столицы не привел к полному устранению региональных диспропорций, однако способствовал частичному смещению экономической и инфраструктурной активности от перенаселенного атлантического побережья во внутренние районы страны. Одновременно Бразилиа стала важным символом модернизационного проекта Бразилии, а перенос политико-административного центра позволил изменить пространственную структуру государственного управления и обеспечить его бóльшую территориальную независимость.

Еще более показателен пример Казахстана. В 1997 г. его столица была перенесена из Алматы в Акмолу (ныне Астана). Официальные причины звучали так: более выгодное географическое положение, развитие северных регионов, укрепление управления, — хотя между строк читалось иное: создание нового символического центра независимого государства, ослабление влияния старой элиты, сконцентрированной в Алматы, и усиление контроля над северными территориями [Son, 2009]. Результаты оказались впечатляющими. За два десятилетия население Астаны выросло в четыре раза — с 290 тыс. до 1,2 млн человек[1]. Валовой региональный продукт увеличился в 224 раза, инвестиции — в 50 раз. При этом Алматы сохранил статус экономического и культурного центра[2].

Другой пример: перенос столицы Мьянмы из Янгона в Нейпьидо, который был продиктован прежде всего военными соображениями и стремлением к более жёсткому контролю над страной. Новый центр часто критикуется за изоляцию и искусственность, но административные функции были перенесены полностью[3].

Индонезия представила самый масштабный современный проект переноса столицы. Джакарта уходит под воду, на Яве сосредоточено 56% населения и 60% ВВП страны. Новая столица Нусантара строится на Калимантане с бюджетом более 35 млрд долл. [Петрова, 2023, с. 4—5]. Однако серьёзные проблемы уже сопровождают проект: сокращение финансирования после смены президента (с 2,6 млрд до 400 млн долл.), переселение не менее 20 тыс. коренных жителей и экологические последствия (вырубка 2 тыс. га леса). Коррупционная составляющая проекта также вызывает серьёзные опасения [Ariawan, Rani, Asropi, 2025, с. 148]. Эти риски многократно усиливаются в условиях смены президентской власти: новое руководство может пересматривать контракты, перераспределять бюджетные потоки и лоббировать интересы приближённых структур, что уже привело к сокращению финансирования с 2,6 млрд до 400 млн долл. [Петрова, 2023, с. 8].

Южнокорейский Сечжон в этом контексте играет роль затяжного переноса. Проект начался, но не завершился, создав асимметричную модель управления. В отличие от Астаны, где новый центр получил все ключевые институты, Сечжон является городом специального подчинения и административным центром, но без президента, парламента и Верховного суда, которые остаются в Сеуле. В результате в Южной

[1] Население Астаны: этнический состав и динамика численности // Комитет по статистике МНЭ РК. URL: https://stat.gov.kz/ (по данным на июль 2017 г.: 275 тыс. в 1997 г. и 1 007 тыс. в 2017 г.). (дата обращения: 01.08.2026).

[2] Перенос столицы в Астану — одна из важнейших вех в истории суверенного Казахстана // МИА «Казинформ». 10.12.2018. URL: https://www.kazinform.kz/ (или точный UR (дата обращения: 01.08.2026).

[3] Новая столица Южной Кореи: как страна строит город будущего Сечжон // BBC News Русская служба. 2019. URL: https://www.bbc.com/russian/features-49464607 (дата обращения: 24.08.2026).

Корее сформировалось территориальное разделение столичных функций: Сеул сохранил политическую власть, Сечжон — административно-управленческие функции. Это породило уникальный набор рисков, не известных другим странам, реализовавшим подобные проекты.

Перенос столицы и общественное мнение

Сложность ситуации с проектом переноса столицы наглядно отражается и в зеркале общественного мнения. Социологические опросы фиксируют устойчивую, но неоднородную динамику отношения граждан к этому проекту.

Показательно, что даже после десятилетия функционирования Сечжона 55% граждан оценивают решение о переносе как правильное. Это означает, что общество адаптировалось к двойной системе, несмотря на её издержки[1]. Однако анализ причин поддержки, а также региональных/возрастных/профессиональных пристрастий дает более интересную картину.

Причины поддержки переноса. Согласно опросу Gallup Korea, проведённому в июле 2020 г., 40% респондентов, поддержавших перенос, назвали в качестве главной причины «слишком большую концентрацию в Сеуле и необходимость сдерживать перенаселение». 17% из них указали на «сбалансированное развитие регионов», а 16% — на «рассредоточение населения».[2]

Опрос SBS, проведённый в то же время, даёт примерно схожие результаты: 41% сторонников переноса связали его с «решением проблемы перенаселённости столичного региона и стабилизацией цен на недвижимость» [SBS, 2020]. Таким образом, экономическая и социальная нагрузка на Сеул воспринималась обществом как главный драйвер перемен. Но 7,6% респондентов в том же опросе назвали причиной «преодоление снижения административной эффективности», что указывает на ожидания улучшения управленческих процессов после децентрализации[3].

С другой стороны, результаты опроса Gallup Korea 2020 г. свидетельствуют о наличии среди противников переноса столицы символических и принципиальных аргументов. Так, 32% респондентов, выступавших против переноса, указали в качестве основной причины символическое значение Сеула как «вечной столицы», тогда как 21% заявили об отсутствии необходимости в переносе столицы в целом[4].

---

[1] [충북 여론조사] 개헌·행정수도·공공기관 이전 입장은? [Опрос общественного мнения в Чхунбуке] Какова позиция по конституционной реформе, административной столице и переезду государственных учреждений?] // KBS 뉴스. 27.05.2025. URL: https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=8265121 (дата обращения: 02.10.2026).

[2] 데일리 오피니언 제412호(2020년 7월 5주) — 행정수도/청와대/국회/서울대학교 세종시 이전 (7월 통합 포함) [Ежедневное мнение, вып. № 412 (5-я неделя июля 2020 г.) — переезд административной столицы / Голубого дома / Национального собрания / Сеульского национального университета в город Седжон (включая июльский сводный опрос)] // 한국갤럽 (Gallup Korea). 30.07.2020. URL: https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1132 (дата обращения: 02.10.2026).

[3] 윤나라. [여론조사①] 행정수도 이전, 찬성 48.6% vs 반대 40.2% [Опрос общественного мнения] Переезд административной столицы: за 48,6% против 40,2%] // SBS 뉴스. 26.07.2020. URL: https://news.sbs.co.kr/news/endPage.do?news_id=N1005901178 (дата обращения: 02.10.2026).

[4] 데일리 오피니언 제412호(2020년 7월 5주) — 행정수도/청와대/국회/서울대학교 세종시 이전 (7월 통합 포함) [Ежедневное мнение, вып. № 412]. (дата обращения: 02.10.2026).

При этом поддержка переноса *неравномерно распределяется в зависимости от того, какой именно орган государственной власти предлагается переместить.* Согласно опросу Gallup Korea 2020 г. перенос Национального собрания в Сечжон поддерживают 47% граждан (против было 39%), тогда как перенос администрации президента поддерживают лишь 38% (против 48%)[1]. Разница объясняется основанием самих причин: если перенос парламента воспринимается как инструмент децентрализации и разгрузки Сеула, то перенос президентской администрации — как изменение символического статуса столицы.

При этом лишь 2—14% респондентов[2] называли в качестве причины безопасность, хотя в случае роста напряжённости на Корейском полуострове он способен мгновенно изменить баланс общественного мнения.

Оценки поддержки по региональному признаку также напрямую связаны с превалирующими причинами. В регионах, наиболее удалённых от столицы, поддержка переноса максимальна. Согласно опросу 2020 г., в Хонаме доля сторонников переноса достигла 68—75%, в Чхунчхоне (включая сам Сечжон) 57—69%, в Ённамеоколо — 59%. Но в самом Сеуле, где выгоды от разгрузки наименее очевидны, а издержки (переезд госслужащих, потеря статуса) воспринимаются острее, мнения разделились почти поровну: 42,5% за, 45,1% против[3]. *Та же тенденция подтверждается опросом Gallup Korea 2020 г.*: в Кванджу/Чолла за перенос высказались 67%, 21% против; в Тэджоне/Сечжоне/Чхунчхоне — за 57%, против 36%, тогда как в Сеуле — лишь 32% за перенос, 61% — против[4].

Политическое измерение поддержки также заметно. Сторонники Демократической партии поддерживают перенос в 69—82% случаев, тогда как среди консервативного электората уровень поддержки не превышает 23—44%. Наиболее ярко этот разрыв проявляется в возрастной динамике: молодёжь (20 лет) поддерживает перенос в 66,6% случаев, тогда как среди граждан старше 60 лет сторонников менее 40%. В этом контексте 31,2% общества воспринимают инициативу как тактический ход для отвлечения внимания от кризисов[5].

Обобщая, все множество причин поддержки переноса может быть сведено к нескольким категориям. Экономические мотивы (снижение перенаселённости, стабилизация цен на недвижимость) привлекают от 41 до 68% и от 49 до 59% сторонников соответственно, административные 7—42%, а фактор безопасности 2—14%. Эта совокупность причин остаётся устойчивой на протяжении более чем двух десятилетий дискуссий, хотя отдельные категории приобретают разный вес и значение в зависимости от региона, возраста и партийной принадлежности респондентов.

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] 이경태. [여론조사] 청와대·국회 세종시 이전 "찬성" 53.9% — "반대" 34.3% [[Опрос общественного мнения] Переезд Голубого дома и Национального собрания в город Седжон: «за» 53,9% — «против» 34,3%] // 오마이뉴스 (OhmyNews). 22.07.2020. URL: https://n.news.naver.com/mnews/article/047/0002277810?sid=100 (дата обращения: 02.10.2026).

[4] 데일리 오피니언 제412호(2020년 7월 5주) — 행정수도/청와대/국회/서울대학교 세종시 이전(7월 통합 포함) [Ежедневное мнение, вып. № 412]. (дата обращения: 02.10.2026).

[5] Там же.

Анализ рисков проекта

Сильные стороны проекта

Сильные стороны проекта обусловлены его первоначальным замыслом. Проект создал административный кластер, который разгрузил в Сеуле центральные офисные площади и территориально сконцентрировал большую часть правительственных аппаратов, что в теории должно было повысить координацию между министерствами, хотя в жизни привело к раздвоению власти. Сам факт создания современного города с нуля даёт возможность использовать передовые градостроительные стандарты: обширная дорожная сеть, хороший уровень озеленения, спроектированные общественные пространства отличают Сечжон от исторически сложившейся застройки Сеула. В условиях военной угрозы со стороны КНДР размещение ключевых административных органов в глубине страны, за пределами досягаемости артиллерии, обеспечивает определённый уровень физической защиты управленческого аппарата, хотя этот выигрыш на деле оказывается относительным. Наконец, создание нового города формально соответствует долгосрочной стратегии сбалансированного регионального развития и уже сформировало определённую тенденцию, позволившую государственным служащим привыкнуть к новой дислокации, а часть инфраструктуры оказалась построена и введена в эксплуатацию, что создаёт материальную базу, которую в случае возврата функций пришлось бы полностью списывать.

Слабые стороны/риски проекта

Если систематизировать риски, сопровождающие перенос столичных функций в Сечжон, то можно выделить несколько уязвимостей:

Конституционная неопределённость. Изначально задуманный как полноценный перенос столицы, проект был преобразован после решения Конституционного суда Республики Корея 2004 г. (дело 2004헌마554), который указал, что перемещение центральных политических и административных функций фактически означает смену столичного статуса. В ответ был принят компромиссный Закон № 7391 2005 г., позволивший продолжить строительство, но закрепивший за Сечжоном статус административного, а не столичного города, при этом прямо исключив президента из числа переезжающих (ст. 2) и оставив в Сеуле ключевые министерства обороны, иностранных дел, юстиции и объединения (ст. 16). Именно этот юридический компромисс создал ситуацию институциональной неопределенности, которая сохраняется и по сей день: Южная Корея существует с двумя центрами власти, что не предусмотрено конституционной системой и создаёт риски для эффективности управления. Любая попытка завершить проект блокируется прецедентом 2004 г., а принятие конституционной поправки маловероятно из-за жёсткого политического раскола

Административная и бюджетная неэффективность. Двойное расположение органов власти создаёт дополнительные транспортные и коммуникационные издержки, которые уже привели к падению продуктивности государственных служащих на 3—4%[1]. Министерства переехали в Сечжон, но за любым важным решением чинов-

[1] Им Джинхон, Чжан Сонман. Self-Sufficiency of New Administrative Capitals (NACs) Based on Types and Commuting Characteristics of Citizens: Case Study of Sejong // Sustainability. 2022. Vol. 14. № 20. Art. 13193. DOI: 10.3390/su142013193.

никам приходится обращаться в Сеул. Сечжон превратился не в независимый центр, а в квартал, функционально и пространственно зависящий от Тэджона, куда жители массово ездят на работу [Im, Jang, 2022, с. 6].

Функциональная недостаточность проявляется в том, что ключевые ведомства, определяющие суверенитет и безопасность страны, остались в Сеуле, из-за чего Сечжон превратился в подчинённый офисный квартал без реальной политической власти; чиновники исполняют обязанности, но все стратегические решения принимаются в столице. В итоге административная эффективность резко упала из-за отсутствия прямого контакта между ведомствами: снизилось качество очных брифингов, возросла зависимость от телефонной и мессенджер-коммуникации [Jung, 2019, с. 17].

Экономические издержки. Бюджет не даёт ожидаемой отдачи: по данным Korea Real Estate Board, уровень вакантности торговых площадей в Сечжоне в 2025 г. достигал 25,7%[1], а статистика KOSIS зафиксировала, что население большого Сеула превысило 50% от общего населения страны ещё в 2019 г. и продолжает расти[2]. На данный момент цель разгрузки столицы и близко не достигнута. Корейский институт государственного управления и Корейский институт развития оценивают ежегодную неэффективность из-за перемещений чиновников в 2—4 млрд вон, а для переноса парламента и создания резиденции президента потребуются дополнительные 5—7 трлн вон[3], при этом незавершённый проект обесценивает уже сделанные вложения, а его завершение требует новых многомиллиардных затрат без гарантий.

При этом город не имеет собственной полноценной экономической базы и зависит от Тэджона в вопросах торговли, развлечений и рабочих мест, что подтверждается данными о массовых поездках, а высокий уровень вакантности коммерческих площадей — 25,7% в 2025 г. — свидетельствует о том, что внутренний спрос не сформирован и на текущем этапе Сечжон не является самодостаточным городом [Im, Jang, 2022, с 10—11]. Средняя дальность поездок на работу из Сечжона значительно выше, чем в сопоставимых городах, и большинство маршрутов ведёт в соседний Тэджон [Im, Jang, 2022, с. 8].

Социальное измерение проекта сопряжено с существенными рисками. В отличие от Астаны и Бразилиа, Сечжон не воспринимается в качестве столицы и символа новой эпохи — ни населением, ни самими чиновниками [Im, Jang 2022, с. 5], что подрывает мотивацию и лояльность кадров: для значительной части служащих он остаётся лишь местом командировки. Как результат — снижение производительности государственных служащих на 3—4% вследствие транспортных и коммуникационных издержек [Im, Jang, 2022, с. 7; Jung, 2019, с. 1205—1214]. Исследования показывают, что уже после первого этапа переезда уровень сочувствия и мотивации госслужащих снизился на 4,5%, а внедрение системы оплаты по результатам лишь усилило этот негативный эффект [Jung, 2019, с. 14—16].

---

[1] 2025 한국상업용부동산시장전망 [Обзор рынка коммерческой недвижимости Кореи на за 2025 г.] // CBRE Korea. URL: https://www. cbrekorea. com/insights/reports/2025-korea-real-estate-market-outlook (дата обращения: 24.08.2026).

[2] Документ ООН № 1278250-RU // Цифровая библиотека ООН (UN Digital Library). URL: https://digitallibrary.un.org/record/3884686/files/1278250-RU.pdf?ln=ar (дата обращения: 24.08.2026).

[3] 문화일보 [Мунхва ильбо]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.munhwa.com/article/11610339 (дата обращения: 24.08.2026).

Отсутствие межпартийного консенсуса. Демократы поддерживают проект, консерваторы выступают против, и при каждой смене власти существует риск его замораживания или полной остановки, что делает последний зависимым от электоральных циклов, лишает стабильности и исключает возможность долгосрочного градостроительного и экономического планирования.

Особую остроту этому риску придаёт фигура президента Ли Чжэ Мёна. Это дает основания полагать, что проект используется как инструмент удержания власти или с коррупционными целями. Биография Ли отягощена уголовными делами: «Дело Тэджан-дон» с ущербом бюджету в 375 млн долл., «Дело Пэкхён-дон»[1] об изменении статуса земли и др.

Благо, историю Сечжона уже систематически сопровождают скандалы: например, дело Sejong Securities в 2006 г.[2], спекуляции землёй в 2021 г.[3] и история жилищных подписок, выявленных в 2022 г.[4] В последнем случае Бюро по аудиту и инспекциям выявило, что 116 государственных служащих незаконно получили жилищные подписки в Сечжоне в период с 2010 по 2021 г., причём один из них подделал документ и скопировал печать министра, а Институт классификации таможенных пошлин, не входящий в список переезжающих организаций, инвестировал 17,1 млрд вон в строительство и обеспечил подписками 49 своих сотрудников[5].

Все эти ситуации создают негативный информационный шум и подрывают доверие граждан, а вовлечённость в эти схемы высших должностных лиц, включая действующего президента, многократно усиливает эту угрозу, поскольку любое судебное преследование может спровоцировать конституционный кризис, который сделает проект нежизнеспособным.

Ограниченный характер военной выгоды. Перенос выводит органы власти из-под удара артиллерии КНДР, однако ракеты долетают и до Сечжона, так что преимущество относительно. Отсутствие принципиально лучшей защиты ПВО и ПРО, чем в Сеуле, создаст риск общественного негодования в случае конфликта, если обнаружится, что новый центр не обеспечивает обещанной безопасности.

---

[1] Асмолов К.В. К чему ближе Ли Чжэ Мён — тюрьме или политическому лидерству? // Новое Восточное Обозрение. 01.11.2022. URL: https://journal-neo.su/ru/2022/11/01/k-chemu-blizhe-li-chzhe-myon-tyur-me-ili-politicheskomu-liderstvu/ (дата обращения: 02.10.2026).

[2] Kim Rahn. Ex-President's Elder Brother Implicated in Lobbying [Старший брат экс-президента замешан в лоббировании] // The Korea Times. 25.11.2008. URL: https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/20081125/ex-presidents-elder-brother-implicated-in-lobbying (дата обращения: 02.10.2026).

[3] Investigators raid Sejong agency in land speculation case [Следователи провели обыск в агентстве Седжона по делу о земельных спекуляциях] // The Korea Times. 26.03.2021. URL: https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/law-crime/20210326/investigators-raid-sejong-agency-in-land-speculation-case (дата обращения: 02.10.2026).

[4] Sejong housing subscriptions reveal corruption [Скандал вокруг подписки на жильё в Седжоне вскрывает коррупцию] // The Dong-A Ilbo. 07.07.2022. URL: https://www.donga.com/en/article/all/20220707/3495052/1 (дата обращения: 02.10.2026).

[5] Investigators raid Sejong agency in land speculation case [Следователи провели обыск в агентстве Седжона по делу о земельных спекуляциях] // The Korea Times. 26.03.2021. URL: https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/law-crime/20210326/investigators-raid-sejong-agency-in-land-speculation-case (дата обращения: 02.10.2026).

Климатические риски, особенно аномальная жара, засуха и ливни, которые нарастают с глобальным потеплением, пока недооценены. Между тем исследование очистных сооружений показало, что аномальная жара создаёт максимальную угрозу для инфраструктуры, особенно на периферии, где экстремальные погодные явления могут вывести из строя систему водоотведения именно в зонах нового заселения [Song, Park, Lee, Lee, 2025, с. 397]. Уязвимость очистных сооружений Сечжона, [Song, Park, Lee, Lee, 2025, с. 395] означает, что город может столкнуться с коммунальными авариями именно в зонах активного заселения, что создаст репутационные и материальные потери.

Наконец, *демографические тенденции,* такие как старение населения и концентрация молодёжи в большом Сеуле, работают не на сторону Сечжона [Im, Jang 2022, с. 8], так как он не создал достаточного количества рабочих мест и привлекательных условий для жизни, чтобы переломить этот тренд, и в долгосрочной перспективе город рискует столкнуться с оттоком населения при одновременном сохранении избыточного предложения коммерческой и жилой недвижимости.

Возможности проекта

Возможности проекта в значительной степени остаются нереализованными, но теоретически существуют. Продолжающаяся урбанизация и перенаселение Сеула создают окно для перераспределения государственных функций: если проект будет поддержан политическим согласием и конституционной поправкой, то Сечжон может стать полноценным вторым политическим центром и действительно разгрузить столицу. Развитие высокоскоростных транспортных связей и цифровой инфраструктуры в Южной Корее позволяет сгладить проблему географической удалённости: при условии внедрения эффективных систем удалённого взаимодействия и улучшения транспортной доступности раздвоенность власти могла бы стать менее болезненной. Климатические вызовы, которые пока воспринимаются как угроза [Song, Park, Lee, Lee, 2025, с. 397], при правильной политике адаптации могут стать драйвером модернизации: усовершенствованные очистные сооружения и устойчивая инфраструктура могли бы превратить Сечжон в модельный экологически устойчивый город, что повысило бы его репутацию как внутри страны, так и за рубежом. Наконец, изменение геополитической ситуации в регионе, в том числе устранение причин потенциального обострения конфликта на Корейском полуострове, могло бы снизить силу военных аргументов и позволить рассматривать проект не через призму безопасности, а через экономическую и административную реформы.

Будущее проекта зависит от нескольких ключевых факторов, которые определят, по какому сценарию пойдёт развитие событий.

Первый фактор — это, безусловно, политическая воля президента Ли Чжэ Мёна. Вопрос в том, насколько сильно он действительно хочет довести проект до конца. С одной стороны, он публично заявляет о своей приверженности переносу и называет его «насущной задачей» для будущего Кореи[1]. С другой стороны, при действи-

[1] President Lee Jae-myung vows to relocate the presidency to Sejong. But should he? [Президент Ли Чжэ Мён обещает перенести президентскую резиденцию в Седжон. Но стоит ли?] // Korea JoongAng Daily. 09.06.2025. URL: https://www.koreajoongangdaily.com/korea/president-lee-jae-myung-vows-to-relocate-the-presidency-to-sejong-but-should-he/12040638 (дата обращения: 02.10.2026).

тельной заинтересованности в завершении проекта конституционная реформа, снимающая правовые барьеры, могла быть инициирована ранее. Однако этого не произошло, что позволяет предположить приоритетность процесса строительства над результатом: комплекс административных зданий должен быть возведён в пределах президентского срока, формируя тем самым окно возможностей для извлечения выгоды приближёнными структурами. Вместе с тем реализация реформы затруднена, и вопрос переноса столицы, по-видимому, уступает по значимости вопросу о сроках президентства.

Второй фактор, вытекающий из этого, — это коррупционная составляющая. Как показывает история, проект уже сопровождался многочисленными скандалами: спекуляции землёй, незаконные жилищные подписки для госслужащих, подделка документов. Фигура самого Ли Чжэ Мёна, отягощённая уголовными делами, только усиливает подозрения в том, что проект может использоваться для обогащения приближённых[1]. Возникает вопрос, является ли строительство зданий самоцелью, а не подготовкой к реальному переносу власти. *Не важнее ли сам факт строительства и связанные с ним финансовые потоки, чем последующий переезд.* Вполне вероятно, что внимание к такому громкому проекту связано со стремлением восстановить позиции на фоне падающего рейтинга. В связи с этим возникает следующий вопрос: если рейтинг поднимется, не будут ли забыты эти популистские обещания.

Третий фактор — экономическое положение страны. Вопрос в том, есть ли у Кореи деньги на завершение проекта. Экономическая ситуация ухудшается: падает экспорт, замедляется экономический рост. В этих условиях растёт опасение, что выделяемые средства будут украдены или пойдут на обогащение приближённых, а не на реальное развитие города. Даже если деньги найдутся, остаётся вопрос об эффективности их использования: будут ли они потрачены реально с умом или же строительство превратится в очередной коррупционный проект.

Следующий фактор — военная обстановка на полуострове. Здесь прослеживается прямая зависимость: чем спокойнее ситуация на Корейском полуострове, тем меньше люди видят необходимость в переносе столицы. В Сеуле уже выстроена система ПВО и ПРО, а в Сечжоне всё это нужно создавать с нуля, что требует дополнительных затрат. Если угроза войны воспринимается как невысокая, то и аргумент о безопасности теряет свою убедительность. После того как КНДР официально отказалась от курса на объединение, значение военного фактора несколько снизило свою былую значимость[2].

Пятый фактор — климатические и экологические проблемы. Сейчас об этом много говорят. Из-за глобального потепления аномальная жара, засуха и ливни становятся всё более частыми, и все проблемы инфраструктуры имеют тенденцию к росту. Вопрос в том, насколько город готов к этим вызовам. Исследования показывают, что очистные сооружения Сечжона уязвимы к экстремальным погодным явле-

[1] Асмолов К.В. К чему ближе Ли Чжэ Мён — тюрьме или политическому лидерству? // Новое Восточное Обозрение. 01.11.2022. URL: https://journal-neo.su/ru/2022/11/01/k-chemu-blizhe-li-chzhe-myon-tyur-me-ili-politicheskomu-liderstvu/ (дата обращения: 02.10.2026).

[2] ТПК КНДР исключила из устава пункт о мирном объединении с Южной Кореей // Коммерсантъ. 04.09.2026. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8925493 (дата обращения: 02.10.2026).

ниям, что может привести к коммунальным авариям именно в зонах активного заселения. Если эти проблемы не будут решены, они могут серьёзно подорвать репутацию проекта [Song, Park, Lee, Lee, 2025, с. 397].

Шестой фактор — это инфраструктурная готовность. Если все государственные органы переедут в Сечжон, насколько вырастет население города? Угонится ли инфраструктура за этим ростом? Психологически жить в Сеуле и каждый день ездить на высокоскоростном Korea Train Express в Сечжон работать — это неудобно, но и переезд всего аппарата потребует строительства огромного количества жилья, больниц, школ, дорог и другой инфраструктуры [Im, Jang 2022, с. 6]. Это грандиозный проект, создающий риск инфраструктурного кризиса, — город может просто не справиться с наплывом людей.

Также проект сталкивается и с явными климатическими вызовами. Исследования показывают, что Сечжон обладает высокой уязвимостью к последствиям глобального потепления, которые создают угрозу для инфраструктуры новых районов [Song, Park, Lee, Lee, 2025, с. 397]. Особую опасность представляют экстремальные осадки: очистные сооружения в сельских районах Сечжона оказались наиболее уязвимыми, а пропускная способность канализации составляет лишь 70—81% [Song, Park, Lee, Lee, 2025, с. 399]. Сечжон входит в число регионов с наивысшей климатической уязвимостью, наряду с Тэджоном, Кванджу и Инчхоном [Song, Park, Lee, Lee, 2025, с. 402]. Без серьёзных вложений в модернизацию инфраструктуры эти риски могут стать серьёзным препятствием для развития города.

Все эти факторы тесно взаимосвязаны. Внутриполитические факторы влияют на решение этого вопроса очень сильно, поскольку проект используется как политический инструмент для мобилизации электората. В связи с этим важно понимать, в какой мере эти факторы будут определять реальную судьбу проекта, а в какой — останутся лишь предметом политических спекуляций.

На основе анализа этих факторов можно выделить три базовых сценария дальнейшего развития событий.

Основные факторы, влияющие на будущее проекта, и сценарии дальнейшего развития событий

Проведённый анализ рисков показывает, что ни один из них не имеет линейного решения. Более того, попытка разрешить один риск может обострить другой. Учитывая данные паттерны и исторический бэкграунд Южной Кореи, дальнейшая траектория проекта зависит от политического выбора, который может быть сведён к трём базовым сценариям: окончательный перенос, отказ от него и пролонгация текущего статус-кво. В каждом из вариантов мы оценим внутриполитические последствия, влияние ситуации на национальную безопасность и внешнеполитические/репутационные эффекты.

Сценарий 1: Завершение переноса

Данный сценарий предполагает преодоление конституционного барьера через поправку к Конституции либо через новый закон, который будет оспорен в Конституционном суде, но получит иное толкование, нежели в 2004 г. После этого вопрос о

переносе в Сечжон офиса президента, Национального собрания, Верховного суда и Конституционного суда будет снят.

При переносе столицы *внутриполитическая обстановка* может существенно изменить баланс политических сил. Демократическая партия, контролирующая процесс, получит мощный плацдарм для реализации проектов и усиления авторитета в регионе Чхунчхон, демонстрирующего максимальную поддержку проекта. Одновременно активизируется сопротивление консервативных сил, опирающихся на Сеул.

Однако в долгосрочной перспективе сценарий обещает устранить разрыв в управленческих функциях между Сеулом и Сечжоном, который, по оценкам, уже привёл к падению продуктивности госслужащих на 3—4% [Im, Jang, 2022].

Международное положение. Успешное завершение проекта превратит Республику Корея в глобальный эталон. Сечжон станет моделью для стран, планирующих такие же проекты, — Индонезии, Египта, Филиппин [Im, Jang, 2022].

Рассредоточение населения. Переезд парламента, судов и администрации президента заставит связанный с властью бизнес, юридические компании, СМИ и пр. физически переместиться в Сечжон, что создаст разнообразные рабочие места и привлечёт домохозяйства-одиночки, доля которых в городе сейчас критически мала [Im, Jang, 2022, с. 9—11]. Это частично снизит остроту проблемы перенаселённости Сеула, которую 40% сторонников переноса называют главной причиной его поддержки[1].

Однако риски сохраняются. Сечжон пока зависит от соседних городов, и превращение его в полноценный экономический центр потребует времени и новых инвестиций, что делает актуальными экономические риски, описанные выше.

Касательно *национальной безопасности,* завершение переноса устранит уязвимость двойного центра управления. Однако военный риск смягчается, но не устраняется полностью.

Сценарий 2: Отказ от проекта (возврат министерств в Сеул)

Данный сценарий предполагает признание проекта стратегической ошибкой и полный или частичный возврат министерств в Сеул.

Внутриполитическая обстановка. Отказ от проекта вызовет сильнейший политический кризис. Регион Чхунчхон, где поддержка переноса достигает 69%, воспримет это как предательство. Депутаты, вложившие политический капитал в Сечжон, тоже будут против. Потребуется полная ревизия Закона о реорганизации столичного региона, отмена ограничений и сборов с Сеульского региона, что вызовет сопротивление поддерживающих перенос, десятилетиями боровшихся за децентрализацию.

Власть, инициировавшая возврат, должна будет объяснить, почему колоссальные инвестиции признаны напрасными. Это подорвёт доверие к долгосрочным государственным стратегиям. Чиновники, которых ранее заставили выбирать между переездом и увольнением [Jung, 2019, с. 3], воспримут возврат как их предательство, что спровоцирует волну увольнений и кризис морального духа госслужбы.

[1] 데일리 오피니언 제412호(2020년 7월 5주) — 행정수도/청와대/국회/서울대학교 세종시 이전 (7월 통합 포함) [Ежедневное мнение, вып. № 412]. (дата обращения: 02.10.2026).

Международное положение. Республика Корея станет глобальным символом провала мегапроекта. Скептическое отношение к переносам столиц, связанное с тем, что они часто описываются как «чрезвычайно дорогие ошибки или эксцессы авторитарных правителей» [Россман, 2013], получит эмпирическое подтверждение. Корейские компании столкнутся с репутационными издержками при продвижении инфраструктурных проектов за рубежом.

Рассредоточение населения. Возврат министерств вызовет коллапс экономики Сечжона и массовый отток населения. Учитывая, что основу населения составляют семьи госслужащих [Im, Jang, 2022, с. 9], им незачем будет оставаться в городе без работы. Одновременная отмена Закона о реорганизации столичного региона спровоцирует взрывной рост нагрузки на инфраструктуру Сеула, что вернёт и многократно усилит изначальные проблемы, такие как пробки, загрязнение, перенаселённость.

Национальная безопасность. Единственным, но критически важным позитивным результатом станет восстановление единого центра управления. Возврат устранит проблему двойного центра в кризисной ситуации. Однако одновременно все государственные функции вновь окажутся сосредоточены в зоне поражения артиллерии КНДР, что сделает страну уязвимой к угрозе обезглавливающего удара.

Сценарий 3: Пролонгация статус-кво

Данный сценарий предполагает отказ как от завершения, так и от отмены проекта. Министерства остаются в Сечжоне, президент и парламент — в Сеуле. Именно этот сценарий фактически и реализуется с 2012 г.

Внутриполитическая обстановка. Консервация статус-кво превращает административную неэффективность в хроническую проблему. Сохранится ситуация, при которой ключевые органы власти физически находятся на расстоянии 150 км, а их взаимодействие требует постоянных командировок и других каналов коммуникации [Jung, 2019, с. 3]. Эта проблема станет постоянным поводом для межпартийной критики, однако ни одна из сторон не сможет её разрешить без риска потерять свой электорат.

Политический риск, связанный с отсутствием межпартийного консенсуса, сохраняется. При каждой смене власти проект будет подвергаться пересмотру, что исключает долгосрочное планирование. Бюджет, уже обеспеченный на строительство здания Национального собрания в Сечжоне, будет применяться медленно, без гарантии завершения.

Международное положение. Республика Корея может показать миру пример двойной системы управления, при которой столица остаётся разделённой между двумя городами, но это разделение носит половинчатый и непоследовательный характер. Разделение политического и экономического центров действительно может создавать преимущества, что демонстрируют Вашингтон и Нью-Йорк, Оттава и Торонто [Россман, 2013, с. 4]. Однако корейский случай — это раскол не экономического и политического, а административного и политического центров. Для стран, планирующих перенос столицы, такое состояние станет скорее отрицательным примером.

Рассредоточение населения. Сохранится и усилится характер Сечжона как города, в который люди ездят лишь по работе. Исследование структуры домохозяйств

показывает, что в городе непропорционально высока доля двухпоколенных семей и низка доля одиночек [Im, Jang, 2022, с. 9]. Анализ пространственной автокорреляции выявил устойчивую связь: чем выше доля двухпоколенных семей, тем длиннее поездки на работу [Im, Jang, 2022, с. 10—13]. Без развития рынка труда, выходящего за пределы госслужбы, Сечжон рискует остаться огромным спальным районом, зависимым от миграции в Тэджон и Сеул. Это означает, что проблема перенаселённости столичного региона, которую 40% сторонников переноса считают главной, решена не будет.

Национальная безопасность. Физический разрыв центров принятия решений становится институционной уязвимостью. Исследования подтверждают, что после переезда резко выросло использование телефонов, мессенджеров и «умных научных лабораторий и центров работы» как заменителей живого общения, а также время командировок и физическое истощение служащих [Jung, 2019]. В условиях военного кризиса зависимость от таких искусственных каналов связи может стать исчерпывающей. Вместе с тем именно этот сценарий позволяет сохранить как частичное преимущество в безопасности, так и символический статус Сеула как «вечной столицы».

Анализ трёх прогнозов показывает, что каждый сценарий характеризуется собственной структурой выгод и рисков. Завершение переноса обещает разрешить фундаментальные проблемы — двойной центр управления и несамодостаточность Сечжона [Im, Jang, 2022], но требует преодоления конституционного барьера и политического сопротивления сеульской элиты. Отказ от проекта восстанавливает единый центр принятия решений, но обрушивает экономику Сечжона и возвращает страну к максимальной концентрации функций в зоне военной угрозы. Пролонгация статус-кво консервирует административную неэффективность [Jung, 2019] и зависимость города от внешней занятости, но позволяет избежать как политического кризиса, связанного с отменой проекта, так и кризиса конституционного, связанного с его завершением. Выбор между сценариями в итоге определяется тем, какой из рисков — конституционный, военный, экономический или социальный — будет воспринят политическим руководством как наиболее критический в конкретный исторический момент.

Заключение

В связи с отсутствием критической необходимости, требующей ускоренного переноса столицы, военная угроза оценивается как низкая, а проблемы Сеула — как недостаточно острые для экстренных мер. Все это говорит о том, что:

• вопрос очень политизирован, так как основные драйверы —демократы. В результате из-за логики межпартийной борьбы консерваторы тормозят процесс, и нет возможностей обеспечить непрерывную проектную работу;

• кроме того, складывается ощущение, что самим демократам не очень хочется выполнять данное обещание, иначе вопрос о столице стал бы элементом конституционной реформы. Это, собственно, подогревает теории заговора о коррупционной составляющей проекта: комплекс административных зданий должен быть построен в течение президентского срока Ли.

Проведенное исследование дает нам возможность сделать предположение, почему при схожих стартовых условиях с другими странами реализация проекта в Южной Корее привела к институциональной неопределенности, а не к политическому и экономическому успеху. Его главными целями было снижение перегруженности Сеула, развитие регионов и более равномерное распределение государственных функций. Однако Сечжон не стал полноценной столицей: в городе размещены многие министерства и канцелярия премьер-министра, но президент, Национальное собрание, высшие суды и ряд ключевых ведомств остались в Сеуле.

Вернёмся к главному исследовательскому вопросу, поставленному во введении: почему при схожих стартовых условиях с другими странами реализация проекта в Южной Корее привела к институциональной неопределённости, а не к политическому и экономическому успеху. Проведённый анализ позволяет выделить несколько ключевых причин.

Во-первых, отсутствие *безотлагательной* причины, которая реально требует ускорения работы по переносу столицы. В отличие от Бразилии, где была необходимость освоения внутренних территорий, Казахстана, где была геополитическая необходимость укрепления севера страны, в Южной Корее нет острой необходимости немедленного переноса. Угроза войны со стороны КНДР на самом деле невысока: после отказа Пхеньяна от курса на объединение вероятность военного конфликта снизилась. Проблемы Сеула, такие как перенаселение, пробки, высокие цены на недвижимость, хотя и существуют, но не носят катастрофического характера и не требуют немедленного переноса всех органов власти. Отсутствие жёстких временных рамок позволяет откладывать проект, не неся немедленных репутационных или политических потерь.

Во-вторых, вопрос очень политизирован, так как основные драйверы проекта именно демократы. Как было показано в начале статьи, инициатива переноса столицы на протяжении всей истории исходила преимущественно от демократических сил. Консерваторы относятся к проекту скептически или враждебно. В результате из-за логики межпартийной борьбы консерваторы тормозят процесс при каждой смене власти, и нет возможностей обеспечить непрерывную проектную работу. Проект становится заложником электоральных циклов: при приходе к власти демократов он начинает активизироваться, при консерваторах — замораживается или пересматривается. Это лишает его стабильности и исключает возможность долгосрочного градостроительного и экономического планирования, которое требуется для такого действительно масштабного проекта.

В-третьих, складывается ощущение, что самим демократам не очень хочется выполнять данное обещание. Если бы они действительно стремились к завершению переноса, вопрос о столице стал бы элементом самой конституционной реформы. Однако вместо этого они ограничиваются половинчатыми шагами — переносом министерств, но не ключевых органов власти. Конституционная поправка, которая сняла бы все правовые барьеры, не вносится. Референдум, который легитимизировал бы перенос, не проводится. Это создаёт впечатление, что проект используется как политический инструмент для мобилизации электората, а не как последовательная государственная стратегия. Такое положение дел подогревает теории заговора о коррупционной составляющей проекта. Комплекс административных зданий должен быть

построен в течение президентского срока Ли Чжэ Мёна, что создаёт окно возможностей для извлечения ренты приближёнными структурами. История Сечжона уже систематически сопровождается скандалами, спекуляцией землёй, незаконными жилищными подписками для госслужащих, подделкой документов. Фигура самого президента Ли Чжэ Мёна, отягощённая такими уголовными делами, как «делоТэджандон», «дело Пэкхён-дон», только усиливает эти подозрения. Возникает вопрос, является ли строительство зданий самоцелью, а не подготовкой к реальному переносу власти. Не важнее ли сам факт строительства и связанные с ним финансовые потоки, чем последующий переезд.

Теперь обратимся к задачам, поставленным во введении.

Первая задача состояла в реконструкции истории проекта. Было установлено, что идеи переноса административного центра обсуждались в Южной Корее ещё в 1950—1970-х годах. Сначала важным аргументом была военная уязвимость Сеула, расположенного близко к демилитаризованной зоне. Позже главными причинами стали перенаселённость Сеула, рост цен на жильё и неравномерное развитие регионов. Наиболее серьёзный этап начался при президенте Но Му Хёне в 2002—2004 гг. Однако решение Конституционного суда 2004 г. не позволило перенести столицу в полном объёме. В результате был принят компромиссный закон 2005 г., а Сечжон получил статус административного комплексного города. С тех пор проект остаётся незавершённым.

Вторая задача была связана со сравнением мирового опыта. Примеры Бразилиа и Астаны показывают, что успешный перенос столицы обычно требует ясного правового статуса и перевода всех основных институтов власти. В Южной Корее этого не произошло. Поэтому Сечжон нельзя считать ни обычным региональным городом, ни новой столицей. Его можно определить как незавершённый перенос: административные функции были переведены, но политический центр страны сохранился в Сеуле. Это создаёт уникальную модель двойного центра управления, не имеющую аналогов в мире.

Третья задача заключалась в анализе общественного мнения. Опросы показывают, что перенос в основном поддерживают жители регионов, особенно Чхунчхона и Сечжона. Основные причины поддержки — необходимость разгрузить Сеул, развивать регионы и сократить территориальное неравенство. Но при этом жители Сеула и сторонники консервативных партий относятся к проекту более осторожно. Уже осуществлённый перенос министерств воспринимается спокойнее, чем возможный перенос президента и парламента, потому что Сеул сохраняет важное историческое и символическое значение. Также были выявлены региональные, партийные и возрастные линии раскола, которые делают проект политически уязвимым.

В ходе выполнения четвёртой задачи были выявлены основные риски проекта. Главным среди них остаётся конституционная неопределённость: статус Сечжона не закреплён в Конституции, поэтому дальнейший перенос зависит от политической ситуации. Административный риск связан с тем, что органы власти разделены между двумя городами. Это увеличивает количество командировок, затрудняет координацию и может снижать эффективность работы государственных служащих [Jung, 2019]. Существуют и экономические риски. Сечжон развивается как административный город, но пока не стал полностью самостоятельным центром. Его экономика во многом зависит от государственного сектора и Тэджона. Исследование Им Джинхона

и Чан Сонмана показывает, что маятниковая миграция остаётся важной чертой города, а это ограничивает его самодостаточность [Im, Jang, 2022]. Также сохраняются политические риски, поскольку разные партии по-разному оценивают необходимость завершения проекта. Коррупционные риски, связанные с фигурой президента Ли Чжэ Мёна, создают дополнительную угрозу дискредитации проекта. Военные и климатические риски, хотя и не являются определяющими, также требуют учёта при принятии решений.

Пятая задача состояла в разработке сценариев. Первый сценарий — завершение переноса с переводом парламента и администрации президента в Сечжон. Он мог бы устранить проблему двойного центра управления, но потребует конституционных изменений и широкого политического согласия. Второй сценарий — возврат ведомств в Сеул — представляется маловероятным из-за больших расходов и риска недовольства регионов. Наиболее вероятным остаётся третий сценарий — сохранение существующей модели, при которой Сечжон остаётся административным центром, а Сеул — политической столицей.

Таким образом, Сечжон нельзя назвать полностью неудачным проектом. Он позволил частично распределить государственные функции и создать новый центр регионального развития. Однако его основные цели достигнуты не полностью, поскольку фактическая роль города не соответствует его правовому статусу. Будущее Сечжона будет зависеть от того, смогут ли власти решить конституционный вопрос и найти баланс между интересами Сеула, регионов и эффективностью государственного управления. Однако, учитывая высокую политизированность проекта, отсутствие форс-мажорных причин для ускорения и коррупционные риски, завершение переноса в обозримой перспективе представляется маловероятным. Скорее всего, проект останется в нынешнем замороженном состоянии, периодически актуализируясь в преддверии выборов и утихая после них.

Библиографический список

Администрация особого самоуправляемого города Сечжон. URL: https://www.sejong.go.kr/ac/sub03_01.do (дата обращения: 24.08.2026). (На кор.)

Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Население Астаны: этнический состав и динамика численности по г.м. URL: https://stat.gov.kz/ (дата обращения: 01.08.2026).

Государственный центр правовой информации Республики Корея. Решение Конституционного суда Республики Корея от 24 ноября 2005 г. № 2005 헌마579 по делу о конституционности Специального закона о строительстве административного комплексного города - 헌법재판소 2005. 11. 24. 선고 2005헌마579 결정. URL: https://www.law.go.kr/detcInfoP.do?detcSeq=134815 (дата обращения: 23.08.2026). (На кор.)

Документ ООН № 1278250-RU // Цифровая библиотека ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3884686/files/1278250-RU.pdf?ln=ar (дата обращения: 24.08.2026).

Ким Г. Н. Республика Корея: научно-справочное издание / Г. Н. Ким ; Ин-т востоковедения им. Р. Б. Сулейменова МКИ РК, Центр корееведения КазНУ им. аль-Фараби. Алматы: Дайк-Пресс, 2010. 584 с. (Серия «Страны мира»). ISBN 978-601-290-011-8.

Конституционный суд Республики Корея. Решение от 21 октября 2004 г. по делу о переносе столицы (2004Hun-Ma554, 566) // 헌법재판소판례집 [Официальный сборник решений Конституционного суда Кореи]. 2004. Т. 16-2(B). С. 1—91.

Об особых мерах по строительству новой административной столицы: Закон Республики Корея № 7062 от 16 января 2004 г. (утратил силу в связи с решением Конституционного суда 2004헌마554). Сеул, 2004.

Об особых мерах по строительству административного комплексного города в районах Ёнги и Конджу для последующих мер в связи с новой административной столицей: Закон Республики Корея № 7391 от 18 марта 2005 г. (с изм. и доп. по состоянию на 12 мая 2026 г.) // 국가법령정보센터 [Государственный центр правовой информации Республики Корея]. URL: https://www.law.go.kr/ (дата обращения: 24.08.2026). (На кор.)

Россман В. Современная концепция столичного города и переносы столиц в глобальной перспективе // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 2, № 4 (18). С. 101—107.

Gallup Korea. Отношение граждан к переносу основных правительственных ведомств в Сечжон: результаты опроса общественного мнения, 28—30 июля 2020 г. Сеул, 2020. 15 с. (Отчёт об опросе; № 1132). URL: https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1132 (дата обращения: 24.08.2026).

Government Buildings Management Office. Government Complex Daejeon [ПравительственныйкомплексТэджон] // Ministry of the Interior and Safety. URL: https://gbmo.go.kr/eng/cm/cntnts/cntntsView.do?mi=1445&cntntsId=1221 (дата обращения: 04.08.2026).

Holston J. The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasília. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

Im J.-h., Jang S. Self-Sufficiency of New Administrative Capitals (NACs) Based on Types and Commuting Characteristics of Citizens: Case Study of Sejong // Sustainability. 2022. Vol. 14, № 20. Art. 13193. DOI: 10.3390/su142013193.

Jung H. Government Relocation and Public Officials' Compassion: The Case of Sejong City // Korean Journal of Policy Studies. 2019. Vol. 34, № 3. P. 1—24. DOI: 10.52372/kjps34301.

Korea Society Opinion Institute. Опрос общественного мнения о переносе административной столицы в Сечжон, апрель 2025 г. Сеул, 2025. (Отчёт об опросе)

Korea Society Opinion Institute. Опрос общественного мнения о переносе столицы, октябрь 2025 г. Погрешность выборки ±3,4 п. п. при 95% доверительном уровне. Сеул, 2025 (данные опроса).

Park J. H. Public Officials' Relocation and Administrative Efficiency in South Korea's New Administrative City // Journal of Policy Studies. 2013. Vol. 28, № 2. P. 1—25.

Sejong City, WinG Korea Consulting. Опрос общественного мнения и депутатов Национального собрания об административной столице, сентябрь 2017 г. // Sejong City Government. Сечжон, 2017.

Seoul Metropolitan Area Readjustment Planning Act (수도권정비계획법). Act No. 8977, 21 March 2008; last amended by Act No. 17453, 9 June 2020. URL: https://elaw.klri.re.kr (accessed: 24 August, 2026).

Visual History of Korea: The Archive of Korean History and Culture [Визуальная история Кореи: архив истории и культуры Кореи]. URL: https://www.kang.org/kdj (дата обращения: 04.08.2026).

고문현, 박진완, 한상우, 정주휘. 행정수도지위확보를위한개헌방안연구 [*Ко Мунхён, Пак Джинван, Хан Сану, Чон Джухви.* Исследование путей внесения поправок в Конституцию для

обеспечения статуса административной столицы]. Сечжон: 숭실대학교산학협력단 [Центр сотрудничества науки и промышленности Университета Сунсиль], 2017. (На кор.)

국회법 일부개정법률안(대안)(국회운영위원장) [Законопроект о полном изменении Закона о специальных мерах по строительству новой административной столицы (предложен Кан Джунхёном и др., 27.08.2020, № 2112450) // Информационная система Национального собрания Республики Корея.] URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_H2Z1R0N8Q2B7O1C1Z2L4A5X0C2N4S2 (дата обращения: 24.08.2026). (На кор.)

대법원과 헌법재판소 이전 지역 사법신도시 건설을 위한 특별법안(김두관의원 등 13인) [Законопроект о внесении изменений в Закон о Национальном собрании Республики Корея: альтернативный проект Председателя Комитета по государственному управлению, 29.09.2021, № 2112823 // Информационная система Национального собрания Республики Корея.] URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_I2G1N1A0C2S9O1N2P2R3S2F2L8M3N0 (дата обращения: 24.08.2026). (На кор.)

신행정수도 후속대책을 위한 연기·공주지역 행정중심복합도시 건설을 위한 특별법 일부개정법률안(강준현의원 외 168인) [Законопроект о внесении изменений в Специальный закон о строительстве административного комплексного города: альтернативный проект Председателя Комитета по государственному управлению, 22.12.2021, № 2114144 // Информационная система Национального собрания Республики Корея] URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_D2E1Q1J2W2C2R1J8Z2S7Z1P3N3G2N6 (дата обращения: 24.08.2026). (На кор.)

신행정수도 후속대책을 위한 연기·공주지역 행정중심복합도시 건설을 위한 특별법 일부개정법률안(정진석의원 등 49인) [Законопроект о внесении изменений в Специальный закон о строительстве административного комплексного города в районах Ёнги и Конджу (предложен Чон Джинсоком и др., 06.12.2021, № 2113943) // Информационная система Национального собрания Республики Корея] URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_I2W1G1I2Z0V6U0N9R1S9G2M7I1D3Z9 (дата обращения: 24.08.2026). (На кор.)

손영훈. 카자흐스탄수도이전과그함의 [*Сон Ёнхун.* Перенос столицы Казахстана и его значение] // 중동연구 [Исследования Ближнего Востока]. 2009. Т. 28. № 3. С. 221—254. (На кор.)

신행정수도의건설을위한특별조치법안(정부) [Законопроект «О специальных мерах по строительству новой административной столицы» (предложен Правительством Республики Корея 08.10.2003, № 162817) // Информационная система Национального собрания Республики Корея.] URL: http://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=026507 (дата обращения: 24.08.2026). (На кор.)

헌법재판소법 일부개정법률안(민형배의원 등 17인) [Законопроект «О специальных мерах по строительству новой административной столицы» (предложен Пак Ван Чжу и др., 08.07.2020, № 2101303) // Информационная система Национального собрания Республики Корея.] URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_Z2W1B0H7T1W4F1X1F3J0K3C5U2T7Y8 (дата обращения: 24.08.2026). (На кор.)

2021년도 예산안(정부) [Законопроект о внесении изменений в Специальный закон о строительстве административного комплексного города в районах Ёнги и Конджу (предложен Кан Джунхёном и др., 03.09.2020, № 2103561) // Информационная система Национального собрания Республики Корея] URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_P2Z0B0V9G0C3E0C9Y1D7J0L7L7N7I9 (дата обращения: 24.08.2026). (На кор.)

References

Administration of Sejong Special Self-Governing City. URL: https://www.sejong.go.kr/ac/sub03_01.do (accessed: 24.08.2026). (In Korean)

Bureau of National Statistics, Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Population of Astana: Ethnic Composition and Population Dynamics by Month. URL: https://stat.gov.kz/ (accessed: 01.08.2026).

Constitutional Court of the Republic of Korea. Decision of 21 October 2004 on the Relocation of the Capital (2004Hun-Ma554, 566) // 헌법재판소판례집 [Official Collection of Decisions of the Constitutional Court of Korea]. 2004. Vol. 16-2(B). P. 1—91.

Constitutional Court of the Republic of Korea. Decision of 24 November 2005, No. 2005Heon-Ma579, on the Constitutionality of the Special Act on the Construction of an Administrative Complex City — 헌법재판소 2005. 11. 24. 선고 2005헌마579 결정. URL: https://www.law.go.kr/detcInfoP.do?detcSeq=134815 (accessed: 23.08.2026).). (In Korean)

Gallup Korea. Citizens' Attitudes toward Relocation of Major Government Ministries to Sejong: Public Opinion Survey Results, 28—30 July 2020. Seoul, 2020. 15 p. (Survey Report; No. 1132). URL: https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1132 (accessed: 24.08.2026).

Government Buildings Management Office. Government Complex Daejeon // Ministry of the Interior and Safety. URL: https://gbmo.go.kr/eng/cm/cntnts/cntntsView.do?mi=1445&cntntsId=1221 (accessed: 04.08.2026).

Holston J. The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasília. Chicago: University of Chicago Press, 1989. xiv + 369 p.

Im J.-h., Jang S. Self-Sufficiency of New Administrative Capitals (NACs) Based on Types and Commuting Characteristics of Citizens: Case Study of Sejong // Sustainability. 2022. Vol. 14, No. 20. Art. 13193. DOI: 10.3390/su142013193.

Jung H. Government Relocation and Public Officials' Compassion: The Case of Sejong City // Korean Journal of Policy Studies. 2019. Vol. 34, No. 3. P. 1—24. DOI: 10.52372/kjps34301.

Kim G. N. Republic of Korea: A Scientific Reference Edition. Almaty: Daik-Press, 2010. 584 p. (Series "Countries of the World"). ISBN 978-601-290-011-8. (In Russian).

Korea Society Opinion Institute. Public Opinion Survey on Relocation of the Administrative Capital to Sejong, April 2025. Seoul, 2025. (Survey Report)

Korea Society Opinion Institute. Public Opinion Survey on Relocation of the Capital, October 2025. Sampling error ±3.4 percentage points at 95% confidence level. Seoul, 2025. (Survey Data)

On Special Measures for the Construction of a New Administrative Capital: Act of the Republic of Korea No. 7062 of 16 January 2004 (invalidated following the Constitutional Court decision 2004Heon-Ma554). Seoul, 2004.

On Special Measures for the Construction of an Administrative Complex City in Yeongi and Gongju Areas for Subsequent Measures Related to the New Administrative Capital: Act of the Republic of Korea No. 7391 of 18 March 2005 (as amended and supplemented as of 12 May 2026) // 국가법령정보센터 [Korea Law Information Center]. URL: https://www.law.go.kr/ (accessed: 24.08.2026). (In Korean)

Park J.H. Public Officials' Relocation and Administrative Efficiency in South Korea's New Administrative City // Journal of Policy Studies. 2013. Vol. 28, No. 2. P. 1—25.

Rossman V. Modern Concept of a Capital City and Capital Relocations in a Global Perspective // Izvestiya of MSTU "MAMI". 2013. Vol. 2, No. 4 (18). P. 101—107. (In Russian)

Sejong City, WinGKorea Consulting. Public Opinion Survey of Citizens and National Assembly Members on the Administrative Capital, September 2017 // Sejong City Government. Sejong, 2017.

Seoul Metropolitan Area Readjustment Planning Act (수도권정비계획법). Act No. 8977, 21 March 2008; last amended by Act No. 17453, 9 June 2020. URL: https://elaw.klri.re.kr (accessed: 24 August 2026).

UN Document No. 1278250-RU // UN Digital Library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3884686/files/1278250-RU.pdf?ln=ar (accessed: 24.08.2026).

Visual History of Korea: The Archive of Korean History and Culture. URL: https://www.kang.org/kdj (accessed: 04.08.2026).

고문현, 박진완, 한상우, 정주휘. 행정수도지위확보를위한개헌방안연구 [*Ko Mun-hyon, Park Jin-wan, Han San-u, Jeong Ju-hwi.* A Study on Constitutional Amendment Measures to Secure the Status of an Administrative Capital]. Sejong: 숭실대학교산학협력단 [Industry-Academic Cooperation Foundation, Soongsil University], 2017. (In Korean)

국회법 일부개정법률안(대안)(국회운영위원장). (Gukhoebeop ilbu gaejeong beomnyuran (daean) (Gukhoe unyeong wiwonjang)). [Partial Amendment Bill to the National Assembly Act (alternative) (Chair of the National Assembly Steering Committee) (proposed by Kang Jun-hyeon and others, 27.08.2020, No. 2112450) // Information System of the National Assembly of the Republic of Korea.] URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_H2Z1R0N8Q2B7O1C1Z2L4A5X0C2N4S2 (accessed: 24.08.2026). (In Korean)

대법원과 헌법재판소 이전 지역 사법신도시 건설을 위한 특별법안(김두관의원 등 13인). (Daebeopwongwa Heonbeopjaepanso ijeon jiyeok sabeopsindosi geonseoreul wihan teukbyeol beopan (Kim Dugwan uiweon deung 13-in)). [Special Bill on the Construction of a Judicial New City in the Relocation Area of the Supreme Court and the Constitutional Court (proposed by Rep. Kim Doo-kwan and 13 others, 29.09.2021, No. 2112823) // Information System of the National Assembly of the Republic of Korea.] URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_I2G1N1A0C2S9O1N2P2R3S2F2L8M3N0 (accessed: 24.08.2026). (In Korean)

손영훈. 카자흐스탄수도이전과그함의 [*Son Yong-hun.* Relocation of the Capital of Kazakhstan and Its Implications] // 중동연구 [Middle Eastern Studies]. 2009. Vol. 28, No. 3. P. 221—254. (In Korean)

신행정수도 후속대책을 위한 연기•공주지역 행정중심복합도시 건설을 위한 특별법 일부개정법률안(강준현의원 외 168인). (Sinhoshaengjeongsudo husokdaechaekeul wihan Yeongigongjujiyeok haengjeongjungsimbokhapdosi geonseoreul wihan teukbyeolbeop ilbu gaejeong beomnyuran (Gang Junhyeon uiweon oe 168-in)). [Partial Amendment Bill to the Special Act on the Construction of the Administrative-Centered Composite City in the Yeongi—Gongju Area as a Follow-up Measure to the New Administrative Capital (proposed by Rep. Kang Jun-hyeon and 168 others, 22.12.2021, No. 2114144) // Information System of the National Assembly of the Republic of Korea]. URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_D2E1Q1J2W2C2R1J8Z2S7Z1P3N3G2N6 (accessed: 24.08.2026). (In Korean)

신행정수도 후속대책을 위한 연기•공주지역 행정중심복합도시 건설을 위한 특별법 일부개정법률안(정진석의원 등 49인). (Sinhoshaengjeongsudo husokdaechaekeul wihan Yeongigongjujiyeok haengjeongjungsimbokhapdosi geonseoreul wihan teukbyeolbeop ilbu gaejeong beomnyuran (Jeong Jinsuk uiweon deung 49-in)). [Partial Amendment Bill to the Special Act on the Construction of the Administrative-Centered Composite City in the Yeongi—Gongju Area as a Follow-up Measure to the New Administrative Capital (proposed by Rep. Chung Jin-suk and 49 others, 06.12.2021, No. 2113943) // Information System of the National Assembly of the Republic of Korea]

URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_I2W1G1I2Z0V6U0N9R1S9G2M7I1D3Z9 (accessed: 24.08.2026). (In Korean)

신행정수도의건설을위한특별조치법안(정부) (Sinhoshaengjeongsudoui geonseoreul wihan teukbyeoljochibeopan (jeongbu)). [Special Measures Act on the Construction of a New Administrative Capital (proposed by the Government of the Republic of Korea, 08.10.2003, No. 162817) // Information System of the National Assembly of the Republic of Korea.] URL: http://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=026507 (accessed: 24.08.2026).). (In Korean)

헌법재판소법 일부개정법률안(민형배의원 등 17인). (Heonbeopjaepansobeop ilbu gaejeong beomnyuran (Min Hyeongbae uiweon deung 17-in)). [Partial Amendment Bill to the Constitutional Court Act (proposed by Rep. Min Hyung-bae and 17 others, 08.07.2020, No. 2101303) // Information System of the National Assembly of the Republic of Korea.] URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_Z2W1B0H7T1W4F1X1F3J0K3C5U2T7Y8 (accessed: 24.08.2026). (In Korean)

2021년도 예산안(정부). (2021-nyeondo yesanan (jeongbu)). [2021 Budget Bill (Government) (proposed by Kang Jun-hyeon and others, 03.09.2020, No. 2103561) // Information System of the National Assembly of the Republic of Korea] URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_P2Z0B0V9G0C3E0C9Y1D7J0L7L7N7I9 (accessed: 24.08.2026). (In Korean)

Поступила в редакцию: 15.09.2026 Received: 15.09.2026
Принята к публикации: 22.09.2026 Accepted: 22.09.2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.49.59.007

P.S. Leshakov, V.M. Vakhrusheva

Transformation of Meritocracy in the Korean Society: From Confucian Examinations to AI-Driven Stratification

Abstract. This study examines the socio-economic and cultural evolution of the meritocratic paradigm within the Republic of Korea (ROK) from a macro-sociological and institutional perspective. The concept of meritocracy, while originating in the Confucian examination system as a tool for governance and statecraft, is understood here in a specific sense that gradually drifted toward the "just reward" idea by evolving from a strict administrative system into the guiding principle of a societal construct. During the rapid macroeconomic modernization known as the "Miracle on the Han River" from the 1960s to the late 1990s, the ROK successfully capitalized on this cultural reverence for education, transforming academic attainment into the primary driver of vertical social mobility and establishing a pervasive "effort=success" social contract. However, following structural shocks like the 1997 Asian Financial Crisis and the subsequent deregulation of higher education, university enrollment underwent an exponential surge, crossing a 70% saturation plateau by 2007. By correlating macroeconomic data with educational trends between 1980 and 2024, this research demonstrates that hyper-democratization has triggered severe credential inflation. In the twenty-first century, education has transitioned from an engine of social fluidity into the primary determinant of social stratification. The compounding effects of structural inequality and stagnant social mobility have driven a profound psychological shift within the South Korean public consciousness, displacing the traditional meritocratic ethos with a cynical "resource=success" model. Key findings of this research reveal a profound structural crisis in the contemporary South Korean meritocratic model, categorizable into three core thematic domains: the educational arms race, credential devaluation and social pessimism. In response to this crisis, the contemporary South Korean state is pursuing targeted interventions to restore the legitimacy of its meritocratic ideals, shifting the national focus toward a post-growth economy centered on social equity and quality of life.

Keywords: meritocracy, social inequality, education, South Korea, social ladder, dual labor market, human capital.

Authors: Pavel S. Leshakov. Ph.D (economics). Senior Research Fellow of the Center of Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. (Address: 117997, Moscow, Nakhimovskii pr., 32).
ORCID: 0000-0002-8282-9933. SPIN-code: 2247-1360. E-mail: pleshakov@hse.ru
Veronika M. Vakhrusheva. Bachelor's degree student, Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Address: 105066, Moscow, 21/4 Staraya Basmannaya St., 3).
ORCID: 0009-0000-1486-7113. SPIN-code: 4850-2446. E-mail: vmvero@yandex.ru

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Leshakov P.S., Vakhrusheva V.M. Transformaciya meritokratii v korejskom obshchestve: ot konfucianskih ekzamenov k stratifikacii pod vliyaniem II [Transformation of Meritocracy in the Korean Society: From Confucian Examinations to AI-Driven Stratification] // Koreevedenie [Koreanology], 2026, 3 (16): 79—98.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.49.59.007.

П.С. Лешаков, В.М. Вахрушева

Трансформация меритократии в корейском обществе: от конфуцианских экзаменов к стратификации под влиянием ИИ

Аннотация. В статье рассматривается социально-экономическая и культурная эволюция меритократической парадигмы в Республике Корея (РК) с макросоциологической и институциональной точек зрения. Концепция меритократии, возникшая в рамках конфуцианской системы экзаменов как инструмент управления государством, понимается здесь в специфическом смысле: постепенно сместившись в сторону идеи «справедливого вознаграждения», она превратилась из строгой административной системы в руководящий принцип общественного устройства. В период стремительной макроэкономической модернизации, известный как «чудо на реке Хан» (1960-е — конец 1990-х гг.), РК успешно использовала традиционное почитание образования, превратив академические достижения в главный фактор вертикальной социальной мобильности и закрепив в обществе расхожий «общественный договор» по формуле «усилия = успех». Однако после структурных потрясений, таких как Азиатский финансовый кризис 1997 г., и последовавшей дерегуляции высшего образования число студентов стало расти экспоненциально и к 2007 г. преодолело плато насыщения в 70%. На основе сопоставления макроэкономических данных с образовательными тенденциями за 1980—2024 гг. в исследовании показано, что гипердемократизация вызвала серьёзную инфляцию дипломов. В XXI в. образование из механизма социальной подвижности превратилось в главный фактор социальной стратификации. Совокупное действие структурного неравенства и застоя социальной мобильности привело к глубокому психологическому сдвигу в общественном сознании Южной Кореи: традиционный меритократический этос уступил место циничной модели «ресурсы = успех». Ключевые результаты исследования указывают на глубокий структурный кризис современной южнокорейской меритократической модели, который можно разделить на три тематические области: гонку образовательных вооружений, обесценивание дипломов и социальный пессимизм. В ответ на этот кризис современное южнокорейское государство проводит целенаправленные меры по восстановлению легитимности своих меритократических идеалов, смещая национальный фокус в сторону постростовой экономики, ориентированной на социальную справедливость и качество жизни.

Ключевые слова: меритократия, социальное неравенство, образование, Южная Корея, социальный лифт, дуальный рынок труда, человеческий капитал.

Авторы: Лешаков Павел Семёнович. Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр., д. 32).
ORCID: 0000-0002-8282-9933. SPIN-код: 2247-1360. E-mail: pleshakov@hse.ru
Вахрушева Вероника Максимовна. Студентка бакалаврской программы «Востоковедение» факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики» (адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3).
ORCID: 0009-0000-1486-7113. SPIN-код: 4850-2446. E-mail: vmvero@yandex.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лешаков П.С., Вахрушева В.М. Трансформация меритократии в корейском обществе: от конфуцианских экзаменов к стратификации под влиянием ИИ // Кореeведение. 2026. № 3 (16). С. 79—98. DOI: 10.48647/ICCA.2026.49.59.007.

Over the past few decades the Republic of Korea has demonstrated spectacular economic growth and rapid technological advancement, positioning itself as a global powerhouse. Beneath this facade of developmental success, however, lies a complex matrix of deep-seated social challenges. One of the most acute is the "race for higher education", a phenomenon fueled by rigid meritocratic expectations and increasingly constrained pathways for vertical social mobility. As socioeconomic stratification deepens, children from affluent backgrounds disproportionately monopolize admission to prestigious universities, thereby converting parental wealth into academic credentials and exacerbating systemic inequality. These problems have deep historical roots, linked to the socio-economic transformations that shaped the Korean society at the turn of the twenty-first century.

This obsession with academic credentials, coupled with declining social mobility, is the cumulative product of historical modernization initiatives, compressed economic growth and deeply entrenched cultural values that equate educational attainment with human worth and social success. While meritocracy was long championed as the ultimate engine of democratic equity in post-war Korea, it has increasingly mutated into a mechanism for the reproduction of class privilege.

This article aims to analyze the evolving meritocratic perceptions within the South Korean population and to track their shifting dynamics throughout the twenty-first century. Furthermore, it evaluates the structural effectiveness of the contemporary Korean meritocratic model as a tool for moderating social inequality, ultimately assessing the future viability and development prospects of meritocracy in an era of deepening social polarization.

The Concept of Meritocracy

Traditionally defined as a system of governance predicated on individual merit, the term "meritocracy" was first brought into mainstream discourse by British sociologist Michael Young in his 1958 political satire "The Rise of the Meritocracy: 1870—2033"[1], where it was originally intended to have a pejorative meaning. Young traced the intellectual lineage of merit-based systems back to classical antiquity, most notably through Plato's philosophical frameworks. Simultaneously, he cautioned against the systemic by-products of its widespread implementation, warning that meritocracy could exacerbate social inequality, foster entrenched elites and ultimately devolve into a mechanism of societal fragmentation and injustice. In contrast to this Eurocentric timeline, contemporary literature offers a significant revisionist perspective. Scholars such as Bell (2012), Poocharoen and Brillantes (2013), Babcock and Freivogel (2015), Seo (2015) and Zhang (2015) present compelling evidence that the foundational tenets of meritocracy actually emerged in Asia[2]. Supporting this thesis, John M. Hobson, in his debated work 'The Eastern Origins of Western Civilisation', proposes that the doctrine of individual merit originated in China and was subsequently transmitted to the West through the dissemination of Confucian texts[3], although this specific idea remains highly controversial among historians.

[1] Young M. The Rise of the Meritocracy, 1870 — 2033. — London: Thames & Hudson. 1958. (p. 160).

[2] Kim Chang-Hee, Choi Yong-Beom. How Meritocracy is Defined Today: Contemporary Aspects of Meritocracy // Economics and Sociology. 2017. № 10(1):112.

[3] Hobson, J. M. The Eastern Origins of Western Civilisation. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press. 2004.

Meritocracy, as a model of socio-economic relations, according to the definition by scholars Kim Chang-Hee and Choi Yong-Beom, is "a system of social relations in which an individual's advancement in society is based on their abilities and merits, rather than on their family status, wealth, or social background"[1]. Within this approach to meritocracy, it is believed that the agents who make social development possible are individuals with exceptional abilities, and, consequently, those with ability have a right to social rewards and privileges. However, critics of meritocracy argue that this discourse symbolizes the concept of "fair ability", while its actual purpose is to justify the privileges of a narrow elite and consolidate their advantages, leading society into the so-called "meritocracy trap"[2]. D. Markovits points out that "meritocracy" is a cover used by small, privileged groups to justify their position, rather than a means to achieve social justice[3]. Thus, through meritocracy in a neoliberal society, where the role of private capital is profound, elites who already possess wealth and power utilize "abilities" as a justification for their status, thereby driving a wedge into social stratification and reinforcing an unjust structure.

Western and Eastern Approaches to Meritocracy

Meritocracy operates primarily as an evolving intellectual construct. Consequently, specific merit-based practices within a society may vary depending on context and culture.

Analyzing the dynamics of attitudes toward the very concept of meritocracy in scholarly works from negative to more positive Kim Chang-Hee and Choi Yong-Beom conclude that "the practice of meritocracy can vary significantly between Western and Asian nations, as well as among and between individuals within those cultures"[4]. The primary distinction lies in what constitutes "abilities" within the Western and Eastern models, and how this definition influences the perception and implementation of meritocratic principles.

Within the Western approach, abilities are viewed as the result of personal effort, talent and initiative, serving as key drivers of success. The emphasis is placed on transparent, objective evaluation systems and the equality of opportunity. For instance, the United States developed and implemented a system of uniform standardized testing for admission to prestigious universities to ensure that every individual could realize their potential regardless of social origin, as well as secure scholarships fully covering the cost of tuition at top-tier institutions. Within this system, success and vertical social mobility are increasingly based not only on formal knowledge and technical skills but also on personal attributes such as communication skills, emotional intelligence, teamwork and adaptability — the so-called soft skills[5]. Competition is considered the driving force of progress, while continuous self-education becomes a necessary prerequisite for successful adaptation in a rapidly changing world.

[1] Kim Chang-Hee, Choi Yong-Beom. How Meritocracy is Defined Today: Contemporary Aspects of Meritocracy // Economics and Sociology. 2017, № 10(1):112.

[2] Meritocracy trap — the concept that meritocracy has shifted from meaning 'the rule of the deserving' to a system used by economic elites to perpetuate inequality.

[3] Markovits Daniel. The Meritocracy Trap. U.K.: Penguin. 2020.

[4] Kim Chang-Hee, Choi Yong-Beom. How Meritocracy is Defined Today: Contemporary Aspects of Meritocracy // Economics and Sociology. 2017. № 10(1):112.

[5] Soft-skills — universal socio-psychological skills, independent of any specific profession, that determine a person's effectiveness in work, communication, and teamwork.

Traditionally, the Eastern approach to understanding meritocracy is considered to possess distinct features shaped by Asian cultural values[1]. Within this framework, individual abilities are often viewed as qualities shaped by education and personal development, deeply connected to one's social roles and family responsibilities. The Eastern approach is anchored in the values of harmony, collectivism and respect for elders; thus, it emphasizes the significance of social ties, deference, adherence to filial piety and the recognition of each individual's contribution to the common good. Concurrently, this leads to a diminishing prioritization of competitive drivers in favor of robust regulatory frameworks by the state. K.V. Asmolov notes that "within the Confucian paradigm of fairness, the idea of social equality and equal opportunity for all is viewed differently[2], as the ethical aspect prevails over the social one, meaning that equal opportunities were historically constrained by rigid hierarchical roles".

This divergence in conceptualizing meritocracy is further reflected in the contrasting attitudes toward the learning process displayed by students from Western versus Asian backgrounds. Drawing on a 20-year longitudinal study tracking student behavior across 14 elite American universities with a particular focus on the motivation and academic performance of domestic U.S. students and various Asian diasporas, Kim Young-Choon (김영준) concluded that Korean students exhibit a distinct mindset. Specifically, they perceive university entrance examinations as a guaranteed passport to a successful life. Consequently, "once they cross the university threshold after exerting maximum effort, they begin to think they can rest and relax, much like someone who has already achieved everything."[3] This behavior may suggest that, despite traditional collectivist values, for Korean students, competitive examinations and admission to a top-tier university serve primarily to validate their existing status and individual merit, reflecting localized egotistic traits, rather than acting as a springboard for subsequent growth and development. A similar attitude regarding admission to South Korea's three most prestigious institutions, the "SKY" universities, is documented by Andrei Lankov, who observes that "in the minds of Korean applicants and their parents, getting into these universities is roughly equivalent to entering paradise or ascending to heaven"[4].

Thus, it can be concluded that the Western model of meritocracy places a premium on ability as the product of individual effort, talent, and initiative. Under this framework, continuous development through formal and self-directed education is deemed highly viable, reflecting an individualistic and optimistic outlook regarding human potential. Conversely, the Eastern approach more frequently conceptualizes ability as an extension of one's inner spiritual and social "destiny." Within this paradigm, adherence to traditional values, collective harmony and respect for social hierarchy take precedence; consequently, the cultivation of ability is oriented toward maintaining societal balance and order rather than pursuing individual advancement.

---

[1] Jang Eun-Joo. Confucian Characteristics of Korean Democracy: An Approach from a Republican Perspective // Journal of Confucian Philosophy and Culture. 2020. Vol. 34. Pp. 155—83.

[2] Asmolov K. V. Korean Political Culture: Traditions and Transformations. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2017. 704 p. (Chapter 1). (In Russian)

[3] 김영준. 한국의 능력주의, 미국의 능력주의 [Kim Young-choon. Korean Meritocracy, American Meritocracy]. Hankyoreh, July 17, 2022. URL: https://www.hani.co.kr/arti/opinion/column/1051003.html (accessed: 15.01.2026). (In Korean)

[4] Lankov A. Not Only Kimchi: The History, Culture, and Everyday Life of Korea. Al'pina Pablisher. 2024. 608 p. (Chapter 43.) ISBN: 9785002232338. (In Russian)

The Korean Model of Meritocracy and the Influence of Confucianism

Confucianism, which profoundly shaped the cultural and political ideology of Korea, placed a premium on education and adherence to a strict corpus of ethical and regulatory codes that meticulously governed interpersonal relationships, social order and state administration. Within this framework, the status of state officials was determined not merely by individual merit or ancestral lineage, but by profound erudition in canonical Chinese texts, such as the Classic of Filial Piety (Xiaojing) and the Analects (Lunyu), alongside their corresponding behavioral protocols and administrative norms. To attain high government office, candidates were required to pass highly structured civil service examinations. This institutional practice transformed the selection process into an objective evaluation, thereby mitigating the influence of hereditary privilege. The historical trajectory of these bureaucratic examinations dates back to the Silla Kingdom in 788.

Consequently, traditional examination mechanisms, rooted in the historical evaluation of knowledge and moral virtues through state examinations, laid the cultural foundations and established the cornerstone principles for a professional bureaucracy, although that system in traditional Korea was heavily constrained by a hereditary aristocracy that transformed exams into a tool for entrenching elite privileges.

The Republic of Korea commenced its modern history in August 1948, following its liberation from Japanese colonial rule and the partition of the peninsula along the 38th parallel. Amidst the post-war dictatorial regime, industrial development opportunities were restricted exclusively to entrepreneurs who actively supported the Syngman Rhee government or held membership in the ruling Liberal Party. This dynamic fostered a symbiotic alliance between state authorities and private capital, giving rise to the chaebols — large, family-controlled financial and industrial conglomerates. Following the 1961 military coup, General Park Chung-hee assumed power. As Kurbanov S.O. notes, a defining feature of Park's economic strategy was the rigorous state regulation of these chaebols[1]. The government incentivized conglomerates whose corporate activities aligned with national strategic plans. Concurrently, by closely monitoring their production outputs, the state ensured that the burgeoning economic influence of these corporations did not translate into political power. By engineering conditions conducive to the rapid expansion of chaebols, the nation rapidly transformed into a prosperous, industrialized, export-oriented economy. During this era of intense economic growth, human capital and the Korean population's capacity for industrious labor played a pivotal role. Nevertheless, access to higher education remained tightly regulated by the state through strict enrollment quotas. According to Andrei Lankov, the military governments feared an overproduction of university graduates, which led to a strict regulation of the higher education sector as the number of universities was reduced from 71 to 44 and enrollment quotas were slashed from 91,000 to 55,000 to match the actual market demand for highly qualified specialists[2].

[1] Kurbanov, S. O. History of Korea: From Antiquity to the Beginning of the 21st Century. St. Petersburg University Press, 2009. 680 p. Pp. 304, 328. (In Russian)

[2] Lankov A. Not Only Kimchi: The History, Culture, and Everyday Life of Korea. Al'pina Pablisher. 2024. 608 p. (Chapter 43.) (In Russian)

This rapid economic growth drove high social mobility and led to the emergence of a strong middle class. Within this environment, meritocratic systems existed alongside the entrenched privileges of the economic elites. However, because the vast majority of the population worked remarkably hard, a widespread social belief emerged: that merit and perseverance directly guarantee success. This "effort=success" paradigm became the core ethos of South Korean meritocracy, a dynamic that persisted until the early 1990s.

During the intense democratization of Korean society between 1993 and 1994, the government liberalized access to higher education. As a result, the number of high school graduates entering universities escalated rapidly. However, this sudden democratization of access also triggered an unprecedented level of competition within the educational sphere.

In contemporary South Korean society, the concepts of meritocracy and social justice remain highly salient. However, recent public discourse has increasingly highlighted a crisis of meritocracy, driven by widening educational and economic disparities, which has prompted demands for a re-imagined model of justice based on genuine fairness. Higher education, which historically served as a reliable vehicle for upward vertical mobility, is no longer a guarantee of financial well-being. This intersection of inequality and modern meritocratic institutions, including state examinations and corporate recruitment, has captivated both academic circles and the broader public. A prominent example is Park Kwon-il's (박권일) recent book "K-Meritocracy" which won the grand prize at the 2022 Lotte Publishing Culture Awards. Park characterizes Korean society as one that tolerates inequality but fiercely opposes injustice, emphasizing that public discontent stems from flawed processes rather than disparate outcomes. Within this cultural framework, socioeconomic inequality is deemed acceptable not merely as a product of market competition, but as a morally justified outcome reflecting differences in individual ability and effort. For South Koreans, the mechanisms for recognizing merit, particularly standardized examination scores, must be strictly impartial because a transparent selection process serves as the ultimate tool to legitimize social hierarchy and maintain collective harmony. Conversely, sociologists from Ewha Womans University argue that a critique of Korea's modern meritocratic model requires examining how specific historical, political, and economic processes culminated in the current social landscape, how these conditions deteriorated, and where the trajectory is heading today[1].

Human capital as a strategic resource

Amidst the rapid economic growth and modernization of the Republic of Korea, meritocratic ideals predicated on fair competition and desert-based[2] rewards became deeply entrenched in the social consciousness. These ideals postulated that labor, diligence, education and individual achievements constitute the primary metrics of social status.

[1] 신혜진. 한국 사회의 메리토크라시 (Meritocracy) 특성 비판 [Shin Hye-jin. A Critique of the Characteristics of Meritocracy in Korean Society] // The Korean Journal of Chiristian Social Ethics. 2022, №53. Pp. 35—78. (In Korean)

[2] Desert-based rewards refer to the philosophical concept of distributive justice where goods, wages, or social status are allocated to individuals based strictly on what they personally deserve in virtue of their efforts, virtues, or achievements, rather than external entitlements or inherited privilege. (Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/entries/desert/)

In recent years, however, the visibility of structural inequalities and persistent barriers to social mobility has transformed this framework into a subject of intense public concern. This shift raises a critical question: how relevant and sustainable are meritocratic principles under contemporary conditions, what role does educational accessibility play, and how does social inequality constrain social mobility in the twenty-first-century Korean society?

To establish a more comprehensive understanding, it is necessary to examine the foundational period of South Korea's economic development by comparing the dynamics of per capita GDP with university enrollment trends. In evaluating higher education accessibility, analyzing the absolute number of admitted students can be misleading due to demographic fluctuations. Consequently, it is methodologically rigorous to analyze the enrollment rate, specifically the percentage of university matriculants relative to the corresponding youth population cohort.

Following the Korean War and the subsequent division of the peninsula (1950—1953), the nation experienced rapid economic development, with the era known as the "Miracle on the Han River" tracing its origins back to the 1960s. Throughout the 1980s and 1990s, while focusing heavily on industrialization and export-oriented sectors, the government prioritized educational development as the cornerstone of modernization. Examining the period from the 1980s to the 1990s, Oh Jiho concludes that while the Republic of Korea serves as a prime example of a nation that successfully leveraged human capital to achieve meritocratic success, it subsequently faced structural challenges in human capital management that exacerbated inequality[1]. Although human capital development triggered economic growth and technological innovation, it concurrently widened social disparities. Because access to premium education and quality healthcare became concentrated among wealthier, privileged strata, these groups were able to invest disproportionately more in expanding their skills and knowledge, thereby consolidating their elevated social status. Consequently, talented and highly educated individuals from affluent backgrounds secured monopolized access to prestigious positions and critical resources, while marginalized segments of the population remained on the periphery. This dynamic engendered a vicious cycle of entrenched social stratification, converting human capital development into a mechanism that reinforces existing class division rather than bridging them.

According to World Bank data[2], South Korea achieved upper-middle-income country status in 1995, recording a nominal GDP per capita of approximately $8,000 (at current prices), which surged to over $34,000 by 2023 (Fig. 1) serving as a testament to profound economic transformations. However, the 1997—1998 Asian Financial Crisis severely impacted the domestic economy, causing GDP to contract by 5.1% in 1998. This period marked a critical structural turning point, triggering a permanent deceleration of economic growth rates. The crisis forced the nation to thoroughly reevaluate its domestic priorities, while precipitating massive job losses and fundamentally reshaping the structure of the labor market.

[1] Oh Jico. Meritocracy as an Ideology for Neoliberalism: A Korean Case // Journal of Confucian Philosophy and Culture. 2023. Vol. 41.

[2] World Bank, GDP per capita, Country official statistics, Korea. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=KR (accessed: 01.12.2025).

Despite these setbacks, post-crisis economic recovery was rapid: between 2000 and 2010, GDP expanded at an annual rate of approximately 4—5%, with economic growth reaching 3.3% in 2013. However, these robust macroeconomic indicators were accompanied by intensifying competition for admission to prestigious universities.

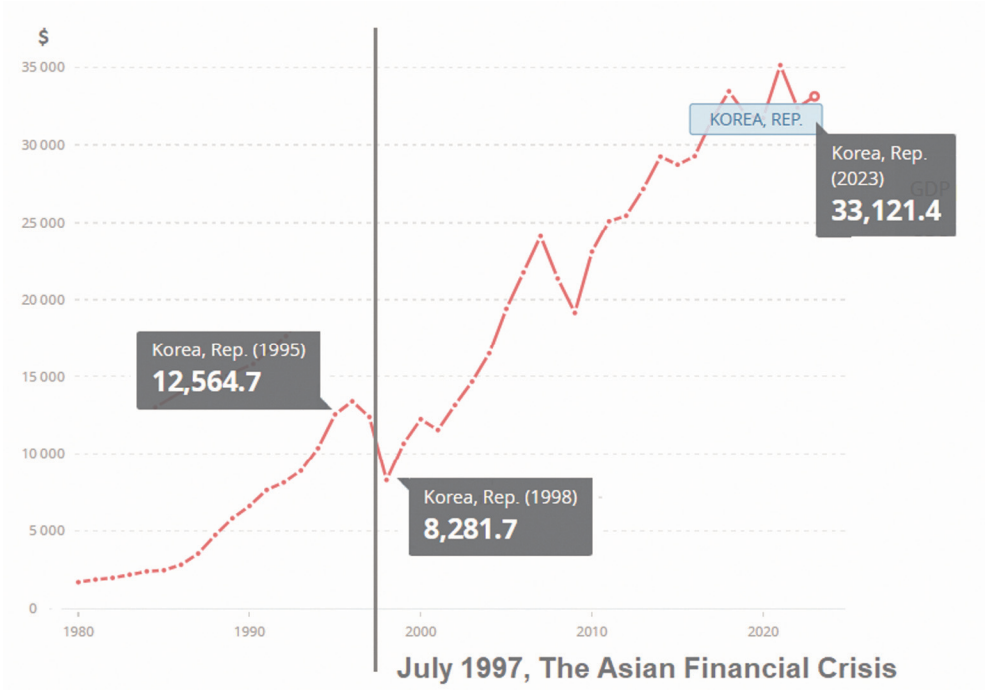

Figure 1. Trends in South Korea's Per Capita nominal GDP, 1980—2023.
Source: World Bank, GDP per capita, Country official statistics, Korea.

The beginning of a profound transformation in South Korea's educational meritocracy model can be identified between 2007 and 2009, when the hyper-inflation of university degrees began to undermine higher education as a reliable mechanism for upward mobility. During these years, the university enrollment rate surpassed 70% of the corresponding youth cohort for the first time, subsequently reaching a saturation plateau (Fig. 2), that shifted competition from simply obtaining a degree to securing admission into elite institutions. Nowadays this high-enrollment trend has proven persistent; for instance, in 2024, over 74% of high school graduates enrolled at universities which shows a figure that has nearly doubled since 1995[1].

An analysis of the trends illustrated in Figure 2 reveals a sharp, exponential increase in the university enrollment rate starting in 1994. This surge coincided with the abolition of state-enforced university admission quotas. Furthermore, the 1993—1994 period marked the piloting and subsequent official implementation of the College Scholastic Ability Test

[1] Jun L. Yoon. University enrollment rate South Korea 1980—2024. Statista. 2025. URL: https://www.statista.com/statistics/629032/south-korea-university-enrollment-rate/ (accessed: 01.12.2025).

(Suneung), the standardized national examination for university admission in the Republic of Korea.

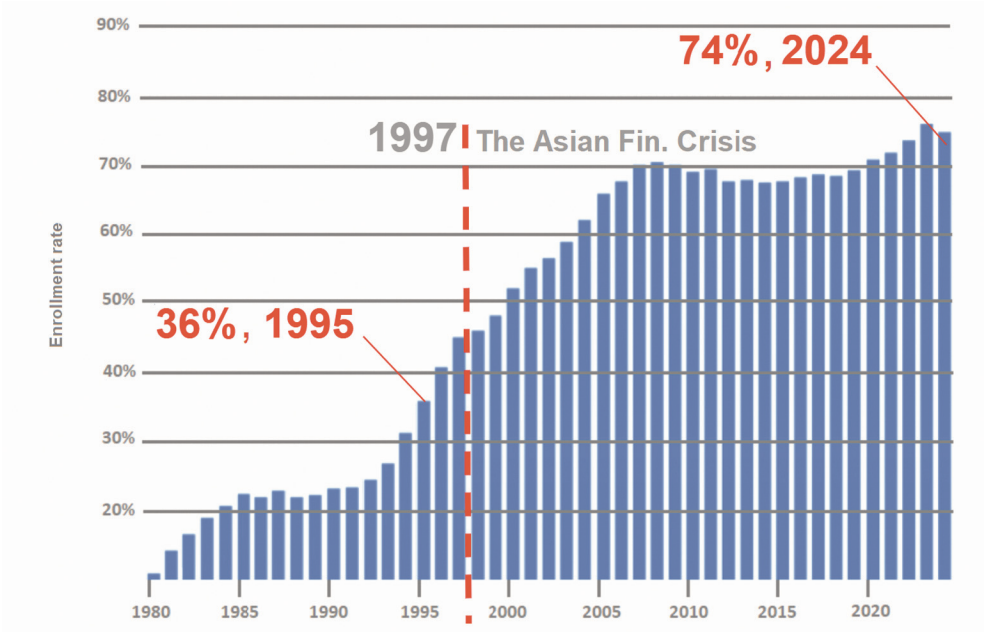

Figure 2. University Enrollment Rates in the Republic of Korea, 1980—2023.
Source: Compiled based on Statista data, University enrollment rate in South Korea from 1980 to 2024.

Particular attention must be paid to the fact that the 1997 Asian Financial Crisis did not diminish the youth population's aspiration to obtain higher education. While the state executive branch and economic elites sought to navigate and overcome the crisis, the majority of the citizens, who had previously identified as middle class, confronted the harsh realities of widening income inequality, domestic market stagnation and employment instability.

Currently, for the past 15 years, over 70% of South Korean youth have successfully attained higher education, with a continuous influx of newly credentialed specialists with elevated career expectations entering the labor market annually. This hyper-educated workforce is driven by a deep-seated meritocratic belief that an elite corporate position is the only valid marker of personal success. However, as M.P. Kukla points out, a structural imbalance between the growth trajectories of small businesses and large conglomerates has led to "ingrained preferences among Korean university graduates to seek employment exclusively within major conglomerates or public sector entities."[1] V.G. Samsonova analyzing the South Korean labor market observes that social inequality and labor market dualism directly fuel the country's record-low fertility rates and systemic demographic crisis. She projects that without structural reforms the resulting labor force contraction by 2050 could

[1] Kukla M.P. Republic of Korea: Towards a Creative Economy // Asia and Africa today. 2016. № 9. (In Russian)

depress GDP by 28.4%, thereby exacerbating social polarization and intensifying elderly poverty.[1] Ultimately, this projected demographic and economic collapse reflects the extreme socio-economic costs of a hyper-competitive meritocratic race, where the pressure of achieving validated success dismantle the very foundations of social reproduction.

Korea's "broken social ladder"

During the era of rapid macroeconomic growth, known as the "Miracle on the Han River", spanning from the early 1960s to the late 1990s, the Republic of Korea exhibited remarkably high levels of social mobility, driven by mass urbanization, a structural shift toward industrial and professional employment, and the rapid expansion of a stable middle class. In recent decades, however, the phenomenon of the "broken social ladder" or stagnant social mobility has emerged as a central theme within academic discourse. Major media outlets[2] regularly draw public attention to systemic inequities, while social activists and non-governmental organizations continuously advocate for the mitigation of educational barriers, the expansion of social welfare programs, and the eradication of deeply structural inequality.

Consequently, a profound sense of pessimism regarding the future and the viability of vertical mobility has penetrated the South Korean society. According to a comprehensive survey[3], conducted by the Ministry of Data and Statistics in May 2025, which sampled approximately 34,000 individuals, 54% of respondents evaluated the probability of social mobility for the next generation as low. Furthermore, 74% of those surveyed reported anticipating that their household's financial situation over the coming year would either stagnate or deteriorate.

According to a 2024 report by the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD), the social mobility coefficient in the Republic of Korea is estimated at approximately 0.45 on a scale from 0 to 1)[4], a figure that falls below the average for the 38 OECD member states and reflects a persistent downward trend in upward mobility over the last two decades. This negative dynamic signals a transition from the flexible social scaling of the early modernization era into a period of rigid structural persistence and entrenched social inequality.

Socioeconomic disparity and discrimination remain among the most acute challenges confronting modern Korean society. This crisis is inherently linked to the rigid institutionalization of a dual labor market, which is strictly split into regular and non-regular em-

[1] Samsonova Viktoria. The Labor Market and the Economic Development of the Republic of Korea // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation Institute of China and Contemporary Asia Russian Academy of Sciences — Moscow ICCA RAS, 2025. 188 p. (In Russian)

[2] 신혜진. 한국 사회의 메리토크라시 (Meritocracy) 특성 비판 [Shin Hye-jin. A Critique of the Characteristics of Meritocracy in Korean Society] // The Korean Journal of Chiristian Social Ethics. 2022, №53. Pp. 35—78. (In Korean)

[3] Kim Seung-hyeon. South Koreans Pessimistic on Social Mobility // The Chosun. November 11, 2025. URL: https://www.chosun.com/english/market-money-en/2025/11/11/454PNO63VFCU7FQFBNWYWN3VPI (accessed: 01.12.2025).

[4] OECD Economic Surveys: Korea 2024 // OECD Publishing, Paris. URL: https://doi.org/10.1787/c243e16a-en (accessed: 01.12.2025).

ployment tracks due to a substantial proliferation of precarious, non-regular jobs. The core issue of this disparity lies in its structural design: it creates a closed system wherein access to high-paying, stable employment is effectively blocked for individuals who do not possess a degree from an elite university[1].

Following the introduction of the standardized national examination, competition for admission into top-tier universities intensified dramatically, particularly within legal, medical, and engineering faculties. However, the true educational arms race was catalyzed by the aftermath of the 1997 financial crisis. To maximize an applicant's probability of success, families are frequently required to make massive capital investments in their child's education. Consequently, a social paradigm emerged in South Korean society where exam preparation commences as early as primary school. This shift generated an immense market demand for private supplementary tutoring. This shadow education sector encompasses hagwons[2], private tutors, and preparatory courses, essentially any resource capable of increasing the likelihood of admission to a top-tier university, which simultaneously exacerbates social inequality. Shin Nam-ho, a prominent educational policy expert, underscores that this educational disparity has become a primary driver of broader social inequality, pushing marginalized strata toward systemic poverty and severely constraining their capacity for income growth and vertical social mobility[3].

The intense pressure for upward mobility in South Korea's hyper-competitive society has tightly linked financial investment to academic exhaustion, making South Korean students among the most heavily burdened in the world. According to 2022 data from the Ministry of Education, the average household allocated approximately 12% of its income to a child's education[4]. Crucially, high-income households (earning over 8 million won per month) expend significantly more, averaging around 648,000 won, whereas lower-income families spend roughly three times less on educational needs.

As the prestige associated with elite credentials grows and competition within the educational sphere intensifies, expenditures on shadow education continue to escalate. According to a 2024 OECD report[5], per-student spending on private supplementary tutoring exceeded 440,000 won in 2023. This highlights a significant growth trajectory when contrasted with the period's lowest expenditures of 2013, where the spending equaled approximately 290,000 won when adjusted for 2023 prices, representing a nearly 1.5-fold increase between these specific tracking points (Fig. 3). Furthermore, the report underscores that “private education spending is positively correlated with parents' income and academic achievement”.

[1] 신남호. 고교학점제, 사회개혁 없이도 작동할 수 있을까? [Shin Nam-ho. Can the High School Credit System Function Without Comprehensive Social Reform?] // The Edu. December 19, 2025. URL: https://www.te.co.kr/news/article.html?no=27600 (accessed: 02.02.2026). (In Korean)

[2] Hagwons — private supplementary education institutions that students attend after daily school sessions. Most South Korean pupils begin their enrollment here at the age of 5 year old.

[3] 신남호 교육칼럼] 우리의 교육불평등과 대안들 // 정미하. April 12, 2019 [Shin Nam-ho. Educational Column: Our Educational Inequality and Alternatives. April 12, 2019. Jeong Mi-ha]. URL: https://vop.co.kr/A00001397519.html (accessed: 02.02.2026). (In Korean)

[4] Park Jun-hee. Spending on private education surpasses W26tr in 2022 // Korea Herald. March 7, 2023. URL: https://www.koreaherald.com/article/3076418 (accessed: 01.11.2025).

[5] OECD (2024), OECD Economic Surveys: Korea 2024 // OECD Publishing, Paris. URL: https://doi.org/10.1787/c243e16a-en (accessed: 01.12.2025).

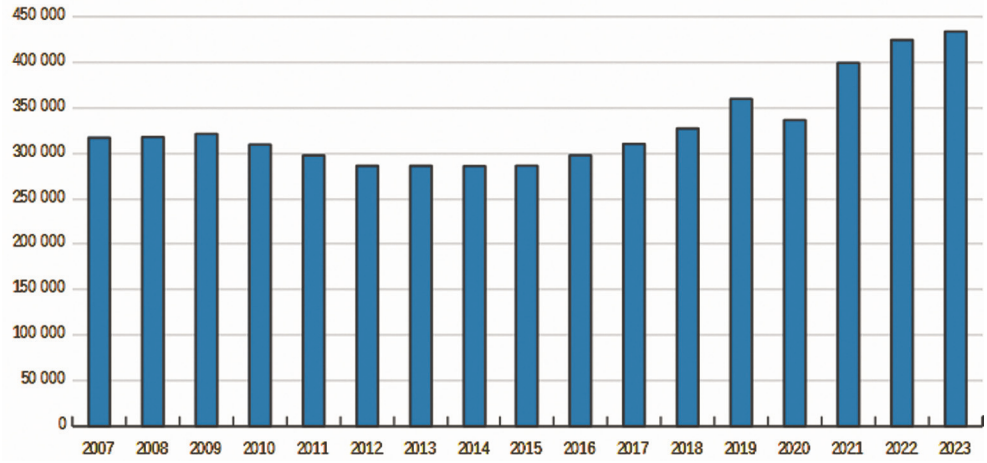

Figure 3. Monthly private education expenditure per student, at constant prices (2007—2023).
Source: OECD Economic Surveys: Korea 2024, Korean Statistical Information Service.

Thus, in the twenty-first century, education operates as the pivotal mechanism of social stratification in South Korea, ultimately triggering the stagnation of vertical social mobility.

State Intervention and Educational Accessibility

Government policies designed to mitigate educational disparity typically focus on providing state assistance to schools in low-income districts and enhancing learning conditions. The South Korean trajectory, however, diverged significantly, necessitating regulatory measures specifically designed to decelerate the intense educational arms race. For instance, in 2006, the state imposed a strict 10:00 PM curfew on the operation of hagwons[1]. Nevertheless, deeply ingrained cultural paradigms regarding higher education as the exclusive avenue to socioeconomic success remain potent. This persistent societal expectation exerts immense pressure on the youth population, precipitating high stress levels and pervasive psychological challenges tied to intense academic competition.

Social policy in the Republic of Korea, irrespective of political orientation, whether conservative or progressive, remains fundamentally focused on addressing long-standing, systemic societal issues. These priorities include depressing unemployment rates, generating high-quality employment opportunities, curbing the unchecked influence of major conglomerates and contracting broader socioeconomic inequality. Such policy interventions underscore the critical need to dismantle chronic structural imbalances accumulated over decades, a task that demands sustained, targeted state intervention.

In 2013, President Park Geun-hye implemented systemic measures aimed at stimulating economic growth and generating new, high-quality employment opportunities within

[1] Han Sang-hee. Private education costs fall for 1st time in decade // The Korea Times. 15 February, 2011. URL: https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/20110215/private-education-costs-fall-for-1st-time-in-decade (accessed: 20.02.2026).

the framework of the "creative economy" paradigm. The core tenets of this initiative focused on "forging new industries and novel products, both goods and services, predicated on innovation, culture, small and medium enterprises, human creative potential and robust support for startups"[1].

This attempt to revitalize the economy proved successful, prompting the subsequent administration of President Moon Jae-in to sustain the strategic focus on innovation and digitalization. A cornerstone of Moon's social policy was a 16% increase in the minimum wage in 2018, which served as a critical driver for upgrading quality of life and stimulating domestic demand. Concurrently, the education sector underwent a series of structural shifts. In 2019, the early childhood curriculum framework (covering ages 3 to 5) was reformed to introduce a play-based learning methodology designed to foster creativity and individualized developmental approaches. In practice, however, many parents expressed disappointment with the integration of play-based pedagogy, preferring the highly structured thematic lesson plans previously utilized[2]. To expand access to educational resources for primary and secondary students, the government launched an online learning platform in 2021 that provided open access to digital textbooks across various subjects. Additionally, an artificial-intelligence-driven digital assistant was introduced for elementary school students to practice English speech proficiency, acting as a structural substitute for private tutoring services[3].

In 2023, following sharp criticism from President Yoon Suk-yeol regarding the configuration of standardized testing, the Ministry of Education announced comprehensive plans to streamline examinations by eliminating highly complex items known as the notorious "killer questions" that exceeded the scope of the standard public school curriculum[4]. While reflecting a pragmatic, populist measure designed to alleviate immediate public discontent, this state intervention marks a critical step toward reshaping the high-stakes academic race. Previously, the inclusion of examination questions requiring advanced university-level knowledge directly stimulated the expansion of the private tutoring sector, which thrived by drilling students on specialized techniques to solve these problems.

Following the impeachment of President Yoon Suk-yeol, Lee Jae-myung assumed the presidency in the summer of 2025. In the realm of social policy, President Lee has largely adhered to the trajectories established by his predecessors, both conservative Yoon Suk-yeol and progressive Moon Jae-in, thereby emphasizing policy continuity in addressing systemic social challenges and executing a targeted expansion of the state welfare apparatus.

As part of institutional efforts to reduce social friction and ease societal pressure on the youth population, the Republic of Korea continues to implement a comprehensive suite of

[1] Kukla M.P. Republic of Korea: Towards a Creative Economy // Asia and Africa today. 2016. № 9. (In Russian)

[2] Lee Ji Young, Wright C. A., Michnick Golinkoff R., Hirsh-Pasek K. Another case of the theory to practice gap: South Korean early childhood education and care // Early Childhood Research Quarterly. 2023. Vol. 65. Pp. 385—395.

[3] Education in Korea 2021 // Ministry of Education. P. 31. URL: https://kecmy.com/upload/files/1660704640_1432b584e91934246517.pdf (accessed: 20.02.2026).

[4] Kim Han-joo. Gov't to exclude 'killer' questions from college entrance exam: presidential office // Yonhap News Agency. June 19, 2023. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20230619003100315 (accessed: 20.02.2026).

state regulatory mechanisms. Outlining the cornerstone strategies for South Korea's national development agenda in 2026, President Lee Jae-myung championed the directive of "inclusive growth predicated on the equitable distribution of opportunities and public goods"[1]. This paradigm serves as a direct conceptual extension of President Moon Jae-in's "income-led growth" model, which previously facilitated systematic increases in the minimum wage and mandated the reduction of the statutory workweek from 68 to 52 hours in 2018. Building upon this foundation, in September 2025, Lee Jae-myung proposed a further reduction of the workweek to 4.5 days by 2030 without a corresponding reduction in base wages[2]. This intervention is strategically designed to stimulate fertility rates and enhance overall quality of life. The same article in "The Korea Herald" highlights a report[3] by the Sustainable Growth Initiative (SGI) confirming that "reduced working hours can boost job satisfaction and spur consumption due to increased leisure time". Shifting the public focus toward "here-and-now" lifestyle consumption could foster an enhanced sense of life satisfaction and personal success across society.

Conversely, this reform risks driving up labor costs, a dynamic that would disproportionately penalize small and medium-sized enterprises (SMEs). As documented by BusinessKorea, Song Chi-young, head of the Korea Federation of Micro Enterprises, cautioned that "overtime pay liabilities would heavily drive up labor costs and render small businesses economically vulnerable"[4]. Consequently, these heightened financial burdens could trigger sharp contractions in payroll capacities, thereby inadvertently exacerbating the pre-existing crisis of high youth unemployment.

Building upon Yoon Suk-yeol's standardized testing reforms, the administration of Lee Jae-myung plans to overhaul the administration and evaluation framework of the College Scholastic Ability Test (*Suneung*), which accommodates approximately 500,000 examinees annually. By 2030, short-answer and constructed-response items are projected to constitute 50% of the examination content. Experts from the national teachers' union note that this structural shift represents a radical departure from South Korea's traditionally dominant multiple-choice format[5]. This initiative can be interpreted as a mechanism to enhance the validity and fairness of assessment outcomes. Constructed-response tasks require examinees to demonstrate actual comprehension and articulate independent reasoning rather than merely selecting a predetermined option, thereby drastically reducing the probability of chance guessing. Furthermore, this assessment format motivates

[1] Kim Hye-lin. 2026 is 1st year of Korea's great transformation, big leap // Korea.net. URL: https://russian.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=286200 (accessed: 01.02.2026).

[2] Ahn Sung-mi. Plan aims to boost work-life balance, but firms fear competitiveness will slip // The Korea Herald. September 29, 2025. URL: https://www.koreaherald.com/article/10585955 (accessed: 20.02.2026).

[3] SGI BRIEF vol. 34. 임금과 노동생산성 추이, 그리고 근로시간 단축의 영향 [Trends in Wages and Labor Productivity, and the Impact of Reducing Working Hours]. September 23, 2025. DOI: 10.13140/RG.2.2.20090.35520.

[4] Jung Min-hee. Korea's Labor Productivity Lags Behind in 4-day Workweek // BusinessKorea. September 22, 2025. URL: https://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=252651 (accessed: 15.08.2026).

[5] Lee Han-seop. The initiative is overly focused on manpower training // Korean Teachers and Education Workers Union. January 07, 2026. URL: https://learningsuccess.blog/news/education-ai/south-koreas-ai-education-push-raises-questions-about-deep-learning (accessed: 20.02.2026).

the cultivation of higher-order cognitive processing and creativity, the attributes critical for the long-term success of students and, by extension, for the meritocratic principle of talent selection.

Concurrently, the state continues to operate a universally accessible, complimentary online academic support platform designed to democratize access to knowledge irrespective of socio-economic status. A prominent emerging trend within this ecosystem is the integration of Artificial Intelligence (AI). While the previous administration had planned the nationwide deployment of AI-powered digital textbooks by 2028[1], an empirical pilot program launching AI textbooks for English and mathematics across select primary and secondary classrooms in early 2025 faced critical setbacks. By August 2025, the pilot was deemed unsuccessful, and the digital materials were stripped of their official curriculum status[2]. Although Lee Jae-myung and Yoon Suk-yeol were defined by intense political rivalry, the termination of this project was predicated on strictly objective criteria; the platforms suffered from insufficient beta-testing, hardware overheating and factual inaccuracies. Nonetheless, structural interest in leveraging AI within the educational sector remains high.

In November 2025, the Republic of Korea unveiled its ambitious “AI for All” national initiative[3], which is structurally designed to position the country among the world's top three global hubs for artificial intelligence development1. A cornerstone of this reform is the establishment of an “AI Innovation Talent Corridor,” dynamically linking secondary school curricula with specialized undergraduate and postgraduate academic programs. The empirical foundation for this initiative was laid during a pilot project launched in July 2025 across Gyeonggi Province, which continues to evaluate the effectiveness of AI-driven pedagogy and assessment metrics in middle and high school classrooms for Korean language, social studies and natural sciences.

Furthermore, the systemic deployment of artificial intelligence is anticipated to prompt the formulation of hyper-individualized learning trajectories and personalized professional pathways. By providing highly precise, objective and data-driven diagnostic mappings of each student's cognitive strengths and vocational aptitudes, these technologies aim to optimize the macroeconomic allocation of human capital and cultivate a highly competitive workforce.

In the Republic of Korea, an innovative approach to human capital management is inextricably linked to the active participation of the nation's largest conglomerates, reflecting a broader structural shift within contemporary corporate recruitment practices. As an illustration of this trend, in the spring of 2026, the LG Group announced the establishment of South Korea's first corporate-embedded AI Master’s degree program officially accredited

[1] Ministry of Education. Briefing on the Plan for AI Digital Textbooks // Press release. June 06, 2023. URL: https://english.moe.go.kr/boardCnts/viewRenewal.do?boardID=254&boardSeq=95291&lev=0&m=0202&opType=N&page=2&s=english (accessed: 20.02.2026).

[2] AI-powered textbooks fail to make the grade in South Korea // Rest of world. October 15, 2025. URL: https://restofworld.org/2025/south-korea-ai-textbook/?utm_source=substack&utm_medium=email (accessed: 20.02.2026).

[3] Choi Jeong-yoon. W1.4tr blueprint to teach AI from elementary school to the workplace // The Korea Herald. November 10, 2025. URL: https://www.koreaherald.com/article/10612847 (accessed: 20.02.2026).

by the Ministry of Education[1]. Characterized by tuition-free enrollment and a highly rigorous, competitive selection process, the initiative focuses fundamentally on the cultivation of practical proficiencies, human potential and advanced scientific achievements, as underscored by LG Chairman Koo Kwang-mo (구광모). The corporation is architecting a comprehensive, AI-driven educational ecosystem designed to identify and nurture exceptional talent across multiple demographic tiers. This pipeline extends from the "LG Discovery Lab" for adolescents to the "LG Aimers" initiative, culminating in the "LG AI Academy" for accelerating internal workforce expertise. By anchoring advancement in demonstrated knowledge and technical capabilities rather than external socio-economic variables, this corporate framework actively shifts the educational paradigm away from traditional, credential-focused hierarchies toward a performance-based meritocracy centered on practical skills and equal opportunity.

Concurrently, generating structural pathways for social mobility requires sustained state support for entrepreneurial initiatives and the expansion of opportunities for individual self-actualization. In alignment with this economic directive, President Lee Jae-myung has sustained robust legislative and financial backing for state programs optimized for startups and venture capital enterprises[2].

The nation's sustained commitment to digitalization, alongside the expansion of the creative and green economies, indicates that the Republic of Korea is gradually transitioning toward a macroeconomic paradigm characteristic of highly advanced post-industrial societies: the post-growth economy. Within this emerging framework, gross domestic product expansion is displaced as the primary indicator of national success. Instead, the strategic focus pivots from quantitative accumulation to quality of life, long-term environmental and systemic sustainability, and social equity, which are the ideals that are inherently and organically intertwined with a re-imagined model of meritocratic justice. In the South Korean context, this re-imagined framework manifests not as a static system, but as a societal shift toward balancing high-stakes competition with state-enforced opportunities, transforming merit from a tool of rigid social stratification into a mechanism for sustainable, quality-of-life development.

Conclusion

In conclusion, the defining characteristic of South Korean meritocracy lies in the profound tension between its historical Confucian foundations and modern individualistic aspirations. While the traditional system was rooted in statecraft and collective duty, contemporary practices have shifted toward a highly individualized validation of personal status. Consequently, success in competitive selections and examinations is increasingly perceived not as a tool for maintaining static social roles, but as a high-stakes mechanism for individual economic survival and social advancement.

[1] 정미하. "AI 중심은 결국 사람" 구광모 회장 의지 담긴 LG AI대학원 개원 // ChosunBIZ. March 04, 2026. URL: https://biz.chosun.com/industry/company/2026/03/04/56DL7GEMZNDIJF4UV6QVW5ENRU/ (accessed: 15.03.2026). (In Korean)

[2] Kim Hye-lin. 2026 is 1st year of Korea's great transformation, big leap // Korea.net. URL: https://russian.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=286200 (accessed: 01.02.2026).

Contemporary South Korean society increasingly exhibits profound pessimism regarding the actual prospects for vertical social mobility. This trend is accompanied by an intensifying crisis of meritocracy as a system of social relations, wherein the foundational modern belief in an equitable evaluation of individual ability and the just reward of industrious labor, which originally powered the country's era of economic rise, nowadays is systematically eroded under the weight of escalating socioeconomic inequality. Within the public consciousness, the modernization-era "effort=success" paradigm is rapidly being displaced by a "resource=success" model. For South Korean society, this transformation represents far more than a temporary by-product of decelerating macroeconomic growth; rather, it marks a qualitative paradigm shift in how social justice is perceived and operationalized. This volatile social dynamic is further compounded by the fact that the Republic of Korea is navigating a severe, protracted demographic crisis characterized by historically low fertility rates and a rapidly aging population structure. Consequently, this dynamic reflects a profound collision between competing perceptions of meritocracy, leading sociologists, like Oh Jiho[1], to warn that the contemporary Korean model risks devolving into a legally institutionalized mechanism designed merely to legitimize and validate "elite capability".

In the coming years, the government of the Republic of Korea plans to implement a policy agenda targeted at sustainable development and the equitable distribution of public goods. Among the interventions directly designed to reinforce meritocratic principles, a major overhaul of the knowledge-evaluation framework within the national university entrance examination is anticipated. Specifically, the integration of constructed-response questions is expected to incentivize the cultivation of practical, real-world skills while ensuring a more objective assessment process. The Republic of Korea's strategy for sustaining meritocracy demonstrates a long-term, systemic approach anchored in overhauling the talent evaluation framework, democratizing equal access to knowledge, and implementing cutting-edge, AI-driven innovative technologies.

References

Ahn Sung-mi (2025). Plan aims to boost work-life balance, but firms fear competitiveness will slip, The Korea Herald, September 29. URL: https://www.koreaherald.com/article/10585955 (accessed: 20 February, 2026).

AI-powered textbooks fail to make the grade in South Korea. Rest of World, October 15, 2025. URL: https://restofworld.org/2025/south-korea-ai-textbook/?utm_source=substack&utm_medium=email (accessed: 20 February, 2026).

Asmolov, K.V. (2017). Koreyskaya politicheskaya kul'tura: traditsii i transformatsii [Korean Political Culture: Traditions and Transformations], Moscow: Dmitry Pozharsky University, 704 p. ISBN 978-5-91244-217-9. URL: https://library.rucont.ru/file.ashx?guid=65e36ea2-b30d-4512-92db-7948f336593f (accessed: 20 February, 2026). (In Russian)

Choi Jeong-yoon (2025). W1.4tr blueprint to teach AI from elementary school to the workplace, The Korea Herald, November 10. URL: https://www.koreaherald.com/article/10612847 (accessed: 20 February, 2026).

[1] Oh Jiho. Meritocracy as an Ideology for Neoliberalism: A Korean Case // Journal of Confucian Philosophy and Culture. 2023. Vol. 41. This work was supported by the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea (NRF-2021S1A5C2A02089018).

Education in Korea 2021. Ministry of Education. (P. 31). URL: https://kecmy.com/upload/files/1660704640_1432b584e91934246517.pdf (accessed: 20 February, 2026).

Han Sang-hee (2011). Private education costs fall for 1st time in decade, The Korea Times, February 15. URL: https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/20110215/private-education-costs-fall-for-1st-time-in-decade (accessed: 20 February, 2026).

Hobson, J.M. (2004). The Eastern Origins of Western Civilisation, Cambridge: Cambridge University Press.

Jang Eun-Joo (2020). Confucian Characteristics of Korean Democracy: An Approach from a Republican Perspective, Journal of Confucian Philosophy and Culture, Vol. 34: 155—183.

Kim Chang-Hee; Choi Yong-Beom (2017). How Meritocracy is Defined Today: Contemporary Aspects of Meritocracy, Economics and Sociology, Vol. 10, No. 1: 112.

Kim Han-joo (2023). Gov't to exclude 'killer' questions from college entrance exam: presidential office, Yonhap News Agency, June 19. URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20230619003100315 (accessed: 20 February, 2026).

Kim Hye-lin. 2026 is 1st year of Korea's great transformation, big leap. URL: https://russian.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=286200 (accessed: 1 February, 2026).

Kim Seung-hyeon (2025). South Koreans Pessimistic on Social Mobility, The Chosun, November 11. URL: https://www.chosun.com/english/market-money-en/2025/11/11/454PNO63VFCU7FQFBNWYWN3VPI (accessed: 20 February, 2026).

*Kukla, M.P. (*2016). Respublika Koreya: na puti k kreativnoy ekonomike [Republic of Korea: Towards a Creative Economy], Aziya i Afrika segodnya, No. 9. URL: https://archive.asaf-today.ru/images/AA_nomers/2016/201609/Kukla.%20Respublika%20Koreya.pdf (accessed: 20 February, 2026). (In Russian).

Kurbanov, S.O. (2009). Istoriya Korei: s drevnosti do nachala XXI veka [History of Korea: From Antiquity to the Beginning of the 21st Century], St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 680 p. (pp. 304, 328). (In Russian)

Lankov, A. (2024). Ne tol'ko kimchi: istoriya, kul'tura i povsednevnaya zhizn' Korei [Not Only Kimchi: The History, Culture, and Everyday Life of Korea], Moscow: Al'pina Pablisher, 608 p. (Chapter 43). ISBN 9785002232338. (In Russian)

Lee Han-seop (2026). The initiative is overly focused on manpower training, Korean Teachers and Education Workers Union, January 7. URL: https://learningsuccess.blog/news/education-ai/south-koreas-ai-education-push-raises-questions-about-deep-learning (accessed: 20 February, 2026).

Lee Ji Young; Wright, C.A.; Michnick Golinkoff, R.; Hirsh-Pasek, K. (2023). Another case of the theory to practice gap: South Korean early childhood education and care, Early Childhood Research Quarterly, Vol. 65: 385—395.

Markovits, Daniel (2020). The Meritocracy Trap, U.K.: Penguin.

Ministry of Education. Briefing on the Plan for AI Digital Textbooks. Press release, June 6, 2023. URL: https://english.moe.go.kr/boardCnts/viewRenewal.do?boardID=254&boardSeq=95291&lev=0&m=0202&opType=N&page=2&s=english (accessed: 20 February, 2026).

OECD Economic Surveys: Korea 2024. Paris: OECD Publishing. URL: https://doi.org/10.1787/c243e16a-en (accessed: 1 December, 2025).

Oh Jico (2023). Meritocracy as an Ideology for Neoliberalism: A Korean Case, Journal of Confucian Philosophy and Culture, Vol. 41.

Park Jun-hee (2023). Spending on private education surpasses W26tr in 2022, The Korea Herald, March 7. URL: https://www.koreaherald.com/article/3076418 (accessed: 1 November, 2025).

Samsonova, Viktoria (2025). Rynok truda i ekonomicheskoe razvitie Respubliki Koreya [The Labor Market and the Economic Development of the Republic of Korea], Moscow: Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, 188 p. (In Russian)

SGI BRIEF, Vol. 34 (2025). 임금과 노동생산성 추이, 그리고 근로시간 단축의 영향 (Imgeumgwa nodongsaengsanseong chui, geurigo geunrosigan danchugui yeonghyang). [Trends in Wages and Labor Productivity, and the Impact of Reducing Working Hours]. September. DOI: 10.13140/RG.2.2.20090.35520. (In Korean).

World Bank, GDP per capita, Country official statistics, Korea. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=KR (accessed: 1 December, 2025).

Young, M. (1958). The Rise of the Meritocracy, 1870—2033, London: Thames & Hudson, 160 p.

김영준. 한국의 능력주의, 미국의 능력주의 (Hangugui neungnyeokjuui, migugui neungnyeokjuui). [Kim Young-choon. Korean Meritocracy, American Meritocracy]. Hankyoreh, July 17, 2022. URL: https://www.hani.co.kr/arti/opinion/column/1051003.html (accessed: 15 January, 2026). (In Korean)

신남호. 고교학점제, 사회개혁 없이도 작동할 수 있을까? (Gogyohakjeomje, sahoegaehyeok eopsido jakdonghal su isseulkka?). [Shin Nam-ho. Can the High School Credit System Function Without Comprehensive Social Reform?]. The Edu, December 19, 2025. URL: https://www.te.co.kr/news/article.html?no=27600 (accessed: 2 February, 2026). (In Korean)

신남호. 우리의 교육불평등과 대안들 (Uriui gyoyukbulpyeongdeunggwa daeandeul). [Shin Nam-ho. Our Educational Inequality and Alternatives]. Educational Column, April 12, 2019 (Jeong Mi-ha). URL: https://vop.co.kr/A00001397519.html (accessed: 2 February, 2026). (In Korean)

신혜진. 한국 사회의 메리토크라시 (Meritocracy) 특성 비판 (Hanguk sahoeui meritokeurasi (Meritocracy) teukseong bipan). [Shin Hye-jin. A Critique of the Characteristics of Meritocracy in Korean Society]. The Korean Journal of Christian Social Ethics, 2022, No. 53: 35—78. (In Korean)

정미하. "AI 중심은 결국 사람" 구광모 회장 의지 담긴 LG AI대학원 개원 (“AI jungsimeun gyeolguk saram” Gu Gwang-mo hoejang uiji damgin LG AI daehakwon gaewon). [Jeong Mi-ha. “At the Core of AI Is Ultimately People”: LG AI Graduate School Opens, Reflecting Chairman Koo Kwang-mo's Commitment]. ChosunBIZ, March 4, 2026. URL: https://biz.chosun.com/industry/company/2026/03/04/56DL7GEMZNDIJF4UV6QVW5ENRU/ (accessed: 15 March, 2026). (In Korean)

Поступила в редакцию: 13.08.2026 Received: 13.08.2026
Принята к публикации: 30.08.2026 Accepted: 30.08.2026

ЭКОНОМИКА

DOI: 10.48647/ICCA.2026.65.79.008

Р.А. Полончук

Влияние экспортного контроля КНР над критически важными минералами на оборонную промышленность Республики Корея

Аннотация. В статье рассматривается влияние экспортного контроля КНР в отношении критически важных минералов на устойчивость цепочек поставок оборонной промышленности Республики Корея. Анализируются меры Пекина по ограничению экспорта галлия, германия, вольфрама и других стратегически значимых ресурсов, а также их последствия для южнокорейского оборонно-промышленного комплекса. Особое внимание уделяется высокой зависимости Сеула от китайских поставок, росту стоимости сырья и рискам нарушения производственных и экспортных планов. Рассматриваются принимаемые Республикой Корея меры по снижению зависимости от КНР, включая формирование стратегических запасов, развитие собственного производства и переработки критически важных минералов, а также международное сотрудничество. Делается вывод о сохранении в краткосрочной перспективе высокой уязвимости южнокорейской оборонной промышленности перед дальнейшим обострением американо-китайского экономического противостояния.

Ключевые слова: Китай, Республика Корея, критически важные минералы, экспортный контроль, редкоземельные элементы, оборонно-промышленный комплекс, цепочки поставок, стратегическое сырье, американо-китайское соперничество, технологический суверенитет.

Автор: Полончук Руслан Андреевич. Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0000-5495-3016. SPIN-код: 2703-7750.
E-mail: polonchuk@iccaras.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Полончук Р.А. Влияние экспортного контроля КНР над критически важными минералами на оборонную промышленность Республики Корея // Корееведение. 2026. № 3 (16). С. 99—109. DOI: 10.48647/ICCA.2026.65.79.008.

R.A. Polonchuk

The Impact of China's Export Controls on Critical Minerals on the Defense Industry of the Republic of Korea

Abstract. This article examines the impact of China's export controls on critical minerals on the resilience of supply chains in the defense industry of the Republic of Korea. It analyzes Beijing's measures to restrict exports of gallium, germanium, tungsten, and other strategically important resources, as well as their implications for South Korea's military-industrial complex. Particular attention is paid to Seoul's high dependence on Chinese supplies, rising raw material costs, and the risks of disruptions to production and export plans. The article also examines measures taken by the Republic of Korea to reduce its dependence on China, including the creation of strategic reserves, development of domestic production and processing of critical minerals, and international cooperation. The study concludes that, in the short term, South Korea's defense industry will remain highly vulnerable to a further escalation of the U.S.—China economic confrontation.

Keywords: China; Republic of Korea, critical minerals, export controls, rare earth elements, military-industrial complex, supply chains, strategic raw materials, US-China rivalry, technological sovereignty.

Author: Ruslan A. Polonchuk. Ph.D (political science), Senior Research Fellow of the Center for the Study of the Modern History of China and Its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. (Address: 117997, Moscow, Nakhimovskii pr., 32). ORCID: 0009-0000-5495-3016. SPIN-code: 2703-7750. E-mail: polonchuk@iccaras.ru

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interest.

For citation: Polonchuk R.A. Vliyanie eksportnogo kontrolya KNR nad kriticheski vazhnymi mineralami na oboronnuyu promyshlennost' Respubliki Koreya [The impact of China's export controls on critical minerals on the defense industry of the Republic of Korea] // Koreevedenie [Koreanology], 2026, 3 (16): 99—109.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.65.79.008.

Введение

Начало проведения Россией СВО на Украине в феврале 2022 г. и последовавшее за этим масштабное перевооружение европейских стран НАТО создали беспрецедентный спрос на военную технику, который западный оборонно-промышленный комплекс (ОПК) оказался не в состоянии удовлетворить в требуемые сроки. На этом фоне Республика Корея (РК) получила возможность существенно расширить присутствие на мировом рынке вооружений, предложив зарубежным заказчикам конкурентоспособную по стоимости продукцию и относительно короткие сроки поставок [«Новая холодная война» в Азии 2025]. В результате южнокорейский ОПК в последние годы превратился в одного из наиболее динамично развивающихся экспортеров вооружений, прежде всего в Европе и странах НАТО [Кашкаров 2024].

Одновременно рост экспортного потенциала оборонной промышленности усиливает ее зависимость от устойчивости международных цепочек поставок. Существенная часть критически важных минералов, необходимых для производства совре-

менных вооружений, поступает из КНР, сохраняющей доминирующее положение на мировом рынке добычи и переработки ряда стратегических ресурсов. Китайский экспортный контроль в отношении галлия, германия, вольфрама и других материалов создает дополнительные риски для южнокорейской оборонки, способные затронуть как производственные сроки, так и себестоимость военной продукции [Геополитические установки руководства КНР 2026].

В этих условиях американо-китайское соперничество приобретает для Республики Корея не только внешнеполитическое и торгово-экономическое, но и военно-промышленное измерение [Конкуренция между США и КНР 2024]. Сеул принимает меры по формированию стратегических запасов, развитию собственной добычи и переработки критически важных минералов и диверсификации внешних поставок, однако в краткосрочной перспективе сохраняет значительную зависимость от Китая [Мировой рынок вооружений 2018].

Противостояние США и КНР: роль Южной Кореи в новых условиях обстановки

Расширение экспортного контроля КНР в отношении критически важных полезных ископаемых создает новые риски для цепочек поставок оборонной промышленности Республики Корея[1]. Несмотря на то что официальный Сеул инвестирует в создание запасов и развитие собственного производства с целью сокращения зависимости от китайских поставок, южнокорейский ОПК по-прежнему остается уязвимым перед нарастающим экономическим противостоянием между Вашингтоном и Пекином.

Во время встречи президента США Дональда Трампа и председателя КНР Си Цзиньпина, состоявшейся в Пекине 13—15 мая 2026 г., основное внимание средств массовой информации было сосредоточено на том, удастся ли сторонам смягчить ограничения в сфере торговли критически важным сырьем, ставшие частью более широкого торгового противостояния между США и КНР. Начиная с августа 2023 г. Пекин последовательно расширяет и ужесточает экспортный контроль над критически важными минералами. Эти меры имеют далеко идущие последствия не только для гражданской промышленности, но и для производства вооружений и военной техники.

В официальном сообщении Белого дома по итогам саммита отмечалось, что «Китай примет меры для устранения озабоченностей США, связанных с перебоями в цепочках поставок редкоземельных элементов и других критически важных минера-

[1] Автор считает, что экспортные ограничения КНР в отношении критически важных минералов следует рассматривать в контексте более широкого американо-китайского технологического и торгово-экономического противостояния. Его ключевым направлением в последние годы стало взаимное ограничение доступа к стратегически значимым технологиям и ресурсам. США последовательно расширяют экспортный контроль в отношении передовых полупроводников, оборудования для их производства и других технологий, которые Вашингтон рассматривает как имеющие значение для национальной безопасности и военно-технологического потенциала КНР. В ответ Пекин начал использовать собственное преимущество в сегменте критически важных минералов и материалов, значительная часть добычи и особенно переработки которых сосредоточена на территории Китая.

лов»[1]. Однако каких-либо конкретных обязательств или механизмов реализации этих намерений представлено не было. Более того, в официальном китайском сообщении по итогам встречи аналогичные заявления отсутствовали[2].

Напротив, уже 15 июня 2026 г. Госсовет КНР ввел в действие Постановление № 839, обеспечивающее реализацию Закона КНР о минеральных ресурсах. Документ предусматривает возможность применения «контрмер» в отношении иностранных государств, вводящих по мнению Пекина «дискриминационные» ограничения[3]. Одной из стран, оказавшихся своеобразной «сопутствующей жертвой» американо-китайского соперничества, стала Республика Корея. Ее оборонная промышленность сталкивается с возрастающими рисками, связанными с возможными перебоями поставок и резким ростом цен на критически важные минералы.

Хотя Сеул принимает меры по снижению зависимости от китайских поставок, включая формирование запасов сырья, развитие собственного производства и расширение международного сотрудничества в области обеспечения устойчивости цепочек поставок, реализация этих инициатив потребует значительного времени, и в краткосрочной перспективе зависимость южнокорейского ОПК от китайских поставщиков сохранится.

Представляется, что в этих условиях Республика Корея оказывается своеобразным косвенным участником американо-китайского противостояния. Сеул не является основной целью китайских экспортных ограничений на критические минералы, однако испытывает их последствия из-за высокой зависимости от китайских поставок. Одновременно США рассматривают Южную Корею как важного партнера в формировании альтернативных цепочек поставок. Поэтому для южнокорейского оборонно-промышленного комплекса американо-китайская конкуренция создает разнонаправленные эффекты: американская политика способствует диверсификации источников критического сырья и предоставляет возможности для международной кооперации, тогда как китайские ограничения увеличивают стоимость и повышают неопределенность поставок. В результате устойчивость ОПК Республики Корея все в большей степени зависит от способности Сеула одновременно сохранять доступ к китайским материалам и развивать альтернативные источники их получения в сотрудничестве с США и другими партнерами.

Для Республики Корея американо-китайское противостояние имеет двойственный характер. С одной стороны, Сеул объективно заинтересован в американской политике диверсификации цепочек поставок, поскольку она позволяет снизить зависи-

[1] The White House. Fact Sheet: President Donald J. Trump Secures Historic Deals with China, Delivering for American Workers, Farmers, and Industry. May 17, 2026. URL: https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2026/05/fact-sheet-president-donald-j-trump-secures-historic-deals-with-china-delivering-for-american-workers-farmers-and-industry/ (дата обращения: 14.08.2026).

[2] Reuters. China has agreed to address U.S. concerns over rare earth shortages, says White House. May 18, 2026. URL: https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/china-has-agreed-address-us-concerns-over-rare-earth-shortages-says-white-house-2026-05-18/ (дата обращения: 14.08.2026).

[3] 中华人民共和国国务院. 中华人民共和国矿产资源法实施条例 [Положение о реализации Закона КНР о минеральных ресурсах]. 2026. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/202605/content_7069679.htm (дата обращения: 14.08.2026).

мость от китайских источников критически важных минералов[1]. С другой стороны, зависимость РК от американского рынка и технологий означает, что Сеул не может полностью дистанцироваться от экспортного контроля США. Американские ограничения в отношении передовых полупроводников и оборудования для их производства затрагивают интересы ведущих южнокорейских компаний и создают для Сеула необходимость одновременно учитывать требования Вашингтона и сохранять экономические связи с КНР. Поэтому положение Республики Корея характеризуется не столько однозначным присоединением к американской политике экспортного контроля, сколько стремлением минимизировать издержки американо-китайского противостояния.

Экспортный контроль Китая над критически важными минералами

В июле 2023 г. Китай ввел режим лицензирования экспорта галлия и германия[2]. Впоследствии Пекин последовательно расширил меры экспортного контроля, распространив их не только на другие критически важные минералы и редкоземельные элементы, включая графит, сурьму, диспрозий и вольфрам, но и на технологии их переработки, в том числе технологии добычи, разделения и выплавки (рафинирования). Со временем эти меры стали значительно более жесткими и приобрели более широкий характер, предусматривая в отдельных случаях возможность их экстерриториального применения[3].

Глобальные последствия указанных мер носят существенный характер, поскольку на Китай приходится около 70% мировой добычи редкоземельных элементов и свыше 90% их переработки. Учитывая критическое значение данных минералов для производства современных технологий, включая военные системы — истребительную авиацию, беспилотные комплексы, ракетное вооружение и робототехнические системы, — экспортные ограничения Пекина оказывают заметное влияние на международные цепочки поставок продукции военного назначения, в том числе в Республике Корея[4].

---

[1] США и Республика Корея развивают двустороннее сотрудничество в этой сфере, включая совместные проекты по добыче, переработке и производству продукции на основе редкоземельных элементов. В октябре 2025 г. стороны договорились укреплять и диверсифицировать цепочки поставок критических минералов, а американская ReElement Technologies и южнокорейская POSCO International объявили о проекте создания в США интегрированного комплекса по разделению редкоземельных элементов, их переработке и производству магнитов.

[2] Ministry of Commerce of the People's Republic of China. MOFCOM Regular Press Conference (July 6, 2023). July 6, 2023. URL: https://english.mofcom.gov.cn/News/PressConference/art/2023/art_36fb2d80e4b4453891bb8fc83e2b3c4e.html (дата обращения: 14.08.2026).

[3] Shagina M., Nouwens M., Green E. Strategic Minerals, Strategic Leverage: The Global Impact of China's Export Controls. Global Security and Innovation Summit, September 2025. URL: https://www.gsis-hamburg.com/fileadmin/gsis/2025/pdf/gi25_executive_briefing_20250911_archive.pdf (дата обращения: 14.08.2026).

[4] Mining Technology. China's Dominance in Global Rare Earth Production. URL: https:// www.mining-technology.com/analyst-comment/china-global-rare-earth-production/ (дата обращения: 14.08.2026).

Экспортные ограничения Пекина распространяются на материалы, имеющие ключевое значение для высокотехнологичных отраслей промышленности и оборонного сектора, вследствие чего объемы поставок ряда контролируемых материалов существенно сократились. Показательным примером является галлий, необходимый для производства современных радиолокационных станций, оборудования сетей связи пятого поколения (5G) и систем противоракетной обороны. На долю Китая приходится до 98% мирового производства галлия, при этом совокупный экспорт необработанного галлия из КНР в первые месяцы 2026 г. практически сократился до нулевого уровня. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении вольфрама — металла, критически важного для изготовления компонентов авиационных и ракетных двигателей, боевых частей и ракетного вооружения. Китай обеспечивает более 80% мирового производства вольфрама, а после введения экспортного контроля объемы зарубежных поставок, по имеющимся данным, снизились примерно на 40% по сравнению с предыдущим годом[1].

Негативное влияние на оборонную промышленность Республики Корея

Как показано в табл. 1, Республика Корея также испытала негативные последствия указанных торговых ограничений. Несмотря на сохранение поставок вольфрама, экспорт необработанного галлия из Китая в Республику Корея в 2025 г. сократился на 97%. Если поставки необработанного германия были незначительными еще до введения режима экспортного лицензирования, то после его введения также наблюдалось сокращение экспорта обработанного (рафинированного) германия.

Таблица 1. **Экспорт Китаем отдельных контролируемых критически важных минералов в Республику Корея в 2022—2026 гг.**

Элемент	Товар	Код ТН ВЭД (HS)[2]	2022 (кг)	2023 (кг)	2024 (кг)	2025 (кг)	2026 (январь—апрель), кг
Галлий[3]	Необработанный галлий; отходы и лом; порошки	81129290	1700	1500	3303	100	0
	Обработанный галлий и изделия из него	81129990	950	1786	3300	1572	150

[1] Reuters. Tungsten Rises to Record Highs as Export Curbs Turn Up Supply Heat. January 29, 2026. URL: https://www.reuters.com/world/americas/tungsten-rises-record-highs-export-curbs-turn-up-supply-heat-2026-01-29/ (дата обращения: 14.08.2026).

[2] Восьмизначные товарные категории соответствуют классификации Главного таможенного управления КНР.

[3] Китайские ограничения на экспорт галлия воздействуют на южнокорейскую оборонную промышленность через производство полупроводниковых компонентов, используемых в радиолокационных системах. Республика Корея является крупным производителем радиолокационной техники, в том числе многофункциональных радиолокационных станций для истребителей KF-21, зенитных ракетных комплексов и корабельных систем. Ограничение доступа к галлию и произведенным на его основе материалам способно увеличивать стоимость соответствующих компонентов и создавать дополнительные риски для сроков их производства и поставок.

Элемент	Товар	Код ТН ВЭД (HS)[2]	2022 (кг)	2023 (кг)	2024 (кг)	2025 (кг)	2026 (январь—апрель), кг
Германий[1]	Необработанный германий; отходы и лом; порошки	81129210	0	5	0	0	0
	Обработанный германий и изделия из него	81129910	159	210	257	30	60
Вольфрам[2]	Необработанный вольфрам, включая прутки и стержни, полученные методом спекания	81019400	0	1000	0	1600	32 002
	Обработанный вольфрам (прутки и стержни, кроме полученных методом спекания; профили, плиты и др.)	81019910	28 046	21 618	35 847	37 129	13 151

Источник: Главное таможенное управление КНР (中华人民共和国海关总署, General Administration of Customs of China, GACC). General Administration of Customs of the People's Republic of China. 海关统计数据查询 [China Customs Statistics Query]. URL: https://online.customs.gov.cn/search?value=海关统计数据查询 (дата обращения: 14.08.2026).

В апреле 2025 г. власти Республики Корея заявили[3], что располагают запасами критически важных видов сырья, подпадающих под экспортные ограничения, достаточными более чем на шесть месяцев, при этом о каких-либо серьезных перебоях в снабжении официально не сообщалось. Однако в связи с тем, что китайские экспортеры теперь обязаны получать экспортные лицензии, оформление которых, по имеющимся данным, занимает от шести до семи недель, а по политическим причинам может затягиваться еще дольше, возрастает риск нарушения устойчивости цепочек поставок продукции военного назначения[4].

[1] Особое значение для оборонной промышленности Республики Корея имеет германий, поскольку данный металл используется при производстве ряда высокотехнологичных компонентов, включая полупроводниковые материалы, оптические элементы и инфракрасные системы. В военной сфере германий применяется, в частности, в оптико-электронных и инфракрасных средствах обнаружения, системах наблюдения и целеуказания, а также в отдельных компонентах космической и радиолокационной техники. В условиях высокой концентрации его производства и переработки в КНР введение китайского экспортного контроля создает для южнокорейских производителей дополнительный риск нарушения устойчивости соответствующих цепочек поставок.

[2] Вольфрам используется при производстве твердых сплавов, высокопрочных деталей, режущего и обрабатывающего инструмента, а также ряда компонентов военного назначения. Для оборонно-промышленного комплекса его значение связано прежде всего с изготовлением деталей, подвергающихся высоким механическим и температурным нагрузкам, а также с производством и обработкой отдельных видов вооружений и боеприпасов. Поэтому сокращение доступности китайского вольфрама и рост его стоимости способны воздействовать на корейский ОПК не только непосредственно через стоимость сырья, но и через удорожание технологических операций и промежуточных материалов.

[3] Reuters. China asks Korea not to export products using rare earths to U.S. defense firms, paper reports. April 22, 2025. URL: https://www.reuters.com/markets/commodities/china-asks-korea-not-export-products-using-rare-earths-us-defense-firms-paper-2025-04-22/ (дата обращения: 14.08.2026).

[4] Reuters. China's Rare Earth Exports Grind to a Halt as Trade War Controls Bite. April 11, 2025. URL: https://www.reuters.com/markets/commodities/chinas-rare-earth-exports-grind-halt-trade-war-controls-bite-2025-04-11/ (дата обращения: 14.08.2026).

Даже при отсутствии полного прекращения поставок резкий рост цен на данные минералы способен существенно осложнить положение ОПК Республики Корея. После введения Китаем экспортного контроля стоимость германия за последние пять лет практически удвоилась. В апреле 2026 г. мировая цена галлия за пределами КНР достигла 1850 долл. за 1 кг, увеличившись примерно на 550% по сравнению с июлем 2023 г., когда экспортные ограничения были введены впервые (283 долл. за 1 кг). Цена германия выросла в США и странах Европы приблизительно с 1400 долл. за 1 кг в июле 2023 г. до более чем 6100 долл. к июню 2026 г., что соответствует увеличению на 336%. Значительный рост отмечен и на рынке вольфрама: после введения Пекином экспортного контроля в феврале 2025 г. его стоимость увеличилась примерно на 557%.

Поскольку одним из ключевых конкурентных преимуществ Республики Корея на мировом рынке вооружений является оперативность выполнения экспортных заказов и конкурентоспособная стоимость продукции, задержки в поставках критически важных материалов и комплектующих, а также устойчивый рост цен на них способны оказать серьёзное негативное влияние на национальную оборонную промышленность и снизить её экспортный потенциал.

Таким образом, реальное воздействие ограничительных мер проявляется прежде всего в росте издержек и необходимости перестройки снабжения[1]. Южнокорейские предприятия были вынуждены увеличивать запасы критических минералов и диверсифицировать источники их закупок: после введения КНР экспортного контроля поставки галлия и германия в Южную Корею стали более диверсифицированными, тогда как зависимость предприятий последней от Китая по вольфраму, графиту и индию сохраняется. Для оборонной промышленности это означает удорожание сырьевой базы, увеличение сроков закупок и дополнительные затраты на поиск альтернативных поставщиков. При этом прямого сокращения выпуска основных видов южнокорейского вооружения вследствие китайских ограничений пока публично не зафиксировано: их фактическое влияние проявляется главным образом на уровне стоимости и устойчивости производственных цепочек.

Меры противодействия

Республика Корея принимает комплекс мер, направленных на снижение рисков, связанных с ограничением поставок критически важных минералов, в том числе за счет наращивания стратегических запасов. В 2025 г. в стране была учреждена Национальная программа по созданию запасов металлов (National Program for Metal Stockpiling), предусматривающая увеличение резервов ключевых металлов и ускоре-

[1] При этом за последние три года китайские экспортные ограничения не привели к публично зафиксированному сокращению производства или срыву поставок основных видов вооружений РК. Их фактическое воздействие пока ограничивается преимущественно уровнем сырьевого обеспечения ОПК: сокращением отдельных поставок, ростом цен на критические минералы, увеличением сроков лицензирования и необходимостью формирования дополнительных запасов и поиска альтернативных поставщиков. Таким образом, ограничения КНР пока не оказали существенного прямого негативного влияния на объемы производства южнокорейского вооружения, однако повысили издержки и уязвимость его производственных цепочек.

ние их экстренного высвобождения в случае нарушения цепочек поставок[1]. В рамках дополнительного государственного бюджета 2025 г. финансирование мероприятий по формированию запасов критически важных минералов было увеличено на 214,7 млрд вон (около 151 млн долл.)[2].

Одновременно Сеул приступил к укреплению собственного производственного потенциала в сфере добычи и переработки стратегического сырья. В частности, компания Korea Zinc еще в 2014 г. вышла на рынок сурьмы и в настоящее время осуществляет производство данного металла, широко применяемого в оборонной промышленности. Кроме того, компания планирует инвестировать в строительство новых производственных мощностей по выпуску германия и галлия, опытная эксплуатация которых должна начаться в первой половине 2028 г. Республика Корея также возобновляет производство вольфрама, причём часть продукции предполагается поставлять в США с целью снижения зависимости мирового рынка от китайских поставок. Параллельно наращиваются объёмы переработки критически важных минералов: к 2030 г. планируется увеличить долю вторичного сырья с 2 до 20%[3].

Расширение производственных возможностей Республики Корея способно внести заметный вклад в обеспечение цепочек поставок критически важных минералов для США и европейских государств. Компания Korea Zinc уже начала экспорт сурьмы в США, способствуя снижению зависимости американской промышленности от китайского импорта, на который приходится свыше 60% поставок сурьмы в США. Кроме того, Korea Zinc подписала с корпорацией Lockheed Martin меморандум о взаимопонимании, предусматривающий заключение долгосрочного соглашения о поставках германия.

Дополнительным направлением политики Сеула стало укрепление международного сотрудничества в сфере обеспечения доступа к критически важным минералам. Республика Корея начиная с июля 2024 г. в течение года председательствовала в рамках Партнерства по обеспечению минеральной безопасности (Minerals Security Partnership, MSP) — многосторонней инициативы, созданной в июне 2022 г. для формирования надёжных, диверсифицированных и устойчивых цепочек поставок критически важных минералов[4]. После преобразования MSP в Форум по геостратегическому взаимодействию в сфере ресурсов (Forum on Resource Geostrategic Engagement, FORGE) Республика Корея сохраняла функции председателя вплоть до июня 2026 г.

Значение создавшейся ситуации для России

Усиление американо-китайского соперничества в сфере критически важных минералов создает для России одновременно риски и возможности. С одной стороны,

[1] International Energy Agency. The National Program for Metal (Nonferrous and Rare) Stockpiling. April 9, 2025. URL: https://www.iea.org/policies/17940-the-national-program-for-metal-nonferrous-and-rare-stockpiling (дата обращения: 14.08.2026).

[2] JoongAng Ilbo. 2025. URL: https://www.joongang.co.kr/article/25354803 (дата обращения: 14.08.2026).

[3] JoongAng Ilbo. 2025. URL: https://www.joongang.co.kr/article/25344102 (дата обращения: 14.08.2026).

[4] U.S. Department of State. Minerals Security Partnership. URL: https://2021-2025.state.gov/minerals-security-partnership/ (дата обращения: 14.08.2026).

дальнейшее сближение Республики Корея с США и НАТО способствует укреплению военно-технического потенциала одного из наиболее динамичных поставщиков вооружений европейским странам НАТО. Южная Корея уже входит в число крупнейших мировых экспортеров вооружений, а среди поставщиков оружия европейским членам НАТО занимает второе место после США. Предложенная Сеулом инициатива «Партнерство в оборонной промышленности Корея—НАТО 2.0», предусматривающая расширение сотрудничества в области передовых технологий, свидетельствует о дальнейшем военно-промышленном сближении сторон.

С другой стороны, зависимость южнокорейского ОПК от китайских поставок критически важных минералов формирует потенциальное ограничение темпов развития и экспансии оборонной промышленности РК. В краткосрочной перспективе Сеул не способен полностью заменить китайские поставки, несмотря на создание стратегических запасов, развитие собственной сырьевой базы и расширение сотрудничества с США и другими государствами. Усиление экспортного контроля КНР или дальнейший рост цен на галлий, германий, вольфрам и другие стратегические материалы способен увеличить себестоимость южнокорейских вооружений и осложнить выполнение экспортных контрактов.

Для России данная ситуация имеет значение прежде всего в контексте оценки военно-промышленного потенциала Республики Корея и перспектив ее дальнейшего взаимодействия с НАТО. При сохранении нынешней зависимости Сеула от китайского сырья расширение производства и экспорта южнокорейских вооружений будет в определенной степени зависеть от устойчивости китайско-южнокорейских экономических отношений. Одновременно возможная успешная диверсификация поставок критически важных минералов позволит Сеулу снизить данный фактор уязвимости и сохранить высокие темпы развития оборонной промышленности. Поэтому динамика сырьевой зависимости РК представляет интерес для России как один из индикаторов способности Сеула наращивать военно-промышленное сотрудничество с государствами НАТО.

Выводы

Несмотря на принимаемые Сеулом меры по снижению зависимости от китайских поставок, в краткосрочной перспективе они не способны полностью устранить риски обеспечения Республики Корея критически важным сырьем. Формирование стратегических запасов, развитие собственного производства и переработки, а также диверсификация внешних поставок требуют значительного времени. При сохранении американо-китайского стратегического соперничества вероятность перебоев в снабжении южнокорейской промышленности остается высокой.

Ключевым фактором уязвимости Республики Корея является доминирующее положение КНР на мировом рынке критически важных минералов. Использование Пекином экспортного контроля как инструмента внешнеэкономического давления создает для южнокорейского ОПК не только риск физических перебоев поставок, но и угрозу дальнейшего роста стоимости сырья. Это способно увеличить себестоимость военной продукции, осложнить выполнение экспортных контрактов и снизить конкурентоспособность южнокорейских производителей.

В долгосрочной перспективе последствия могут затронуть производство широкого спектра вооружений — от авиационных двигателей и боевых частей ракет до высокоточных ракетных комплексов. Таким образом, сырьевая зависимость становится одним из факторов, ограничивающих устойчивость и темпы развития оборонно-промышленного комплекса Республики Корея.

Библиографический список

«Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2025. 285 с.

Геополитические установки руководства КНР и их воздействие на экономическую политику Китая Внешнеторговые ориентиры стран Тихоокеанской Азии и интересы России: Монография / под ред. В.Ю. Саламатова, А.Н. Спартака, И.З. Аронова. М.: Аспект Пресс, 2026. 326 с.

Кашкаров А.П. Армии стран мира. М.: СОЛОН-ПРЕСС, 2024. 288 с.

Конкуренция между США и КНР: возможности для России / Е.Н. Грачиков, В.А. Данилов, Д.А. Дегтерев [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

Мировой рынок вооружений: структура, тенденции, вызовы / [М.С. Барабанов и др.]; под ред. К.В. Макиенко. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018. 312 с.

References

«New Cold War» in Asia. Global and Regional Dimension / Ed. by D. V. Streltsov. M.: Aspect Press Publishing House, 2025. 285 p. (In Russian)

Competition between the United States and China: Opportunities for Russia / E.N. Grachikov, V.A. Danilov, D.A. Degterev [et al.]. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2024. 300 p. (In Russian)

Kashkarov A.P. Armies of the countries of the world. M.: SOLON-PRESS, 2024. 288. (In Russian)

Geopolitical Guidelines of the PRC Leadership and Their Impact on China’s Economic Policy // Foreign Trade Priorities of the Asia-Pacific Countries and Russia’s Interests: Monograph / ed. by V. Yu. Salamatov, A. N. Spartak, I. Z. Aronov. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2026. 326 p. (In Russian)

The Global Arms Market: Structure, Trends, Challenges / M.S. Barabanov et al.; ed. by K.V. Makienko. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 2018. 312 p. (In Russian)

Поступила в редакцию: 15.08.2026 Received: 15.08.2026
Принята к публикации: 05.09.2026 Accepted: 05.09.2026

DOI: 10.48647/ICCA.2026.25.81.009

М.Р. Хамитов

Современная динамика российско-южнокорейской торговли (2013—2026)

Аннотация. Российско-южнокорейская торговля как часть межгосударственных отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея оказалась под влиянием глобальных геополитических веяний, связанных с украинским кризисом и противостоянием России и коллективного Запада. Такое экзогенное воздействие, за пределами интересов обеих стран по отношению друг к другу, привело сначала к структурной реконфигурации взаимной торговли, а затем и к её спаду.

Во-первых, с 2013 по 2021 г. российско-южнокорейская торговля претерпела ограниченный спад, но затем восстановилась главным образом за счёт роста импорта из России и даже превысила докризисный показатель. *Во-вторых*, с началом острой фазы украинского кризиса в 2022 г. торговля между Россией и Республикой Корея фактически обрушилась, потеряв более половины объёма в сравнении с 2013 г. и почти две трети в сравнении с 2021 г. *В-третьих*, существующие к моменту написания статьи данные о российско-южнокорейской торговле в 2026 г. показывают заметный рост по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года, однако было бы преждевременным принять это за долгосрочный тренд.

Ключевые слова: Экономика Республики Корея, торговая политика Республики Корея, внешняя торговля Южной Кореи, Россия, российско-южнокорейские торговые отношения.

Автор: Хамитов Марк Робертович. Магистр Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76). ORCID: 0009-0002-6547-105X.
E-mail: khamitov.mark@bk.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Хамитов М.Р. Современная динамика российско-южнокорейской торговли (2013—2026) // Корееведение. 2026. № 3 (16). С. 110—119.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.25.81.009.

M.R. Khamitov

Contemporary trends of Russian-South Korean trade (2013—2026)

Abstract. Russian-South Korean trade, as part of interstate relations between the Russian Federation and the Republic of Korea, has been profoundly influenced by global geopolitical trends related to the Ukrainian crisis and the confrontation between Russia and the collective West. This exogenous influence, lying outside the bilateral interests of both countries, first led to a structural reconfiguration of mutual trade and then to its decline.

First, from 2013 to 2021, Russian-South Korean trade experienced a limited decline, but then recovered, mainly due to the growth of imports from Russia, and even exceeded the pre-crisis benchmark. Second, with the onset of the acute phase of the Ukrainian crisis in 2022, trade between Russia and the Republic of Korea effectively collapsed, losing more

than half of its volume compared to 2013 and almost two-thirds compared to 2021. Third, the data on Russian-South Korean trade in 2026 available at the time of writing show a noticeable increase compared to the same period in the previous year; yet it would be premature to regard this as a long-term trend.

Keywords: RoK economy, RoK trade policy, South Korean foreign trade, Russia, Russian-South Korean trade relations.

Author: Mark R. Khamitov. Master's degree, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia (Address: 119454, Moscow, Vernadskogo Prospekt, 76). ORCID: 0009-0002-6547-105X. E-mail: khamitov.mark@bk.ru

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interest.

For citation: Khamitov M.R. Sovremennaya dinamika rossijsko-yuzhnokorejskoj torgovli (2013—2026) [Contemporary trends of Russian-South Korean trade (2013—2026)] // Koreevedenie [Koreanology], 2026, 3 (16): 110—119.
DOI: 10.48647/ICCA.2026.25.81.009.

Введение

Отношения Российской Федерации (РФ) с Республикой Корея (РК) как одной из ключевых региональных держав восточной Азии в текущем политическом контексте имеют огромное значение. Есть множество общих сюжетов российско-южнокорейских взаимоотношений, связывающих две страны: позиции и действия по отношению к украинскому кризису, вопросы безопасности в самой Северо-Восточной Азии. В данном исследовании проводится количественный анализ торговой стороны отношений между двумя странами с 2013 по 2026 г., в котором 2013 г. предстаёт как базовая точка для сравнения, предшествующая периоду ухудшения отношений России с США и их союзниками, одним из которых является и Республика Корея.

Для целей исследования был избран массив данных о внешней торговле Республики Корея, имеющийся в открытом доступе Корейской таможенной службы Министерства экономики и финансов Республики Корея в англоязычной версии её официального веб-сайта (https://tradedata.go.kr). Решение в пользу именно южнокорейской статистики обусловлено наличием в ней, в отличие от российской, открытых данных о взаимной торговле после 2021 г. По запросам торговой статистики с отдельными странами (Trade Statistic by Theme, by Country; также by H.S Code and Country по конкретным статьям торговли) был выбран диапазон с 2013 по 2026 г. включительно по торговле с Российской Федерацией; таким образом, были получены статистические данные об экспорте и импорте Республики Корея в Россию, а также торговом балансе (с южнокорейской точки зрения) этой торговли. Для получения общей торговой статистики Республики Корея за аналогичный период был сделан запрос на общие показатели экспорта и импорта (Trade Statistic by Theme, Trade Statistics for Export/Import) с 2013 по 2025 г.

Хронологические рамки исследования определены периодом продолжающейся напряжённости в отношениях России с США и их союзниками в том числе РК, что позволяет рассмотреть в динамике в основном экзогенное влияние на торговлю РФ—РК. С помощью данных за период с 2013 по 2021 г. можно реконструировать результат изначальной реакции на ухудшение отношений Россия—Запад и отсутствия жё-

стких рестрикций против России (табл. 1). В данных с 2022 по 2025 г. раскрывается динамика торговли уже после полноценного присоединения РК к антироссийскому санкционному режиму. Наконец, доступная за 2026 г. информация позволяет сделать промежуточные выводы о потенциальном изменении траектории взаимной торговли в связи с ближневосточным кризисом.

Таблица 1. **Российско-южнокорейская торговля (экспорт, импорт, товарооборот) в период с 2013 по 2021 г.**

Год	Экспорт (млрд долл.)	Изменение (%)	Импорт (млрд долл.)	Изменение (%)	Товарооборот (млрд долл.)	Изменение (%)	Доля во всей внешней торговле РК (%)
2013	11,1	—	11,5	—	22,6	—	2,11
2014	10,1	-9,15	15,6	36,31	25,8	13,93	2,35
2015	4,6	-53,74	11,3	-27,83	15,9	-38,00	1,66
2016	4,7	1,77	8,6	-23,59	13,4	-16,16	1,49
2017	6,9	44,83	12	39,34	18,9	41,29	1,80
2018	7,3	6	17,5	45,39	24,8	31,03	2,18
2019	7,7	6,19	14,5	-16,78	22,3	-10,01	2,14
2020	6,9	-11,24	10,6	-27,02	17,5	-21,53	1,79
2021	9,9	44,63	17,3	63,28	27,3	55,94	2,17

Источник: Trade Statistics > Search Trade Statistics > By Country // Korea Customs Service Trade Statistics URL: https://tradedata.go.kr/cts (дата обращения: 16.06.2026); систематизация данных и расчёты изменений выполнены автором статьи.

Российско-южнокорейская торговля с 2013 по 2021 г.

В 2013 г. товарооборот между Россией и Республикой Корея насчитывал 22,6 млрд долл., что составило 2,11% от всей внешней торговли Южной Кореи. Хотя внешняя торговля РК в целом профицитна, то есть экспорт превышает импорт, торговля с Россией незначительно дефицитна: на 11,1 млрд долл. южнокорейского экспорта пришлось 11,4 млрд долл. импорта из России.

Основные статьи экспорта: транспорт (исключая железнодорожный и трамвайный) и запчасти для транспорта — 5,3 млрд долл. (47,9%); ядерные реакторы, котлы, промышленное оборудование и механические устройства и их детали (далее — промышленное оборудование) — 1,6 млрд долл. (14,3%); электрическое оборудование — 1 млрд долл. (9,5%). Основные статьи импорта: минеральное топливо, минеральные масла и продукты их перегонки (далее — минеральное топливо) — 8,5 млрд долл. (74,2%); железо и сталь — 742 млн долл. (6,4%); рыба — 587 млн дол. (5,1%).

В 2014 г. отношения России с США и их союзниками начали ухудшаться, однако, в отличие от этих стран, РК не присоединилась к санкционному режиму. Тем не менее это всё равно возымело влияние, причём двоякое, на торговлю с Россией. С одной стороны, товарооборот в своей совокупности вырос на 13,9% до 25,8 млрд долл. Однако рост был достигнут увеличением импорта на 36,3%, до 15,6 млрд долл., в то время как экспорт сократился на 9,1% до 10,1 млрд долл. Доля России во внешней торговле РК выросла до 2,35%.

Общий спад торговли становится трендом 2015 и 2016 гг. В 2015 г., на 53,7% сократился экспорт — до 4,6 млрд долл.; на 27,8% импорт — до 11,3 млрд долл., а общее падение российско-южнокорейского товарооборота составило 38% (до 15,9 млрд долл.). Менее существенное падение продемонстрировал 2016 г.: экспорт восстановился на незначительные 1,7%, импорт упал на 23,5%, весь товарооборот — на 16,1% (до 13,4 млрд долл.). Даже без прямых санкций и официальных ограничений (вероятно, сыграли роль непрямые политические риски) взаимная торговля сократилась с 22,6 млрд до 13,4 млрд долл., то есть почти на половину, а доля России во внешней торговле РК опустилась до 1,49%.

Следующие два года, 2017-й и 2018-й, продемонстрировали значительную восстановительную динамику: рост товарооборота составил 41,2% (до 18,9 млрд долл.) и 31% (до 24,8 млрд долл.) соответственно, таким образом, даже превысив аналогичный показатель 2013 г., хоть и не достигнув отметки 2014 г. Причём за оба года основным источником роста станет импорт из России: 39,3% и 45,3% соответственно (до 17,5 млрд долл., что выше показателя даже за 2014 г.). Экспорт восстановился на 44,8% и 6% соответственно до отметки в 7,3 млрд долл.. В 2018 г. доля России во внешней торговле Южной Кореи составила 2,18%.

2019 г. продемонстрировал обратную динамику: снижение товарооборота на 10%, снижение импорта на 16,7%, однако продолжение восстановления показателя экспорта — на 6,1%. Спад товарооборота в 2020 г. являлся частью общемирового тренда, связанного с пандемией COVID-19, и составил 21,5%. Вновь следуя общемировому тренду, в 2021 г. торговля возросла на 55,9%, достигнув максимальной за исследуемый хронологический диапазон отметки в 27,3 млрд долл. (2,17% от всей внешней торговли РК): из них 9,9% пришлось на экспорт и 17,3% на импорт.

По состоянию на 2021 г., основными статьями экспорта являлись: средства транспорта: 40,2%, промышленное оборудование — 14,7%, пластмассы и пластмассовые изделия — 7,2%. В импорте преобладали: минеральное топливо (76,1%), рыба (7%), железо и сталь (3,9%).

Промежуточный вывод о динамике российско-южнокорейской торговли вследствие начала украинского кризиса следующий: несмотря на общее осложнение отношений России с США и их союзниками, именно торговля РФ—РК не имела тенденции к постоянному снижению, и товарооборот между ними в 2021 г. превзошел показатели за 2013 и 2014 гг. Произошло, однако, изменение структуры торговли: к 2021 г., южнокорейский экспорт не восстановился до значений 2013 и 2014 гг., однако импорт из России начиная с 2017 г. почти неуклонно рос и в 2021 г. составлял около двух третей всего товарооборота; ранее почти профицитная торговля с Россией уже с 2018 г. для РК стала однозначно дефицитной.

Российско-южнокорейская торговля в свете острой фазы украинского кризиса (2022—2025)

С начала специальной военной операции в феврале 2022 г. Республика Корея, очевидно в поддержку своего главного союзника в лице США, присоединяется к антироссийскому санкционному режиму [Пасько, 2023, с. 84]. В течение 2022 г. Сеул ввёл следующие санкции:

Запрет на финансовые операции с шестью крупнейшими российскими банками: ПАО «Сбербанк», Банк ВТБ (ПАО), ПАО «Промсвязьбанк», ПАО Банк «ФК Открытие», ПАО «Совкомбанк», АО АКБ «Новикомбанк» и государственной корпорацией развития ВЭБ.РФ и их дочерними структурами.

Приостановка операций с Центральным банком Российской Федерации, Фондом национального благосостояния и Российским фондом прямых инвестиций.

Отключение упомянутых российских банков от системы SWIFT [Кику, 2022, с. 36—39].

Запрет экспорта в Россию стратегических материалов, таких как полупроводники, электроника, компьютеры, средства связи и передачи информации, навигационное и авиационное оборудование, датчики и лазеры, а также морское и аэрокосмическое оборудование[1].

В том же году правительством России были приняты меры по ограничению экспорта высокотехнологичной продукции, а также товаров двойного назначения в недружественные страны, в том числе и РК. Однако, как было отмечено ранее, такие группы товаров никогда не составляли основу импорта из России, и, как следствие, влияние контрмер на товарооборот было довольно ограниченное.

Набор же южнокорейских санкций, очевидно, наносит ущерб как экспорту, так и импорту: с одной стороны, ограничивая поставки южнокорейского высокотехнологического экспорта в Россию, и с другой — препятствуя финансовым операциям и нормальным торговым отношениям в принципе, что сказывается на импорте. Стоит отдельно сказать, что анализируемая автором статистика отражает прямой товарооборот — объём параллельного экспорта и импорта, безусловно важного в нынешнем контексте, находится за пределами данного исследования.

Вдобавок подчеркнем, что антироссийская линия Сеула, изначально обусловленная проамериканской политической ориентацией, в дальнейшем нашла своё обоснование и в стремительно укрепляющемся с 2022 г. российско-северокорейском сотрудничестве (официально оформленном в виде Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Корейской Народно-Демократической Республикой и Российской Федерацией). Это также является важным фактором.

Под влиянием упомянутых мер, в 2022 г. товарооборот сократился на 22,6% до 21,1 млрд долл.: на 36,5% сократился экспорт (до 6,3 млрд долл.), на 14,6% — импорт (до 14,8 млрд долл.). Как и с сокращением торговли в предшествующие годы, наибольшее падение фиксируется со стороны экспорта, нежели импорта, что, таким

[1] South Korea sanctions Russia [Электронный ресурс]. URL: https://thediplomaticinsight.com/south-korea-sanctions-russia/ (дата обращения: 10.06.2026).

образом, сохраняет торговый дефицит. Доля России во внешней торговле упала до 1,49%.

Устойчивое и значительное падение продемонстрировали и следующие два года, 2023-й и 2024-й. Падение в 2023 г.: 3% у экспорта, 39,9% у импорта, 28,9% (до 15 млрд долл.) у товарооборота вообще, то есть даже существеннее, чем в 2022 г. В 2024 г. доля России во внешней торговле РК упал ниже отметки в 1% — до 0,87%: товарооборот составил 11, 4 млрд долл. (падение на 24,1%), экспорт сократился на 26,1% до 4,5 млрд долл., импорт — на 22,7% до 6,8 млрд долл. (табл. 2).

Таблица 2. **Российско-южнокорейская торговля (экспорт, импорт, товарооборот) в период с 2021 по 2025 г.**

Год	Экспорт (млрд долл.)	Изменение (%)	Импорт (млрд долл.)	Изменение (%)	Товарооборот (млрд долл.)	Изменение (%)	Доля во всей внешней торговле РК (%)
2021	9,9	—	17,3	—	27,3	—	2,17
2022	6,3	-36,59	14,8	-14,63	21,1	-22,65	1,49
2023	6,1	-3,08	8,8	-39,99	15	-28,94	1,18
2024	4,5	-26,16	6,8	-22,71	11,4	-24,12	0,87
2025	4	-10,71	6,9	0,33	10,9	-4,06	0,82

Источник: Trade Statistics > Search Trade Statistics > By Country // Korea Customs Service Trade Statistics URL: https://tradedata.go.kr/cts (дата обращения: 16.06.2026); систематизация данных и расчёты изменений выполнены автором статьи.

Финальная из доступных на момент исследования годовая статистика, за 2025 г., даёт основания думать, что торговля в новых условиях вышла на своеобразное плато. Общее сокращение торговли составило лишь 4% до 10,9 млрд долл., что является самым низким показателем за весь период начиная с 2013 г. Снижение приходится исключительно на экспорт — 10,7% до 4 млрд долл. Импорт незначительно вырос — на 0,3% до 6,9 млрд долл. Доля России во внешней торговле РК — 0,82%.

По состоянию на 2025 г. основными статьями экспорта являлись средства транспорта (28,4%), парфюмерные и косметические средства (10,7%), промышленное оборудование (9,9%). В структуре импорта сохранилось доминирование минерального топлива (50,5%); второе место — алюминий и алюминиевые изделия (19,2%); третье — рыба (13,6%).

Дабы оценить в динамике развитие и спад российско-южнокорейской торговли от докризисного показателя 2013 г., а также пика товарооборота в 2021 г., обратимся к табл. 3.

В первую очередь отметим ранее выделенную реструктуризацию товарооборота в пользу импорта — он явился в действительности основным количественным источником роста торговли за период до 2022 г. В сравнении с 2013 г. он упал на 40%, но в сравнении с пиковой цифрой 2021 г. — на 60,2%. Экспорт, не восстановившийся за восемь лет, упал на 63,7% по сравнению с 2013 г.

Таблица 3. **Российско-южнокорейская торговля (экспорт, импорт, товарооборот) за 2021 и 2025 гг.: сравнение с докризисными показателями 2013 г.**

Год	Экспорт (млрд долл.)	Изменение (%)	Импорт (млрд долл.)	Изменение (%)	Товарооборот (млрд долл.)	Изменение (%)	Доля во всей внешней торговле РК (%)
2013	11,1	—	11,4	—	22,6	—	2,11
2021	9,9	-10,4	17,3	50,9	27,3	20,7	2,17
2025	4	-63,7	6,8	-40	10,9	-51,6	0,82

Источник: Trade Statistics > Search Trade Statistics > By Country // Korea Customs Service Trade Statistics URL: https://tradedata.go.kr/cts (дата обращения: 16.06.2026); систематизация данных и расчёты изменений выполнены автором статьи.

Прямым последствием присоединения Республики Корея к западному антироссийскому санкционному режиму стало снижение товарооборота до менее чем половины от аналогичной цифры 2013 г. и снижению на 59,9% по сравнению с 2021 г. При этом, так как санкции в основном направлены на ограничения высокотехнологического экспорта, торговля с Россией продолжает оставаться дефицитной и Южная Корея закупает из России на 2,8 млрд долл. больше, чем продаёт.

2026 г. в сравнении с 2025-м — восстановление?

Изменилась ли динамика за первые семь месяцев 2026 г.? Дабы ответить на этот вопрос, была взята торговая статистика в диапазоне с января по июль 2025 и 2026 гг. Товарооборот за семь месяцев 2026 г. превысил аналогичный за 2025 г. (6,3 млрд против 5,9 млрд долл.; рост на 6,5%), причём, как это было и в предшествующих периодах, главным источником роста стал импорт: рост на 14,3%, с 3,6 млрд до 4,2 млрд долл. Экспорт же, напротив, сократился на 6,2% до 2,1 млрд долл. (табл. 4).

Таблица 4. **Российско-южнокорейская торговля (экспорт, импорт, товарооборот) январь—июль 2025 и 2026 гг. суммарно**

Год	Экспорт (млрд долл.)	Изменение (%)	Импорт (млрд долл.)	Изменение (%)	Товарооборот (млрд долл.)	Изменение (%)
Январь—июль 2025	2,2	—	3,6	—	5,9	—
Январь—июль 2026	2,1	-6,2	4,2	14,3	6,3	6,5

Источник: Trade Statistics > Search Trade Statistics > By Country // Korea Customs Service Trade Statistics URL: https://tradedata.go.kr/cts (дата обращения: 16.06.2026); систематизация данных и расчёты изменений выполнены автором статьи.

Основная причина роста импорта в 2026 г. — энерго-сырьевой кризис, вызванный конфликтом на Ближнем востоке (импорт минерального топлива за период с января по июль вырос с 1,6 млрд до 2,1 млрд. долл.), то есть необходимость купирования недополученных энергоресурсов от стран Персидского залива торговлей с

Россией (что интересно, обратная ситуация происходила в 2022 г. [Лешаков, Малофеева, 2023, с. 20]). Так, если рассматривать данные по месяцам, заметный рост импорта (по сравнению с предыдущим годом) начинается с марта: рост на 37,1% по сравнению с мартом 2025 г., то есть уже после начала боевых действий. Аналогичные изменения видны в статистике за апрель, там рост на 20,4%, и июнь — 45,5%. Май демонстрирует спад на 6,3%, а июль — небольшой рост на 1,5%. Что касается экспорта, то он продолжил своё падение почти за весь избранный диапазон (табл. 5).

Таблица 5. **Российско-южнокорейская торговля (экспорт, импорт, товарооборот) январь—июль 2025 и 2026 гг., по месяцам**

Год	Экспорт (млн долл.)	Изменение (%)	Импорт (млн долл.)	Изменение (%)	Товарооборот (млрд долл.)	Изменение (%)
Январь 2025	223,1	—	501,8	—	724,9	—
Январь 2026	240,5	7,82	543,9	8,39	784,5	8,21
Февраль 2025	297	—	485,5	—	782,6	—
Февраль 2026	249,1	-16,12	518,7	6,84	767,9	-1,88
Март 2025	298,2	—	436,4	—	734,6	—
Март 2026	293,4	-1,60	598,5	37,16	892	21,42
Апрель 2025	360,2	—	618,8	—	979,1	—
Апрель 2026	317,6	-11,84	745,1	20,42	1062,8	8,55
Май 2025	373,7	—	510,5	—	884,2	—
Май 2026	286,6	-23,30	478	-6,37	764,6	-13,53
Июнь 2025	339,6	—	410,0	—	749,6	—
Июнь 2026	363,9	7,17	596,6	45,50	960,6	28,14
Июль 2025	381,2	—	731,2		1112,5	—
Июль 2026	380,4	-0,23	742,8	1,59	1123,2	0,97

Источник: Trade Statistics > Search Trade Statistics > By Country // Korea Customs Service Trade Statistics URL: https://tradedata.go.kr/cts (дата обращения: 16.06.2026); систематизация данных и расчёты изменений выполнены автором статьи.

Есть ли основания для оптимизма в отношении российско-южнокорейской торговли? На текущий момент можно сделать несколько промежуточных выводов:

Во-первых, курс на сокращение объёмов торговли Республики Корея с Россией не менялся в зависимости от расстановки политических сил в Сеуле (санкции ввели при президенте-демократе Мун Чжэ Ине, продолжили при консерваторе Юн Сок Ёле, и оставили почти без изменений при демократе Ли Чжэ Мёне). Существующий антагонизм является производной от более глобальных процессов, в рамках которых

для южнокорейских политиков нет причин существенно отклонятся от проамериканской политической и, как следствие, торгово-экономической генеральной линии.

Во-вторых, устойчивым остаётся тренд на непосредственное снижение южнокорейского экспорта в Россию: даже если и в ущерб торговому балансу — импорт продолжает превышать экспорт.

В-третьих, так же легко, как был частично восстановлен импорт из России ввиду осложнений с цепочкой сырьевых поставок из Персидского залива, его можно и сократить. Станет ли рост импорта из России достаточно долговременным трендом, будет возможно оценить только через один или два года. Пока не представляется возможности дать оценку краткосрочности или наоборот долговременности тенденций с января по июль 2026 г.

Выводы

История торговли Республики Корея как американского союзника с Российской Федерацией является крайне своеобразной. Даже без присоединения РК напрямую к антироссийским санкциям после 2014 г., российско-южнокорейская торговля заметно сократилась, но затем выросла и даже превысила докризисный показатель — главным образом благодаря наращиванию сырьевого импорта из России и вместе с ним торгового дефицита.

Полноценное присоединение РК к антироссийским санкциям в 2022 г. привело к ожидаемо сильному снижению товарооборота, сократив его более чем наполовину в сравнении с 2013 г. Если до 2022 г. доля России во внешней торговле Южной Кореи колебалась около отметки 1,8—2%, то за эти четыре года она упала до 0,82%. Так как основа санкций — это ограничения на экспорт, основные потери понесли поставки в Россию, заметно сократился импорт промышленного оборудования и другой высокотехнологической продукции. Торговый дефицит же, даже в условиях сильнейшего сокращения импорта, всё равно сохранился.

Наконец, новейшая к моменту написания статьи торговая статистика за январь—июль 2026 г. демонстрирует заметный рост импорта по сравнению с аналогичным периодом 2025 г. Однако является ли это предвестником возможной тенденции на количественное восстановление российско-южнокорейской торговли, лишь предстоит узнать в будущем.

Библиографический список

Кику Д.В. Об антироссийских санкциях Республики Корея в связи с ситуацией на Украине // Современные проблемы Корейского полуострова 2022 / Рос. акад. наук; Ин:т Китая и совр. Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2022.

Киселева В. И. Внешнеэкономические интересы России и Южной Кореи в двустороннем торговом сотрудничестве // РСМ. 2025. № 2 С. 128—147.

Лешаков П. С., Малофеева Н. Российско-южнокорейское экономическое взаимодействие на паузе // Кореeведение. 2023. № 2 (3).

Пасько Н. Ю. Развитие и современное состояние системы экспортного контроля в Республике Корея// Кореeведение. 2023. № 3(4). С. 76—88.

Самсонова В. Г., Зуева А. Г. Современные тенденции в экономике РК (2020—2022 гг.) // Кореeведение. 2022. № 1. С. 36—52.

Korea Customs Service Trade Statistics [Электронный ресурс]. URL: https://tradedata.go.kr/cts/index_eng.do (дата обращения: 16.06.2026).

References

Kiku, D.V. (2022) Ob antirossiyskih sankciyah respubliki koreya v svyazi s situaziey na Ukraine [South Korea's Anti-Russian Sanctions with Regard to Situation in Ukraine], *Sovremennye problem Korejskogo poluostrova* 2022 : Sbornik statej, Institute of China and Contemporary Asia of the RAS: 34—44. DOI: 10.48647/IFES.2022.11.68.005. (In Russian)

Kiseleva V. I. (2025) Russia's and South Korea's Foreign Economic Interests in Bilateral Trade Cooperation. *RSM*, 2025 2: 128—147. (In Russian)

Korea Customs Service Trade Statistics. URL: https://tradedata.go.kr/cts/index_eng.do (accessed: 16 Aug, 2026).

Leshakov P.S., Malofeyeva N. (2023) Russian-South Korean Economic Interaction on Pause. *Koreanology*, 2023, 2 (3): 16—28. DOI: 10.48647/ICCA.2022.85.78.012. (In Russian)

Pasko N.Y. (2023) Razvitiye i sovremennoye sostoyaniye sistemy eksportnogo kontrolya v Respublike Koreya [The development and present state of the export control system in the Republic of Korea]. Koreevedenie [*Koreanology*], 2023, 3 (4): 76—88. DOI: 10.48647/ICCA. 2023.59.55.007. (In Russian)

Samsonova V.G., Zueva A.G. (2022) Modern trends in the ROK's Economy (2020—2022). *Koreanology*, 2022, 1: 36—52. DOI: 10.48647/ICCA.2022.39.29.004. (In Russian)

Поступила в редакцию: 25.08.2026
Принята к публикации: 10.09.2026

Received: 25.08.2026
Accepted: 10.09.2026

Научное издание

Корееведение
№ 3(16), 2026

Редактор русских текстов:	Иванова Надежда Ивановна
Технический редактор:	Иванова Надежда Ивановна
Верстка:	Тарасов Сергей Юрьевич
Источник иллюстрации для обложки:	Freepik

Дата публикации электронной версии	Сентябрь 2026 г.
Подписано в печать	30.09.2026
Тираж	100 экз.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН

E-mail: koreanology@iccaras.ru

Scientific edition

Koreanology
No 3(16), 2026

Editor:	Ivanova N.
Technical editor:	Ivanova N.
Layout:	Tarasov S.
Source of picture on the cover:	Freepik

Date of issue	September 2026
Posted in press	
Circulation	100 copy

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: koreanology@iccaras.ru